

И
Л

И
Л

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Эжен Ионеско

Лысая певица

Эжен Ионеско · Лысая певица

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Eugène Ionesco

Эжен Ионеско

Лысая певица

Пьесы

Перевод с французского

Предисловие Г. Зингера

Составление И. Дюшена

Москва
«Известия»
1990

И (Фр)
И75

Ответственный редактор Библиотеки «ИЛ» В. Перехватов

Редактор Т. Иванова

Рецензент Г. Косиков

На обложке:

*Картина испанского художника
Хуана Миро «Луна». 1948 г.*

И $\frac{4703000000-005}{074(02)-90}$ 66-90

ISBN 5-206-00048-5

© Оформление, составление, предисловие, перевод на русский язык
издательство «Известия», журнал «Иностранная литература», 1990

Алгебра антиутопии

«Полный абсурд!» — восклицают обычно, когда хотят подчеркнуть, что предмет исчерпан и не стоит дальнейшего обсуждения. Однако Эжена Ионеско волнуют именно те «страхи и грезы», которые терзают людей за гранью разумного объяснения действительности, когда повседневная жизнь кажется лишеною смысла. По поводу пьес и их создателя написано много исследований, изобилующих ссылками на труды философов, социологов, трактаты по психоанализу и т. п. Ионеско в них часто выглядит замкнутым сверхэлитарным создателем чрезвычайно усложненных произведений, понять которые без специальной подготовки так же трудно, как, скажем, современные физические теории.

Однако зрители его пьес во всем мире три с лишним десятилетия как бы не догадываются, какая это трудная работа — понимать Ионеско, и исправно посещают спектакли, годами не сходящие с афиш. Перед нами один из самых «кассовых» драматургов, довольно ехидно отмахивающийся от своих интерпретаторов, бросая фразы вроде следующей: «Может быть, произведение — лишь то, что о нем думают»*.

Действительно: о чем, собственно говоря, «Лысая певичка», первое его произведение, появившееся на сцене и сперва прошедшее почти незамеченным? Однажды, как объясняет автор, решив выучить английский, он взялся штудировать разговорник и удивился, с какой легкостью обыденная жизнь человека обходится не слишком длинным перечнем прописных «фундаментальных истин», вполне очерчивающих ее умственный горизонт. Конечно, Ионеско лукавит. Так же, как тогда, когда рассказывает о своем первом драматургическом опыте: мальчиком десяти—одиннадцати лет он из книг и уроков уразумел, что французский язык — самый прекрасный на свете, а французские солдаты — самые неустрашимые в мире и если когда бывали биты, то лишь по вине предателей-союзников. Проникнувшись этим убеждением, он сочинил пьесу «За Родину!» о трагедии солдата — жертвы войны. Но, переехав вскоре в Румынию и там продолжив учение, юный сочинитель быстро усвоил мысль

* Eugène Ionesco. Notes et contre-notes. P., Gallimard, 1966, p. 102.

о превосходстве румынского языка и румынских солдат над всеми прочими и узнал, что эти доблестные воины тоже терпели поражение только из-за чьего-то коварства. Тогда он перевел свой опус на румынский.

В этой простенькой истории — модель будущих произведений Ионеско, типичного для них конфликта неокрепшего сознания с мощной и агрессивной идеологией. «Идеология» — главный противник автора, с ней он сражается, ее бичует, над ней издевается в драмах, статьях и выступлениях. «Идеи» в его понимании — некие наделенные особой жизнеустойчивостью сущности, почти существа, подобные «трихинам», привидевшимся герою Достоевского. Как во сне Раскольников, они внедряются в сознание людей и ведут себя там подобно завоевателям в покоренной стране.

Большинство европейских теорий идеального жизнеустойства, выдвинутых в первой половине XX века, отпугивают драматурга своим явственным тоталитарным привкусом. Слишком часто проповедовалась готовность отдать в жертву «великим идеям, прекрасным идеям, идеальным идеям» — как говаривал его старший современник поэт Жак Превьер — одинокую и малую перед этаким бедствием человеческую жизнь. Пытаясь противостоять опасности, персонажи Ионеско возводят свои хрупкие бастионы из слов, ставших «звонкими скорлупками, лишенными смысла». Но такие усилия тщетны.

Вот в «Стульях» Ионеско с нарочитой буквальностью пробует на прочность метафору «Кто был ничем, тот станет всем» в ее приниженно-бытовом значении. Два старика, оттесненные на низшую ступень социальной лестницы, оболваненные уверениями, что они-то и есть подлинные хозяева жизни, совершенно теряют связи с действительностью и строят собственный иллюзорный мир, лишенный каких-либо материальных опор. На свой манер они умудряются жить в нем так же страстно и полнокровно, как в реальном. Какая власть у «маршала лестничных маршей»? Не бóльшая, чем у консьержки из «Бескорыстного убийцы». Однако и тут, и там задавленное, поруганное самоуважение требует компенсации, хотя бы такой мнимой, как брань за спиной у постояльца, который не слышит, или присутствие воображаемого императора на предсмертном торжестве.

Герои большинства пьес Ионеско обитают в неудобных сырых жилищах со слезящимися стенами и разрушающейся мебелью, и если им удастся оттуда вырваться, как в «Бескорыстном убийце», новый мир кажется похожим на то, о чем они всегда мечтали. И здесь выявляется главный недуг этих персонажей — ущербность мечты. Обетованная земля оказывается смертоносной, как идиллический полу-денный город в «Носороге», обитатели которого превращаются в чудовищ, либо не выпускает назад, оборачиваясь ловушкой, подобно уютной монастырской обители, куда попадает герой-странник из «Жажды и голода», или «подземелью памяти», где заточили себя действующие лица пьесы «Жертвы долга».

Исследуя мифологию повседневного обихода, Ионеско наблюдает, как человек пытается возвыситься в собственных глазах, не выходя из круга привычных поступков и тривиальных представлений. Так, его герои подчас пытаются оправдать бесславно прожитую жизнь славной или хотя бы осмысленной, незряшной смертью. Но подобная надежда банальна, а, по мнению драматурга, «банальность — всегда ложь; истинно лишь то, что оригинально». Ложь не питает трагедию. К тому же Ионеско, избегающий трагического пафоса — недаром он называет себя «трехгрошовым Стриндбергом», — убежден, что негоже мифологизировать смерть как последний козырь в жизненной игре. Это самообман. В «Играх смерти» неведомая болезнь косит идеалистов и циников, правых и виноватых, но их горячечные монологи напрасно сотрясают воздух: исповедь веры — плохое лекарство, ею невозможно заклясть или отвратить неизбежное.

Беранже, любимый герой драматурга, из пьесы в пьесу оказывается на краю гибели. (Одну из них, «Король умирает», критики назвали «уроком обучения смерти», а Беранже в ней представал универсальным воплощением страдания, «Королем... Человеком, Богом, Христом и Ионеско».) Советскому читателю этот персонаж известен по «Носорогам». «Бескорыстный убийца», включенный в данный сборник, написан годом ранее. В этих двух драмах мысли автора о том, что в терминах экзистенциальной философии было принято называть «уделом человеческим», и о тоталитарной идеологии связаны в единый узел.

Размышляя над природой фашизма и открыто игнорируя его социальные истоки (они общеизвестны, а философ не повторяет общих мест), Ионеско приходит к выводу, что в основе нацистской индустрии оболванивания — «выдумки интеллектуалов, идеологов и полуинтеллектуалов. У последних инстинкт толпы сильнее, нежели у самой толпы; они не думают, а скандируют, так сказать, интеллектуальные лозунги».

В этом утверждении скрыт парадокс, вокруг которого располагается конфликт многих его драм. Нацизм — враг интеллектуализма, как всем известно, и вдруг — детище интеллектуалов? Но вот в «Бескорыстном убийце» Беранже сам постепенно внушает себе, что его противник, ничтожнейший мозгляк, сильнее его, рогого вооруженного человека, и к тому же имеет право на преступление. В «Носорогах» ситуация обратная. Окружающие убеждают Беранже, что совершенно естественно и, главное, разумно последовать примеру большинства и превратиться в «мощное», «свободное» животное, тем самым как бы совершая священный акт «возвращения к природе», и всё спрашивают, какие же доводы ума не позволяют ему оносорожиться.

Научный и философский позитивизм, укрепившийся еще в конце прошлого века, вера в то, что прагматическое, основанное на логике и пользе знание откроет все тайны бытия и облагодетельствует человечество, породили культ «железной логики прогресса», который только в недавние годы перестал выглядеть безусловно нравственным. Как ни странно, несколько двусмысленную роль сыграло здесь и повсеместное распространение грамотности. Сызмала внушался пиетет к «искусству логики» как одному из высших даров и откровений цивилизации, к умению «правильно мыслить», небесполезному для карьеры. Все это потеснило заботы о том, как жить в соответствии со своей совестью, убеждениями, верой. Но логика внеморальна. Этим-то и воспользовались небескорыстные раскольничьих XX века, возводя ненавистные Ионеско укрепления идеологических постулатов о нравственном праве пожертвовать одним человеком ради десяти или десяти тысяч, убеждением ради служебного долга, совестью ради мнения большинства.

Обыватель всегда готов почтительно впасть в столбняк

перед вещающим от имени Разума. У Сократа и у кота по четыре конечности, отсюда следует, что кот и Сократ — одно и то же,— таким утверждением демонстрирует силу рациональных аргументов один из почтенных старичков. «А ведь верно,— восхищается другой,— моего кота как раз и зовут Сократ»*. Вот гротескно упрощенная модель действия идеологии на персонажей театра Ионеско.

По сути, в обеих пьесах Беранже решает, как ему жить: по логике или по чувству. Его внутренний конфликт сродни толстовскому «по уставу или по совести». В «Бескорыстном убийце» автор намеренно лишает его особых социальных примет: перед нами «человек вообще», без профессии, друзей, прочных связей, даже влюбившийся как-то вприглядку, в порыве «призрачного энтузиазма» (по замечанию К. Тайнена — свойства большинства героев Ионеско). Оказавшись в некоем «сияющем квартале», где властвует непонятный ему порядок, Беранже пытается обрести внутреннюю опору, он, как утопающий, цепляется за обрывки каких-то постулатов, с детства усвоенных классических сентенций, а ему, чувствительному по натуре, объясняют, что к убийце, терроризирующему округу, все привыкли, что он не трогает членов администрации и т. п. Столкнувшись с преступником, Беранже попытается заговорить с ним как с человеком, наделенным собственной правотой, признанной жителями, полицией и начальством... Герой обречен, поскольку попал туда, где действуют законы безоблачного дня и кровавой ночи.

Тоталитарный правопорядок порождает своеобразную социальную мифологию: бодрые лица плакатов, парадные марши, благие вести «со строек и полей», радостные песни на улицах — и бессонные ночи в ожидании, что вот-вот в твоё жилище вломятся «носороги». То, что естественно в подобном параноическом климате, воссозданном Ионеско, противоестественно для нормальной жизни, и Беранже первой пьесы признает свое поражение, впад в межеумочное, сумеречное состояние души.

В «Носорогах» тот же герой более заземлен, обладает какими-никакими привязанностями, умеет слушаться голоса

* Э. Ионеско. Носороги.— «Иностранная литература», 1965, № 9. (Печаталось под названием «Носорог».)

чувства и доверять собственной природе больше, чем рассуждениям о природе «человека вообще». Его легко вывести из равновесия, сбить с толку, заморочить, но его человечность неискоренима. Абсурдному миру превращений противостоит одинокий человек. Он вовсе не самый выдающийся и примерный, с множеством слабостей и недостатков, но социальная паранойя оносороживания теряет власть над ним. Он выпадает из ее логики: нормальный выглядит отклонением от нормы, здравомыслящий кажется безумцем. К нему уже не подобрать логических отмычек. Обреченный, он остается непобедимым.

Такой же импульс руководит и героем «Жертв долга». Здесь, по собственному признанию, автор пытался создать «не комедию, не драму, не трагедию, а лирическую исповедь, нечто «из пережитого». И опять-таки основным источником внутреннего конфликта оказывается сопротивление естественного человека навязанным ему установкам. Кроме некоторого намека на присущий его натуре артистизм, Шуберт в пьесе имеет мало общего со своим великим однофамильцем. Так же, как Беранже не похож на поэта XIX века (драматург изменяет орфографию имени, что, однако, не сказывается при произнесении), если не считать робкого, но вместе с тем и стойкого призыва к внутренней свободе.

Как многие персонажи, населяющие театр Ионеско, Шуберт законопослушен, готов подчиняться приказам свыше и кроток перед лицом принуждения. Все же в развернутой метафоре его спуска в подвалы памяти ошутима попытка ускользнуть от грубого давления, в чем и проявляется творческая энергия его души. Вообще-то Ионеско с явным недоверием относится к героям и титанам, когда речь идет о сопротивлении идеологическому насилию. Ему интереснее смиренные люди, обладатели малоосязательного нравственного капитала, который определяется такими расплывчатыми словами, как «порядочность», «достоинство». Эти понятия не поддаются рациональному структурированию и потому не уловляются в сети из плетеных словес. На таких людей надеется, к ним апеллирует драматург. Трудно им жить. Их оглушают трубными выкриками проповедники нового рая, их мозг отравлен «интеллектуальными лозун-

гами» о неотвратимой победе носорогов, они все время чувствуют себя марионетками в чьих-то руках.

У французского кукольника Ф. Жанти есть номер, в котором Арлекин, желая избавиться от власти кукловода, по одной рвет нити, на которых подвешен, — и падает без движения. Подобная метафора освобождения без гарантий, гибельного акта свободной воли снова и снова разыгрывается в лицах героями Ионеско. Ностальгия по достоинству, по самозначимости, пусть неправильно понятой и извращенной, делает самых нелепых его персонажей достойными зрительской симпатии, хотя их создатель сохраняет вид подчеркнуто бесстрастный.

Он не устает повторять: «Автор не учит, он выдумывает». Он «не судья, не адвокат, не прокурор, не обвинитель: он свидетель». Ионеско не любит обличительных произведений, брехтовское направление в театре считает агрессивным и «эпидемичным», высказывается против «тенденциозных» драм, создатели которых ведут себя «как шулера: они подталкивают героев, дергают их за ниточки».

Сам Ионеско умеет внушить своим критикам, что его искусство асоциально, что оно есть радость в чистом виде, не связанная с реальностью, радость творения. Он намеренно лишает реплики героев привычного психологического «подтекста». Читатель сам волен награждать персонажей эмоциями, его вовлекают в режиссуру, позволяют вложить в пьесу любое настроение, комическое, трагическое, ярмарочно-буффонное. При этом драматург щедр до расточительности. В его текстах множество хитроумных аллюзий, литературных реминисценций, пародийно переименованных цитат; вся эта желанная пища для нелюбимых им комментаторов предоставлена читателю почти исключительно для его, читателя, удовольствия, хотя подобные изыски часто совершенно бесполезны для быстротекущего сценического действия. Бегло проговариваемые актерами, они выступают в своем основном качестве как «слова, слова, слова...» (один из критиков даже назвал «Стулья» и «Лысую певицу» «трагедиями слов»).

В призрачной отрешенности героев от мира слова кажутся им чем-то единственно существенным, наделенным плотью, метафоры речи заменяют поступки и подчас вопло-

щаются въяве. Тот же Беранже в «Воздушном пешеходе» или Шуберт в «Жертвах долга» буквально «взлетают на крыльях» своего воображения, и пародийное это действие кажется их партнерам реальностью не менее ощутимой, чем, скажем, хождение в должность. В мире Ионеско люди выпускают на волю свои давние мечты, и те материализуются и живут вместо них. Банальные истины, вещи, призванные удостоверять, что их обладатели чего-то стоят,— все эти заместители реальной действительности вытесняют из жизни тех, кто их создал, подобно стульям, которые должны были бы объединить своих хозяев со всем миром, но, будучи нагромождены на сцене, сначала разъединили старика и старуху, а затем буквально сжили их со свету. Порождение фантазии, воплотившись, делает нереальной, вымышленной, небывшей саму жизнь обитателей дома на воде.

По стилистике Ионеско ближе всего к европейской антиутопии, изучающей постепенное или катастрофическое отчуждение от людей — членов какого-либо сообщества — их индивидуальных человеческих свойств, превращение их в придатки Системы. Философ по образованию, автор занимается всеми видами порабощения в сфере сознания и в той же области ведет поиск своего рода «антитрихинов». Руководствуясь пародийно-торжественным призывом Рабле «экстрагировать квинтэссенцию» бытия, он противопоставляет ненормально разросшейся в сознании логике ясный рациональный анализ*. Как алгеброй гармонию, он расчленяет антиутопию, обнажая ее логическую структуру. В этом смысле его пьесы оказываются доступнее сложных построений Оруэлла или Замятина и служат чрезвычайно талантливым и остроумным наглядным пособием по социальной патологии массового сознания.

Именно логическая четкость конструирования паралоги-ческого мира позволяет Ионеско удержаться от нагромождения тошнотворных ужасов, рек крови и прочих натуралистически обличительных приемов. Достоверности он добивается более гуманными способами и, воссоздавая подчас чудовищный и непригодный для жизни облик совре-

* В. Г. Адмони. Поэтика и действительность. Л., «Советский писатель», 1975, с. 202—205.

менности, не терроризирует зрителей и читателей. Впрочем, эта его особенность в немалой степени выявляет черты одного из направлений не только общеевропейского, но и нашего отечественного искусства.

Во Франции и в России интерес к «пошлости» как отнюдь не безобидному проявлению психологии толпы оформился практически одновременно: во второй трети XIX века, когда появились флюберовский «Лексикон прописных истин» и опусы Козьмы Пруtkова. И здесь и там выработывался особый тип анализа сознания, которое теперь именуют массовым или стадным, когда авторская позиция мимикрирует, подделывается до полного неразличения под такое сознание, вскрывая его «изнутри». В советское время дело А. К. Толстого и кружка «прутковцев» продолжили Зощенко, Хармс, Олейников, их отголоски явственны у Шварца.

Развитие этого направления, как и многих других, было трагически прервано. Полное осознание величины его вклада в культуру и укорененности в классической традиции еще предстоит (вспомним веселую «Фантазию» А. К. Толстого и его же несколько зловещее «Торжество добродетели»), и здесь творчество Ионеско предлагает увлекательные параллели, демонстрируя живую связь театра абсурда, например, с классическим водевилем Фейдо и мольеровским фарсом. Быстрые смены действия, многообразие и насыщенность движения на сцене, легкость диалога и напряженность обмена репликами, фееричность декоративного оформления, какой требует постановка многих его пьес, остроумие и рациональная «прозрачность» речи действующих лиц восходят именно к этим истокам.

Что до пресловутой элитарности автора, то бурная сценическая история его пьес во всем мире опровергает этот тезис. «Буржуазный театр народнее народного, — замечает Ионеско, разумея под «буржуазностью» просто уровень профессионализма. — Так футбольный матч вдохновляет кондитера, мастерового и министра финансов. Приобщиться к нему легко; образованные люди, причастные искусству, способны заметить то же, что и любой нормальный человек замечает в меру своего воспитания».

По Ионеско, искусство аристократично само по себе, ибо защищает индивидуальность как таковую. «Истинный ари-

стократизм (не кастовый, тот ложен) есть не что иное, как стремление к свободе». Авангард, к которому драматург себя причисляет, отнюдь не литература для избранных, поскольку, уверяет он (и его творчество тому порукой), «то, что элитарно вчера,— народно завтра».

Г. Зингер

Лысая певица

Антипьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мистер Смит

Миссис Смит

Мистер Мартин

Миссис Мартин

Мэри, служанка

Капитан пожарной команды

СЦЕНА I

Буржуазный английский интерьер с английскими креслами. Английский вечер. Мистер Смит, англичанин, в английском кресле и английских туфлях, курит английскую трубку и читает английскую газету у английского камина. На нем английские очки, у него седые английские усики. Рядом в английском же кресле миссис Смит, англичанка, штопает английские носки. Долгая английская пауза. Английские часы на стене отбивают семнадцать английских ударов.

Миссис Смит. Вот и девять часов. Мы ели суп, рыбу, картошку с салом и английский салат. Дети пили английскую воду. Мы сегодня хорошо поужинали. А все потому, что мы живем в окрестностях Лондона и наша фамилия Смит.

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты. Картошка с салом — очень вкусная вещь, масло в салате не прогоркло. Масло в бакалее на углу гораздо, гораздо лучше, чем масло в бакалее напротив, и лучше даже, чем в бакалее дальше по берегу. Но я вовсе не хочу сказать, что в тех бакалеях плохое масло...

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты. А все-таки масло в бакалее на углу лучше всего...

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты. На сей раз Мэри пожарила картошку как следует. В прошлый раз она ее недожарила. А я люблю картошку, когда она жарена как следует.

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты. Рыба была свежая. Я ела с наслаждением. Два раза брала добавку. Нет, три раза. Потом пришлось пойти в туалет. Ты тоже три раза брал добавку. Но ты в третий раз взял гораздо меньше, чем раньше, а я, наоборот, гораздо больше. Я сегодня ела лучше, чем ты. С чего бы это? Обычно ты гораздо больше ешь. На отсутствие аппетита ты не можешь пожаловаться.

Мистер Смит щелкает языком. А суп, кстати, был чуточку пересолен. В нем соли было больше, чем в тебе. Ха-ха-ха. И чересчур много порея и мало лука. Жалко, я не сказала Мэри, чтоб гвоздики положила. Не забыть бы в следующий раз.

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты. Наш малыш с удовольствием бы выпил пива, скоро будет

им накачиваться — он весь в тебя. Ты заметил, как он косился на бутылку? А я налила ему воды из графина. Ему хотелось пить, и он выпил воду. Елена — та вся в меня: хозяйственная, экономная, играет на пианино. Никогда не попросит английского пива. Совсем как наша крошка, которая пьет исключительно молочко и ест исключительно кашку. Сразу видно, что ей всего два года. Ее зовут Пегги. Торт с айвой и фасолью был изумительный. Может, за ужином и не мешало бы выпить по стаканчику австралийского бургундского, но я не поставила вина на стол, чтоб не подавать детям дурной пример. Пусть учатся трезвости и умеренности.

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты.

У миссис Паркер есть знакомый болгарский бакалейщик Поповеш Розенфельд, он только что приехал из Константинополя. Большой специалист по йогурту. Окончил институт йогурта в Андринополе. Завтра же надо будет у него купить большой горшок болгарского фольклорного йогурта. Такие вещи редко встретишь у нас в окрестностях Лондона.

Мистер Смит щелкает языком, не отрываясь от газеты.

Йогурт прекрасно действует на желудок, почки, аппендицит и апофеоз. Это мне доктор Маккензи-Кинг сказал, который лечит детей у наших соседей, у Джонсов. Он хороший врач. Ему можно верить. Он никогда не пропишет средства, которого бы на себе не испробовал. Прежде чем оперировать Паркера, он сперва сам лег на операцию печени, хоть был абсолютно здоров.

Мистер Смит. Так почему же доктор выкарабкался, а Паркер умер?

Миссис Смит. Потому что операция доктора прошла удачно, а операция Паркера неудачно.

Мистер Смит. Значит, Маккензи плохой врач. Операция должна была пройти удачно в обоих случаях либо в обоих случаях дать летальный исход.

Миссис Смит. Почему?

Мистер Смит. Добросовестный врач умирает вместе с больным, если оба они не выздоравливают. Капитан корабля вместе с кораблем гибнет в волнах. Если тонет корабль, он не может остаться в живых.

Миссис Смит. Нельзя больного сравнивать с кораблем.

Мистер Смит. Почему это? У кораблей тоже бывают свои болезни. Да и доктор твой здоров, как линкор, тем более он должен был погибнуть вместе с больным, как врач со своим кораблем.

Миссис Смит. Ах, я и не подумала... Ты, наверное, прав. Ну и какой же ты отсюда делаешь вывод?

Мистер Смит. Что все врачи шарлатаны. И все больные тоже. Только флот у нас в Англии честен.

Миссис Смит. Но не моряки.

Мистер Смит. Само собой. *(Пауза. Опять глядя в газету.)* Одного я никак не пойму. Почему в рубрике гражданских состояний всегда указывается возраст усопших, а у новорожденных систематически не указывается? Это абсурд.

Миссис Смит. А я и не замечала!

Снова пауза. Часы на стене бьют семь раз. Пауза. Часы бьют три раза. Пауза. Часы бьют ноль раз.

Мистер Смит *(все еще глядя в газету)*. Смотри-ка, здесь написано, что умер Бобби Уотсон.

Миссис Смит. Господи! Бедный! И когда это он умер?

Мистер Смит. Нечего делать удивленный вид. Ты прекрасно знала. Он вот уже два года, как умер. Не помнишь? Мы были на похоронах полтора года назад.

Миссис Смит. Ну конечно, я помню. Я сразу вспомнила, просто я не поняла, почему ты так удивился, прочитав про это в газете.

Мистер Смит. В газете про это ничего нет. Мне уже три года назад говорили о его смерти. И я по ассоциации вспомнил.

Миссис Смит. Какая жалость! Он так хорошо сохранился.

Мистер Смит. Это был красивейший труп во всей Великобритании! Совершенно не выглядел на свой возраст. Бедный Бобби! Четыре года, как умер, а был еще теплый. Вот уж поистине живой труп. А какой веселый!

Миссис Смит. Бедная Бобби!

Мистер Смит. Ты хочешь сказать — бедный Бобби.

Миссис Смит. Нет, это я про его жену. Ее тоже звали Бобби. Бобби Уотсон. Из-за этого совпадения их вечно путали, когда видели вместе. Только после его смерти и разобрались наконец, кто из них кто. Да и сейчас еще находятся люди,

которые путают ее с покойником и приносят ей соблезнования. Ты с ней знаком?

Мистер Смит. Я только раз ее видел, совершенно случайно, на похоронах Бобби.

Миссис Смит. А я никогда не видела. Она хорошенькая?

Мистер Смит. Черты у нее правильные, но хорошенькой ее не назовешь. Слишком толстенная и большая. Черты у нее неправильные, но она, можно сказать, очень даже хорошенькая. Только чересчур хрупкая и маленькая. Она учительница пения.

Часы на стене бьют пять раз. Долгая пауза.

Миссис Смит. И когда они надумали пожениться?

Мистер Смит. Самое позднее весной.

Миссис Смит. Надо будет пойти на свадьбу.

Мистер Смит. Надо свадебный подарок преподнести. Я вот думаю — что подарить?

Короткая пауза. Часы на стене бьют два раза.

Миссис Смит. Почему бы не пожертвовать им одно из семи серебряных блюд из тех, которые нам подарили на свадьбу и которые нам ни разу негодились? Как печально в столь юные годы остаться вдовой.

Мистер Смит. Счастье еще, что нет детей.

Миссис Смит. Только этого не хватало! Что бы бедняжка с ними делала?

Мистер Смит. Она еще молодая. Прекрасно снова выйдет замуж. Траур ей к лицу.

Миссис Смит. А кто о детях будет заботиться? Ты же знаешь, у них мальчик и девочка. Как их зовут?

Мистер Смит. Бобби и Бобби — в честь родителей. Дядя Бобби Уотсона, старый Бобби Уотсон, большой богач, и он любит мальчика. Уж как-нибудь позаботится о воспитании Бобби.

Миссис Смит. Еще бы! А тетка Бобби Уотсона, старая Бобби Уотсон, уж как-нибудь может заняться воспитанием Бобби Уотсон, дочери Бобби Уотсона. И тогда мама Бобби Уотсон, Бобби, сможет снова выйти замуж. Есть у нее кто-нибудь на примете?

Мистер Смит. Да, кузен Бобби Уотсона.

Миссис Смит. Это Бобби Уотсон?

Мистер Смит. Ты про какого Бобби Уотсона?

Миссис Смит. Про Бобби Уотсона, сына старого Бобби Уотсона, другого дяди Бобби Уотсона, который умер.

Мистер Смит. Нет, это не он. Это Бобби Уотсон, сын старой Бобби Уотсон, тетки Бобби Уотсона, который умер.

Миссис Смит. То есть это Бобби Уотсон — коммивояжер.

Мистер Смит. Все Бобби Уотсоны — коммивояжеры.

Миссис Смит. Какая трудная профессия! Но довольно доходная.

Мистер Смит. Да, если нет конкуренции.

Миссис Смит. А когда нет конкуренции?

Мистер Смит. По вторникам, четвергам и вторникам.

Миссис Смит. Да? Три раза в неделю? И что же делает в это время Бобби Уотсон?

Мистер Смит. Спит, отдыхает.

Миссис Смит. Почему же он не работает в эти три дня, когда нет конкуренции?

Мистер Смит. Я не обязан все знать. Я не обязан отвечать на все твои идиотские вопросы!

Миссис Смит (*обиженно*). Это ты так говоришь, чтоб меня унижить?

Мистер Смит (*широко улыбаясь*). Да нет же, ничего подобного, и ты это знаешь.

Миссис Смит. Все вы мужчины одинаковы: целый день не выпускаете сигареты изо рта, либо по пятьдесят раз на день пудритесь, красите губы, если только не напиваетесь до бесчувствия.

Мистер Смит. Ну, а ты хотела, чтоб мужчины вели себя как женщины — целый день курили, пудрились, мазались помадой и дули виски?

Миссис Смит. Ну и что? Подумаешь! Но если ты все это говоришь, чтоб меня позлить, так я... я не люблю подобных шуток, и ты это знаешь! (*Отшвыривает носок, оскаливается. Встает*).

Мистер Смит (*тоже встает, нежно подходит к жене*). Ах, куреночек мой жареный! Зачем же так кипятиться? Ты ведь знаешь, что я это все для смеха! (*Обнимает ее за талию, целует*.) Какая мы трогательная парочка старых влюбленных! Давай погасим свет и приляжем бай-бай.

СЦЕНА II

Те же и Мэри.

Мэри (*входя*). Я служанка. Я очень приятно провела вечер. Я была в кино с мужчиной и смотрела фильм с женщинами. После кино мы пили водку с молоком, потом мы читали газету.

Миссис Смит. Я надеюсь, вы очень приятно провели вечер, если вы были в кино с мужчиной и пили водку с молоком.

Мистер Смит. И газету!

Мэри. Ваши гости, мистер Мартин с супругой, стоят у двери. Они меня ждали, потому что сами не решались войти. Они должны были сегодня ужинать с вами.

Миссис Смит. Ах да! Мы их ждали. Но потом мы проголодались, а они все не шли, и мы поели без них. Мэри, зачем же вы ушли!

Мэри. Вы сами меня отпустили.

Мистер Смит. Это не нарочно!

Мэри (*разражается хохотом. Потом плачет. Улыбается*). Я купила себе ночной горшок.

Миссис Смит. Милая моя Мэри, будьте так добры, откройте дверь и попросите войти мистера Мартина с супругой. А мы пока быстренько переоденемся.

Смиты исчезают в правой двери. Мэри открывает левую дверь. Входят Мартини.

СЦЕНА III

Мэри и супруги Мартин.

Мэри. Почему вы так поздно? Это невоспитанно. Надо вовремя приходить. Ясно? Ладно, садитесь уж, ждите. (*Уходит.*)

СЦЕНА IV

Миссис и мистер Мартин садятся друг против друга. Не разговаривают. Робко улыбаются. Следующий диалог произносится монотонно, слегка напевно, совершенно без всякого выражения.

Мистер Мартин. Простите, мадам, но мне кажется, если я не ошибаюсь, я вас где-то видел.

Миссис Мартин. И мне тоже, мсье, мне тоже кажется, я вас где-то видела.

Мистер Мартин. Может быть, я вас видел в Манчестере?

Миссис Мартин. Вполне возможно. Я родом из Манчестера. Но я не помню, мсье, я не могу сказать точно, видела я вас там или нет!

Мистер Мартин. Боже, как удивительно! Сам я тоже родом из Манчестера, мадам!

Миссис Мартин. Как это удивительно!

Мистер Мартин. Как это удивительно! Только я, мадам, уехал из Манчестера месяца два тому назад.

Миссис Мартин. Как это удивительно! Какое странное совпадение! Я тоже уехала из Манчестера месяца два тому назад...

Мистер Мартин. Я выехал поездом в восемь тридцать утра и приехал в Лондон в шестнадцать сорок пять, мадам.

Миссис Мартин. Как это удивительно! Как странно! И какое совпадение! Я тоже ехала на этом поезде!

Мистер Мартин. Боже, как это удивительно! Так, значит, мадам, я, возможно, видел вас в поезде?

Миссис Мартин. Вполне возможно, не исключено, весьма вероятно и в конце концов почему бы нет! Но я совершенно не помню, мсье!

Мистер Мартин. Я ехал вторым классом, мадам. В Англии не существует второго класса, но я тем не менее всегда езжу вторым классом.

Миссис Мартин. Как это странно, как удивительно и какое совпадение! Я тоже, мсье, ехала вторым классом.

Мистер Мартин. Как это удивительно! Значит, скорей всего мы и встретились в вагоне второго класса, мадам!

Миссис Мартин. Весьма, весьма вероятно и совершенно не исключено. Но я как-то не помню, мсье.

Мистер Мартин. Мое место было в восьмом вагоне, шестом купе.

Миссис Мартин. Как это удивительно! И мое место было в восьмом вагоне, шестом купе.

Мистер Мартин. Как это удивительно и какое странное совпадение! Так, может быть, мы и виделись в шестом купе, мадам?

Миссис Мартин. Вполне возможно. Почему бы нет! Но я не помню, мсье!

Мистер Мартин. Честно говоря, мадам, я тоже не помню, но, возможно, мы там виделись, и, по зрелом размышлении, я полагаю, что это весьма, весьма вероятно.

Миссис Мартин. Да, конечно, конечно, мсье.

Мистер Мартин. Как это удивительно!.. У меня было место номер три, у окна, мадам.

Миссис Мартин. О Боже! Как это удивительно и как это странно, у меня было место номер шесть, у окна, напротив вас, мсье.

Мистер Мартин. О Боже, как это странно и какое совпадение! Значит, мы сидели друг против друга, мадам! Значит, там-то мы и виделись.

Миссис Мартин. Как это удивительно! Весьма возможно, но я не помню, мсье!

Мистер Мартин. Честно говоря, мадам, я тоже ничего не помню. Однако же весьма возможно, что мы с вами увиделись при таких обстоятельствах.

Миссис Мартин. Совершенно справедливо, но я в этом не уверена, мсье.

Мистер Мартин. Не вы ли, мадам, та самая дама, которая попросила меня положить ее чемодан на сетку, а потом поблагодарила и разрешила мне курить?

Миссис Мартин. Да, наверное, это я, мсье! Как это удивительно, как удивительно и какое совпадение!

Мистер Мартин. Как это удивительно, как странно, какое совпадение! Так, значит, значит, в тот момент мы, возможно, и познакомились, мадам?

Миссис Мартин. Как это удивительно и какое совпадение! Весьма возможно, мсье! Но я что-то не помню.

Мистер Мартин. И я, мадам.

Пауза. Часы бьют два — один раз.

Мистер Мартин. С тех пор, как я переехал в Лондон, я живу на Бромфилд-стрит.

Миссис Мартин. Как это удивительно, как странно! Я тоже по переезде в Лондон живу на Бромфилд-стрит, мсье.

Мистер Мартин. Как странно, но тогда, но тогда мы, возможно, встречались на Бромфилд-стрит, мадам.

Миссис Мартин. Как это удивительно, как странно. Что ж,

вполне возможно. Но я не помню, мсье.

Мистер Мартин. Я живу в доме номер девятнадцать, мадам.

Миссис Мартин. Как это удивительно, я тоже живу в доме номер девятнадцать мсье.

Мистер Мартин. Но тогда, но тогда, но тогда, но тогда мы, возможно, видели друг друга в этом доме, мадам?

Миссис Мартин. Вполне возможно, но я не помню, мсье.

Мистер Мартин. Моя квартира на пятом этаже, квартира номер восемнадцать, мадам.

Миссис Мартин. Как это удивительно, Боже, как это странно. И какое совпадение! Я тоже живу на пятом этаже, в квартире номер восемнадцать, мсье.

Мистер Мартин (*задумчиво*). Как это удивительно, как это удивительно, как это удивительно и какое совпадение. Знаете ли, в спальне у меня кровать с зеленой периной. Эта спальня с этой кроватью и с этой зеленой периной находится в конце коридора между клозетом и библиотекой, мадам!

Миссис Мартин. Какое совпадение, о Боже, какое совпадение! И у меня в спальне стоит кровать с зеленой периной, и она тоже находится в конце коридора между клозетом, мсье, и библиотекой!

Мистер Мартин. Как это странно, удивительно, непостижимо! Так, значит, мадам, мы живем в одной комнате и спим в одной постели. Может быть, там-то мы и встречались?

Миссис Мартин. Как удивительно и какое совпадение! Вполне возможно, мы там и встречались и, возможно, даже вчера ночью. Но я ничего не помню, мсье!

Мистер Мартин. У меня есть дочка, она живет со мной вместе, мадам. Ей два годика, она светленькая, у нее один глаз белый, другой красный, она прехорошенькая, ее зовут Алиса, мадам.

Миссис Мартин. Какое странное совпадение! У меня тоже есть дочка, ей два годика, у нее один глаз белый, другой красный, она прехорошенькая, и ее тоже зовут Алиса, мсье!

Мистер Мартин (*тем же тягучим монотонным голосом*). Как это удивительно и какое совпадение! И странно! Может быть, это та же самая девочка, мадам!

Миссис Мартин. Как это удивительно! Весьма возможно, мсье.

Довольно долгая пауза. Часы бьют двадцать девять раз.

Мистер Мартин (*после долгих размышлений медленно поднимается и не спеша направляется к миссис Мартин, которая тоже тихо поднимается, удивленная его торжественным видом. Мистер Мартин говорит тем же отвлеченным монотонным, чуть невучим голосом*). Значит, мадам, никакого нет сомнения, что мы уже виделись прежде и вы моя собственная жена... Элизабет, я вновь тебя обрел!

Миссис Мартин не спеша подходит к мистеру Мартину. Они целуются без всякого выражения. Часы бьют один раз, очень громко. Так громко, что удар должен испугать зрителей. Супруги Мартин не слышат его.

Миссис Мартин. Дональд, это ты, darling!

Садятся оба в одно кресло и, обнявшись, засыпают. Часы бьют еще несколько раз. Мэри тихонько, на цыпочках, приложив палец к губам, входит на сцену и обращается к публике.

СЦЕНА V

Те же и Мэри.

Мэри. Элизабет и Дональд сейчас так счастливы, что, конечно, не слышат меня. А я открою вам один секрет. Элизабет — не Элизабет, Дональд — не Дональд. И вот доказательство: ребенок, о котором говорил Дональд, — не дочь Элизабет, это не одно и то же лицо. У дочки Дональда один глаз белый, другой красный — в точности как у дочки Элизабет. Но тогда как у ребенка Дональда правый глаз белый, а левый глаз красный, у ребенка Элизабет левый глаз белый, а правый глаз красный! Таким образом, система доказательств Дональда рушится, наткнувшись на это последнее препятствие, которое сводит на нет всю его теорию. Несмотря на редкостные совпадения, кажущиеся неопровержимыми доказательствами, Дональд и Элизабет, не будучи родителями одного и того же ребенка, не являются Дональдом и Элизабет. Он может сколько угодно считать себя Дональдом, она может воображать себя Элизабет. Он может

сколько угодно думать, что она Элизабет. Она может сколько угодно считать его Дональдом. Оба горько заблуждаются. Но кто же истинный Дональд? Кто истинная Элизабет? Кому надо, чтоб продолжалась эта путаница? Я не знаю. И не будем пытаться узнать. Пусть все остается как есть. *(Делает несколько шагов к двери, останавливается, поворачивается к публике.)* Мое настоящее имя Шерлок Холмс.

СЦЕНА VI

Часы бьют как попало. Через некоторое время Мартин выпускают друг друга из объятий и садятся как прежде.

Мистер Мартин. Забудем, дарлинг, все, чего не было между нами, и, раз мы вновь обрели друг друга, не будем больше друг друга терять и давай жить как прежде.

Миссис Мартин. Да, дарлинг.

СЦЕНА VII

Справа входят мистер и миссис Смит, одетые в точности как прежде.

Миссис Смит. Добрый вечер, друзья! Простите, что так долго вас заставили ждать. Мы сочли, что надо оказать вам честь, которая вам подобает, и, прослышав, что вы надумали сюрпризом нагрянуть к нам в гости без предупреждения, мы поспешили припарадиться.

Мистер Смит *(сердито)*. Мы целый день не ели. Мы вас прождали четыре часа. Почему вы так опоздали?

Миссис и мистер Смит садятся напротив гостей. Часы время от времени подчеркивают реплики то громче, то тише, в зависимости от содержания.

Супруги Мартин, особенно она, поглядывают робко и смущенно. Поэтому разговор сначала не клеится. Сначала — долгая неловкая пауза, затем еще ряд пауз.

Мистер Смит. Хм. *(Пауза.)*

Миссис Смит. Хм, хм. *(Пауза.)*

Миссис Мартин. Хм, хм, хм. *(Пауза.)*

Мистер Мартин. Хм, хм, хм. *(Пауза.)*

Миссис Мартин. Да, безусловно. (Пауза.)

Мистер Мартин. Мы все немного простужены. (Пауза.)

Мистер Смит. А ведь совсем не холодно. (Пауза.)

Миссис Смит. И никакого сквозняка. (Пауза.)

Миссис Мартин. Да, слава Богу. (Пауза.)

Мистер Смит. Ах-ляля-ляля. (Пауза.)

Мистер Мартин. У вас неприятности? (Пауза.)

Миссис Смит. Нет. Он вредничает. (Пауза.)

Миссис Мартин. Ах, но это же опасно, в вашем возрасте.
(Пауза.)

Мистер Смит. У сердца нет возраста. (Пауза.)

Мистер Мартин. Правильно. (Пауза.)

Миссис Смит. Так говорят. (Пауза.)

Миссис Мартин. Говорят и прямо противоположное.
(Пауза.)

Мистер Смит. Истина где-то посередине. (Пауза.)

Мистер Мартин. Справедливо. (Пауза.)

Миссис Смит (супругам Мартин). Вот вы так много путешествуете, так много видите, рассказали бы что-нибудь интересное.

Мистер Мартин (своей жене). Расскажи-ка, милая, что ты сегодня видела.

Миссис Мартин. Ах, что рассказывать, все равно никто не поверит.

Мистер Смит. Мы вам полностью доверяем!

Миссис Смит. Вы нас просто обижаете!

Мистер Мартин (своей жене). Ты их просто обижаешь!

Миссис Мартин (очаровательно). Ах, я сегодня видела что-то удивительное. Что-то невероятное.

Мистер Мартин. Говори, говори, милая.

Мистер Смит. Вот мы и развлечемся.

Миссис Смит. Давно пора.

Миссис Мартин. Так вот, значит, иду я сегодня на рынок купить овощей, а они все дорожают...

Миссис Смит. Ну и что?

Мистер Смит. Не перебивай, моя лапка. Мерзавка.

Миссис Мартин. И вдруг вижу возле кафе прилично одетого господина лет пятидесяти, и он...

Мистер Смит. Что — он?

Миссис Смит. Что — он?

Мистер Смит (*своей жене*). Не перебивай, моя лапка. Ты отвратительна.

Миссис Смит. Лапка моя, это ты первый перебил. Ты хам.

Мистер Мартин. Тсс! (*Своей жене.*) Так что же он делал?

Миссис Мартин. Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустил на колено и нагнулся.

Мистер Мартин, **мистер Смит**, **миссис Смит**. О-о!

Мистер Мартин. Да, нагнулся.

Мистер Смит. Невероятно!

Миссис Мартин. Да, он нагнулся... Я подошла поглядеть, что же такое он делает...

Мистер Смит. И что же?

Миссис Мартин. Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Трое остальных. Фантастика!

Мистер Смит. Если б это не вы, я б ни за что не поверил!

Мистер Мартин. А что? Когда много ходишь по городу, еще и не на такое насмотришься. Сегодня, например, в метро я видел человека, который преспокойно сидел и читал газету.

Миссис Смит. Какой оригинал!

Мистер Смит. Так, может, это тот же самый?

Звонок в дверь.

Э-э, звонят.

Миссис Смит. Наверное, там кто-то есть. (*Идет к двери. Открывает, возвращается.*) Никого. (*Снова садится.*)

Мистер Мартин. Могу вам привести еще пример.

Звонок.

Мистер Смит. Э-э, звонят.

Миссис Смит. Значит, там кто-то есть. Пойду погляжу. (*Идет, открывает дверь, возвращается.*) Никого. (*Садится на свое место.*)

Мистер Мартин (*сбившись с мысли*). Э-э...

Миссис Мартин. Ты хотел привести еще пример.

Мистер Мартин. Ах да...

Звонок.

Мистер Смит. Э-э, звонят.

Миссис Смит. Больше я не пойду открывать.

Мистер Смит. Но там же кто-то есть!

Миссис Смит. В первый раз никого не было, во второй

раз тоже. Почему ты считаешь, что на сей раз там кто-то есть?

Мистер Смит. Потому что позвонили.

Миссис Мартин. Это еще не доказательство.

Мистер Мартин. Почему? Если раздается звонок в дверь, значит, кто-то стоит у двери и звонит, чтоб ему открыли.

Миссис Мартин. Не всегда. Мы сами только что убедились.

Мистер Мартин. Но по большей части.

Мистер Смит. Лично я, если я к кому-то иду, я звоню в дверь. Я думаю, и все так поступают, и значит, каждый раз, когда звонят в дверь, там кто-то есть.

Миссис Смит. Теоретически это верно. Но на практике все происходит иначе. Ты сам только что убедился!

Миссис Мартин. Ваша жена совершенно права.

Мистер Мартин. Ах, вечно вы, женщины, защищаете друг дружку.

Миссис Смит. Ладно, пойду погляжу. Чтоб ты не говорил, что я вечно упрямяюсь. Но ты увидишь — там никого нет. *(Идет к двери, открывает, закрывает.)* Вот видишь — никого. *(Возвращается на свое место.)* Ох, эти мужчины! Вечно им хочется доказать, что они правы, а всегда все оказывается наоборот!

Снова раздается звонок.

Мистер Смит. Э-э, звонят. Значит, там кто-то есть.

Миссис Смит *(в ярости)*. Нечего меня гонять к этой двери. Ты сам видел — это бесполезно. Опыт показывает, что, когда звонят в дверь, там никогда никого нет.

Миссис Мартин. Никогда.

Мистер Мартин. Это необязательно.

Мистер Смит. Это даже неверно. По большей части, если звонят в дверь, там кто-нибудь есть.

Миссис Смит. Ни за что ведь от своего не отступится.

Миссис Мартин. Вот и мой муж тоже упрямый.

Мистер Смит. Там кто-то есть.

Мистер Мартин. Не исключено.

Миссис Смит *(своему мужу)*. Нет!

Мистер Смит. Да!

Миссис Смит. А я тебе говорю — нет. Во всяком случае,

хватит зря меня дергать. Если хочешь, сам иди и смотри.
Мистер Смит. И пойду.

Миссис Смит пожимает плечами. Миссис Мартин качает головой.

Мистер Смит (*открывает дверь*). А-а! Хау ду ю ду!
(*Бросает взор на жену и изумленных Мартинов.*) Это капитан пожарной команды!

СЦЕНА VIII

Те же и капитан пожарной команды.

Пожарник (*он, разумеется, в огромной сверкающей каске и мундире*). Добрый вечер, дамы и господа.

Они еще не оправились от изумления. Миссис Смит сердито отворачивается, не отвечая на приветствие.

Добрый вечер, миссис Смит. Вы сердитесь?

Миссис Смит. Ах!

Мистер Смит. Видите ли, моей жене чуточку неловко, так как она оказалась не права.

Мистер Мартин. Видите ли, уважаемый капитан, мистер и миссис Смит поспорили.

Миссис Смит. Не ваше дело! (*Мистеру Смигу.*) Прошу тебя не вмешивать посторонних в наши семейные дела.

Мистер Смит. Ах, душенька, ничего страшного. Капитан — старый друг дома. Его мать со мною заигрывала, отца я прекрасно знал. Он просил руки моей дочери, когда она у меня будет. Так и умер не дождавшись.

Мистер Мартин. Тут ни вы, ни он не виноваты.

Пожарник. Так в чем тут у вас дело?

Миссис Смит. Мой муж утверждал...

Мистер Смит. Нет, это ты утверждала...

Мистер Мартин. Да, это она.

Миссис Мартин. Нет, это он.

Пожарник. Не волнуйтесь. Рассказывайте, миссис Смит.

Миссис Смит. Ну вот, значит. Я так стесняюсь, мне трудно говорить с вами откровенно, но пожарник ведь в то же время и духовник.

Пожарник. Ну — и?

Миссис Смит. Мы поспорили из-за того, что мой муж

утверждал, что, когда звонят в дверь, там всегда кто-то есть.

Мистер Мартин. Вполне логично.

Миссис Смит. Ну, а я говорила, что каждый раз, когда звонят, там никого нет.

Миссис Мартин. Это может показаться странным...

Миссис Смит. И однако же доказано, и не теоретическими выкладками, а фактами.

Мистер Смит. Вот и неправда, поскольку пожарник здесь. Он позвонил, я открыл — и он оказался за дверью.

Миссис Мартин. Когда?

Мистер Мартин. Да сразу же.

Миссис Смит. Но только на четвертый раз за дверью кто-то оказался. А четвертый раз не считается.

Миссис Мартин. Никогда. Считаются только первые три раза.

Мистер Смит. Позвольте мне, капитан, в свою очередь задать вам несколько вопросов.

Пожарник. Пожалуйста.

Мистер Смит. Когда я открыл дверь и увидел вас — это вы звонили?

Пожарник. Да, я.

Мистер Мартин. Вы стояли за дверью? Вы звонили, чтоб вам открыли?

Пожарник. Я этого не отрицаю.

Мистер Смит (*победоносно, своей жене*). Вот видишь? Я прав. Когда раздается звонок — это значит, что кто-то позвонил. Не станешь же ты уверять, что капитан — никто?

Миссис Смит. Нет, конечно. Но повторяю тебе — я говорю только про первые три раза, поскольку четвертый раз не считается.

Миссис Мартин. А когда звонили в первый раз — это были вы?

Пожарник. Нет, не я.

Миссис Мартин. Вот видите? Звонили, но никого не было.

Мистер Мартин. Может, это был кто-то другой!

Мистер Смит. Долго вы стояли под дверью?

Пожарник. Сорок пять минут.

Мистер Смит. И вы никого не видели?

Пожарник. Никого. Я совершенно уверен.

Миссис Мартин. А во второй раз вы слышали звонок?

Пожарник. Да, но это тоже был не я. И я никого не видел.

Миссис Смит. Ура! Я была права!

Мистер Смит. Не спеши с выводами! (*Пожарнику.*) А что вы делали под дверью?

Пожарник. Ничего. Просто так стоял. Думал о том о сем.

Мистер Мартин (*пожарнику*). Ну, а в третий раз... это тоже не вы звонили?

Пожарник. Нет, это я.

Мистер Смит. Но когда вам открыли, вас не было!

Пожарник. А я спрятался. Для смеха.

Миссис Смит. Смеяться тут нечего, капитан. Дело-то серьезное.

Мистер Мартин. Короче говоря, когда звонят, мы не знаем, есть там кто-то или нет.

Миссис Смит. Никогда никого нет.

Мистер Смит. Всегда кто-то есть.

Пожарник. Могу вас помирить. Вы оба отчасти правы. Когда звонят в дверь, иногда там кто-то есть, иногда никого нет.

Мистер Мартин. По-моему, логично.

Миссис Мартин. Мне тоже так кажется.

Пожарник. На самом деле все очень просто. (*Смитам.*) Поцелуйтесь.

Миссис Смит. Мы только что уже целовались.

Мистер Мартин. Они завтра поцелуются. Куда им спешить.

Миссис Смит. Поскольку вы нам помогли разобраться в этом деле, капитан, почувствуйте себя как дома, снимите каску и посидите с нами.

Пожарник. Извините, но я тороплюсь. Каску я, конечно, сниму, а вот расслаживаться мне некогда. (*Садится, не снимая каски.*) Честно говоря, я пришел сюда по другому поводу. Я пришел... по службе.

Миссис Смит. И чем мы можем вам служить, капитан?

Пожарник. Вы уж извините меня за нескромность (*ужасно смущается*) э-э... (*показывает на Мартинов*)... можно... при них?

Миссис Мартин. Не стесняйтесь.

Мистер Мартин. Мы старые друзья. Они нам все рассказывают.

Мистер Смит. Говорите.

Пожарник. Ну вот, значит. У вас ничего не горит?

Миссис Смит. Почему вы нас об этом спрашиваете?

Пожарник. А потому что... извините... у меня приказ тушить все пожары в городе.

Миссис Мартин. Все?

Пожарник. Да. Все.

Миссис Смит (*конфузясь*). Не знаю... не думаю... вы хотите, чтоб я пошла поглядеть?

Мистер Смит (*принюхиваясь*). Нет, ничего там нет. Горелым не пахнет.

Пожарник (*удрученно*). Совершенно? Может, в камине или в погребе, на чердаке? Может, хоть малая искра пожара?

Миссис Смит. Послушайте, не хочется вас огорчать, но, боюсь, сейчас у нас ничего нет. Обещаю вас уведомить, как только у нас что-то будет.

Пожарник. Уж не забудьте. Премного обяжете.

Миссис Смит. Договорились.

Пожарник (*Мартинам*). А у вас? Тоже ничего не горит?

Миссис Мартин. Нет, к сожалению.

Мистер Мартин (*пожарнику*). Дела довольно-таки плохи.

Пожарник. Уж куда как плохи. Почти ничего нигде, так, по мелочи — где камин, где гумно. Ничего серьезного. Нерентабельно. Прибыли почти никакой, ну и прогрессивная премия соответственная.

Мистер Смит. Ничего у них не выходит. Везде одно и то же. В коммерции, сельском хозяйстве, в пожарном деле — ничего у них не выходит.

Мистер Мартин. Что с хлебом, что с огнем!

Пожарник. И с наводнениями не лучше.

Миссис Смит. Зато сахар есть.

Мистер Смит. Ну, его-то ввозят из-за границы.

Миссис Мартин. С пожарами это сложнее. Какая пошла!

Пожарник. Кое-что, конечно, перепадает — скажем, отравление газом, да и то редко. Вот на прошлой неделе одна девушка задохнулась — газ открытый оставила.

Миссис Мартин. Забыла?

Пожарник. Нет, думала, что это гребенка.

Мистер Смит. Неразборчивость всегда ведет к опасным последствиям.

Миссис Смит. А были вы у торговца спичками?

Пожарник. Пустое дело. Он застрахован от пожаров.

Мистер Мартин. Наведайтесь-ка к векфильскому священнику, мой вам совет!

Пожарник. Я не имею права тушить пожары у духовных особ. Епископ против. Они либо сами гасят у себя огонь, либо приспособливают к этому делу весталок.

Мистер Смит. Попробуйте счастья у Дюрана.

Пожарник. Тоже нельзя. Он не англичанин. Только принял подданство. А такой человек может купить дом, но не имеет права его тушить, если он загорится.

Миссис Смит. Но у него в прошлом году был пожар, и его потушили!

Пожарник. Это он сам потушил. О, я не стану на него доносить.

Мистер Смит. И я.

Миссис Смит. Раз вы не торопитесь, капитан, посидите еще с нами. Мы будем рады.

Пожарник. Хотите, я вам анекдоты буду рассказывать?

Миссис Смит. Да, конечно. Вы просто прелесть. *(Целует его.)*

Мистер Смит, мистер Мартин, миссис Мартин. Да, да, анекдоты, bravo! *(Аплодируют.)*

Мистер Смит. Что интересно, рассказы пожарника — это как охотничьи рассказы!

Пожарник. Я рассказываю только то, что лично пережил. Природа, одна природа. Никаких книжек.

Мистер Мартин. Совершенно справедливо, истину следует искать не в книгах, а в жизни.

Миссис Смит. Начинайте же!

Мистер Мартин. Начинайте же!

Миссис Мартин. Тихо, он начинает.

Пожарник *(откашливается)*. Извините. Не смотрите на меня так. Я смущаюсь. Вы же знаете, какой я застенчивый.

Миссис Смит. Он просто прелесть! *(Целует его.)*

Пожарник. Ладно, попробую. Только вы обещайте, что не будете слушать.

Миссис Мартин. Но если мы не будем слушать, мы же вас не услышим.

Пожарник. А я и не подумал.

Миссис Смит. Я же вам говорю — это ребенок.

Мистер Мартин, мистер Смит. Милое дитя! *(Целуют его)*.

Миссис Мартин. Ну, смелей.

Пожарник. Ну хорошо. Ну ладно! *(Еще откашливается, потом начинает дрожащим от волнения голосом.)* «Собака и бык», басня из жизни. Как-то раз другой бык спрашивает у другой собаки: почему ты не проглотила свой хобот? Прошу прощенья, отвечает собака, я думала, что я — слон.

Миссис Мартин. И какова же мораль?

Пожарник. Это уж вам решать.

Мистер Смит. Он прав.

Миссис Смит *(вне себя)*. Дальше!

Пожарник. Один теленок обожрался толченым стеклом. В конце концов ему пришлось разродиться. Он произвел на свет корову. Но так как теленок был мальчик, корова не могла называть его «мама». А «папа» она тоже не могла его называть, потому что он был еще маленький. И пришлось теленку жениться на одной особе, как тогда было принято, по всем правилам.

Мистер Смит. По правилам слепой кишки.

Мистер Мартин. Наподобие трубухи.

Пожарник. Ах, так вы уже знаете?

Миссис Смит. Про это было во всех газетах.

Миссис Мартин. И произошло недалеко от нашего дома.

Пожарник. Тогда еще расскажу. «Петух». Один петух решил прикинуться собакой. Но номер не прошел — его тут же разоблачили.

Миссис Смит. А собаку, которая прикинулась петухом, наоборот, так и не разоблачили.

Мистер Смит. Я вам тоже расскажу анекдот. «Змея и лисица». Приходит змея к лисице и говорит: «Мне кажется, я вас знаю». Лисица отвечает: «И я вас знаю». «А тогда, — говорит змея, — дайте мне денег». «Лисицы денег не дают», — отвечает хитрый зверь и прыг в глубокий дол, заросший птичьим молоком и клубникой. А змея уже там и смеется мефистофельским смехом. Лисица замахивается ножом и рычит: «Я научу тебя жить!» — и убегает. Но не тут-то было. Змея метким ударом кулака разбивает лисице череп на тысячу осколков и кричит: «Нет, нет, четырежды нет, я не твоя дочь!»

Миссис Мартин. Забавно.

Миссис Смит. Очень мило.

Мистер Мартин (*пожимая руку мистеру Смиту*). От всей души поздравляю.

Пожарник (*ревниво*). Подумаешь, ничего особенного. Вдобавок я его раньше знал.

Мистер Смит. Просто оторопь берет, да?

Миссис Смит. Но это же не истинное происшествие.

Миссис Мартин. Увы — да. (*Миссис Смит.*) Теперь ваша очередь.

Мистер Смит. Я знаю один анекдот. Сейчас расскажу. Называется «Букет».

Мистер Смит. Моя жена страшно романтична.

Мистер Мартин. Истинная англичанка.

Миссис Смит. Ну вот. Как-то раз один жених принес букет своей невесте. Она сказала «спасибо», но не успела она сказать «спасибо», как он, ни слова не говоря, отнял у нее букет, чтоб неповадно было, сказал: «Отдай», отнял цветы, сказал: «До свиданья» — и был таков.

Мистер Мартин. Какая прелесть! (*Целует или не целует миссис Смит.*)

Миссис Мартин. Мистер Смит, ваша жена — просто клад.

Мистер Смит. Правда. Моя жена — сама интеллигентность. Она даже интеллигентнее меня. По крайней мере, гораздо женственней. Все говорят.

Миссис Смит (*пожарнику*). Ну еще, капитан.

Пожарник. Нет-нет, уже поздно.

Мистер Мартин. Ну расскажите!

Пожарник. Я устал.

Мистер Смит. Ну пожалуйста.

Мистер Мартин. Ну прошу вас.

Пожарник. Нет.

Миссис Мартин. У вас каменное сердце. Мы как на горящих углях сидим.

Миссис Смит (*падает на колени, рыдает или не рыдает*). Я умоляю вас.

Пожарник. Ладно уж.

Миссис Смит (*на ухо миссис Мартин*). Соглашается. Опять тоску будет наводить.

Миссис Мартин. Да ну его...

Миссис Смит. Ничего не выйдет. Я была чересчур вежлива.

Пожарник. «Насморк». У моего тестя был со стороны отца двоюродный брат, у которого был дядя со стороны матери, у которого был тесть, у которого дед со стороны отца второй раз женился на юной туземке, у которой брат во время своих странствий повстречал девушку, в которую он влюбился, и у них родился сын, который женился на бесстрашной аптекарше, которая оказалась племянницей неизвестного квартирмейстера английского флота, у которой тетка отчима бегло говорила по-испански и которая сама была, возможно, внучкой инженера, который умер молодым и был внуком владельца виноградника, где производилось неважное вино, у которого был внучатый племянник домосед-адъютант, у которого сын женился на молоденькой красоте разведенке, у которой первый муж был сыном истинного патриота, который сумел привить одной из своих дочерей уважение к богатству, и она вышла за егеря, знававшего Ротшильда, у которого брат, переменяв целый ряд профессий, женился и произвел на свет дочь, прадед которой, сухонький старичок, носил очки, которые ему подарил племянник, шурин португальца, сына довольно зажиточного мельника, у которого молочный брат женился на дочери бывшего сельского лекаря, который был молочным братом сына молочницы, дочери другого сельского лекаря, который женился три раза подряд, и его третья жена...

Мистер Мартин. Я знаком с этой третьей женой, если не ошибаюсь. Она ела в осином гнезде цыпленка.

Пожарник. Нет, это другая.

Мистер Смит. Тсс!

Пожарник. Я говорю, значит... и его третья жена была дочерью лучшей повитухи во всей округе, которая рано овдовела...

Мистер Смит. Совсем как моя жена.

Пожарник. ... и снова вышла замуж за лихого стекольщика, который дочке хозяина гаража заделал ребенка, который сумел пробить себе дорогу...

Миссис Смит. Железную дорогу...

Мистер Мартин. Скатертью дорожку...

Пожарник. ... и женился на продавщице, у которой у отца был брат, мэр заштатного городишка, который женился

на блондинке-учительнице, у которой брат любил ловить рыбу...

Мистер Мартин. В мутной воде?

Пожарник. ... и женился на другой блондинке-учительнице, которую тоже звали Мари, потому что брат у нее был женат на Мари, опять-таки блондинке-учительнице...

Мистер Смит. Кем же ей еще быть, как не Мари, раз она блондинка?

Пожарник. ...у которой отец воспитывался в Канаде у одной старушки, племянницы кюре, у которого бабушка, бывало, как зима, так вечно, как все, подхватывала насморк.

Миссис Смит. Удивительная история. Просто почти не верится!

Мистер Мартин. Когда подхватываешь насморк, надо пользоваться сачком.

Мистер Смит. Тщетная предосторожность, но абсолютно необходимая.

Миссис Мартин. Простите меня, капитан, но я не совсем поняла вашу историю. Когда дошло до бабушки попа, я почему-то запуталась.

Мистер Смит. Когда доходит до попа, всегда все ставят на попа!

Миссис Смит. Пожалуйста, капитан, расскажите все сначала! Мы вас просим!

Пожарник. Ах! Не знаю, получится ли. Я же при исполнении. Смотря сколько сейчас времени.

Миссис Смит. У нас нету времени.

Пожарник. А эти часы?

Мистер Смит. Они неверные. У них дух противоречия. Они вечно показывают прямо противоположное время.

СЦЕНА IX

Те же и Мэри.

Мэри. Хозяин... хозяйка...

Миссис Смит. Что такое?

Мистер Смит. Чего вам тут надо?

Мэри. Вы уж извините меня, хозяин с хозяйкой, и вы,

дорогие гости, но я бы тоже хотела рассказать анекдот.

Миссис Мартин. Что это с ней?

Мистер Мартин. Уж не сошла ли служанка наших друзей с ума? Она тоже хочет рассказать анекдот?

Пожарник. И за кого она себя принимает? *(Вглядывается в нее.)* Ох!

Миссис Смит. И куда вы суетесь?

Мистер Смит. Вам тут не место, Мэри.

Пожарник. Ох! Это же она! Быть того не может!

Мистер Смит. И вы?

Мэри. Быть того не может!

Миссис Смит. Что все это значит?

Мистер Смит. Вы дружите?

Пожарник. Еще как!

Мэри бросается пожарнику на шею.

Мэри. Как я счастлива, что нашла вас! Наконец-то!

Миссис и мистер Смит. О!

Мистер Смит. Ну, это слишком — здесь, у нас, в окрестностях Лондона.

Миссис Смит. Это не принято!

Пожарник. Она ведь гасила мое первое пламя.

Мэри. Я его маленький фонтанчик.

Мистер Мартин. Раз они такие... друзья... их чувства понятны, человечны, похвальны...

Миссис Мартин. Похвально все, что человечно.

Миссис Смит. И все же ей не место среди нас...

Мистер Смит. Она не получила соответственного образования...

Пожарник. О, как много еще в вас предрассудков!

Миссис Мартин. А лично я считаю, что служанка, в общем, хоть меня это не касается, она служанка и есть...

Мистер Мартин. Даже если иной раз она и окажется сыщиком высшего класса.

Пожарник. Отпустите меня.

Мэри. Не обращайтесь внимания! Они не так плохи, как кажутся.

Мистер Смит. Хм... хм... Вы так трогательны оба и в то же время чуточку... чуточку...

Мистер Мартин. Именно. Вот точное слово.

Мистер Смит. Чуточку чересчур умны...

Мистер Мартин. Есть чисто британская стыдливость, еще раз извините, что уточняю свою мысль, недоступную иностранцу, даже специалисту, благодаря которой я, чтобы объясниться... в конце концов я это не для вас говорю.

Мэри. Я хотела вам рассказать...

Мистер Смит. Нечего рассказывать.

Мэри. Нет, я расскажу!

Миссис Смит. Мэри, милая, идите-ка себе потихоньку на кухню и читайте там свои стихи перед зеркалом...

Мистер Мартин. Я лично читаю стихи перед зеркалом, хоть я и не служанка.

Миссис Мартин. Сегодня утром ты смотрел в зеркало, но себя не видел.

Мистер Мартин. Это потому, что меня там еще не было.

Мэри. Я, наверное, все же почитаю вам стишок.

Миссис Смит. Мэри, милая, вы дико упрямы.

Мэри. Значит, я читаю, да? Называется «Огонь» в честь капитана. «Огонь».

В лесу блестели палисандры.

Камень загорелся,

Замок загорелся,

Лес загорелся,

Он загорелся,

Она загорелась,

Птицы загорелись,

Рыбы загорелись,

Вода загорелась,

Небо загорелось,

Зола загорелась,

Дым загорелся,

Все загорелось,

Загорелось, загорелось.

Она продолжает читать, куда Смиты выталкивают ее
из комнаты.

СЦЕНА X

Те же, кроме Мэри.

Миссис Мартин. У меня прямо мурашки по спине...

Мистер Мартин. Хоть в стихах столько жара...

Пожарник. По-моему, изумительно!

Миссис Смит. Однако!

Мистер Смит. Вы преувеличиваете...

Пожарник. Нет-нет... все это, может быть, субъективно... но в этом мое жизненное кредо, мой идеал, моя мечта... Вдобавок это напоминает мне, что мне пора. Поскольку у вас нет времени, лично у меня ровно через три четверти часа и шестнадцать минут пожар на другом конце города. Надо поторапливаться, хоть дело того и не стоит.

Миссис Смит. И что же это будет? Загорится камин?

Пожарник. И того меньше. Вспышка любопытства, искра смеха и жжение в желудке.

Мистер Смит. Нам жаль, что вам надо идти.

Миссис Смит. Вы так нас развлекли.

Миссис Мартин. Благодаря вам мы провели пятнадцать поистине картезианских минут.

Пожарник (*идет к выходу, потом останавливается*). Кстати, а как лысая певица?

Все смущенно молчат.

Миссис Смит. У нее все та же прическа!

Пожарник. А-а, ну, тогда до свиданья, дамы-господа.

Мистер Мартин. Счастливый путь! Огонька вам!

Пожарник. Будем надеяться. И вам того же!

Пожарник уходит. Все провожают его до двери и возвращаются на свои места.

СЦЕНА XI

Те же, кроме пожарника.

Миссис Мартин. Я могу купить перочинный ножик своему брату, но вы не можете купить Ирландию своему дедушке.

Мистер Смит. Мы ходим ногами, но обогреваемся электричеством и углем.

Мистер Мартин. Кто взял меч, тот и забил мяч.

Миссис Смит. Жизнь следует наблюдать из окна вагона.

Миссис Мартин. Всякий может сесть на стул, раз у стула никого нет.

Мистер Смит. Семь раз примерь — один отрежь.

Мистер Мартин. Тише едешь, где-то будешь.

Миссис Смит. Кто сказал «А», сказал и «Б».

Миссис Мартин. Знай сверчок свой шесток.

Мистер Смит. Возьмите круг, приласкайте его, и он станет порочным.

Миссис Смит. Учитель в школе учит детей грамоте, лошади кушают овес.

Мистер Мартин. Тогда как корова дает нам свои хвосты.

Мистер Смит. В сельской жизни я ценю тишину и покой.

Мистер Мартин. В вашем возрасте это еще рановато.

Миссис Смит. Прав был Бенджамин Франклин: сколько голов, столько носов.

Миссис Мартин. Назовите семь дней недели!

Мистер Смит. Monday, Tuesday, Wednesday, Thursday, Friday, Saturday, Sunday*.

Мистер Мартин. Edward is a clerk; his sister Nancy is a typist and his brother William a shop-assistant**.

Миссис Смит. Ну и семейка!

Миссис Мартин. Лучше журавль в небе, чем комок в горле.

Мистер Смит. Лучше рай в шалаше, чем сарай в гараже.

Мистер Мартин. Дом англичанина — его истинный гараж.

Миссис Смит. Я недостаточно знаю испанский, чтоб объясниться.

Миссис Мартин. Дай мне гроб твоего мужа, и я дам тебе шлепанцы моей свекрови.

Мистер Смит. Хлеб это дерево, но и хлеб тоже дерево, и каждое утро на заре из дуба растет дуб.

Миссис Смит. Мой дядя живет в деревне, но повитухи это не касается.

Мистер Мартин. Бумага для письма, кошка для мышки, сыр для сушки.

Миссис Смит. Автомобиль ездит очень быстро, зато кухарка лучше стряпает.

Мистер Смит. Не будьте дураком, лучше поцелуйтесь со шпиком.

Мистер Мартин. Charity begins at home***.

* Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье (англ.).

** Эдвард — клерк, его сестра Нэнси — машинистка, а его брат Вильям — приказчик (англ.).

*** Милосердие начинается с домашних (англ.).

Миссис Смит. Я жду, что акведук придет ко мне на мельницу.

Мистер Мартин. Можно доказать, что социальный прогресс лучше с сахаром.

Мистер Смит. Долой сапожную вакцину!

После этой реплики мистера Смита все ошарашенно смолкают. Чувствуется нервное напряжение. Часы тоже бьют с особенной нервозностью. Затем следуют холодные, враждебные реплики. Враждебность и нервозность все возрастают. В конце сцены четверо действующих лиц стоят друг к другу вплотную и выкрикивают текст, грозя кулаками, готовые кинуться друг на друга.

Мистер Мартин. Непрактично драить очки черной ваксой.

Миссис Смит. Да, но за деньги можно купить все.

Мистер Смит. Какаду, какаду, какаду, какаду, какаду, какаду, какаду.

Миссис Смит. Как иду, так иду, как иду, так иду, как иду, так иду, как иду, так иду.

Мистер Мартин. Я иду по ковру, по ковру, по ковру, по ковру, по ковру.

Мистер Смит. Ты идешь, пока врешь, пока врешь, пока врешь, пока врешь, пока врешь, пока врешь.

Миссис Мартин. Кактус, крокус, кок, кокарда, кукареку!

Миссис Смит. Чем больше рыжиков, тем меньше кочерыжек!

Мистер Мартин. Лучше снести яйцо, чем потерять лицо!

Миссис Мартин (*широко разевая рот*). А! О! А! О! Хочу скрежетать зубами!

Мистер Смит. Аллигатор!

Мистер Мартин. Идем бить Улисса!

Мистер Смит. Я буду жить на какаовом дереве!

Миссис Мартин. Каково какао, таково и Токио, каково какао, таково и Токио, каково какао, таково и Токио, каково какао, таково и Токио.

Миссис Смит. У сома есть нос, но у носа нет сома!

Миссис Мартин. У рыб нет зуб!

Мистер Мартин. У рыбов нет зубов!

Мистер Смит. У рыбей нет зубей!

Миссис Мартин. У рабов нет забав!

Миссис Смит. Буря на море лучше оргий в морге!

Мистер Мартин. Салату султану!

Мистер Смит. Сатину сатане!
Миссис Мартин. Сутану сатане!
Миссис Смит. Сонату сатане!
Мистер Мартин. Этот торт первый сорт!
Мистер Смит. Он даже лучше, чем корт!
Миссис Мартин. Аэропорт не курорт!
Миссис Смит. Апорт!
Мистер Мартин. Джеймс!
Мистер Смит. Джойс!
Миссис Мартин, мистер Смит. Марсель!
Миссис Смит, мистер Мартин. Пруст!
Миссис Мартин, мистер Смит. Джеймс Пруст!
Миссис Смит, мистер Мартин. Марсель Джойс!
Миссис Мартин. Не жалей свою шаль!
Мистер Мартин. Не шалей свою жаль!
Миссис Смит. Кришнамурти, кришнамурти, кришнамурти!
Миссис Мартин. Базар, Бальзак, Базен!
Мистер Мартин. Буза, бурда, бравада!
Миссис Мартин. а, е, и, о, у, э, ю, я!
Миссис Смит. б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч,
ш, щ!
Миссис Мартин. Пиф, паф, ой-ой-ой!
Миссис Смит (*изображая поезд*). Пуф-паф, пуф-паф,
пуф-паф, пуф-паф, пуф-паф!
Мистер Смит. Э!
Миссис Мартин.-то!
Мистер Мартин. Не!
Миссис Смит. Там!
Мистер Смит. Э!
Миссис Мартин.-то!
Мистер Смит. Ту!
Миссис Смит. Да!

Вне себя орут друг другу в уши. Свет гаснет. В темноте
все быстрее и быстрее слышится.

Все вместе. Э-то-не-там-э-то-ту-да-э-то-не-там-э-то-ту-
да-э-то-не-там-э-то-ту-да-э-то-не-там-э-то-ту-да-э-то-не-
там-э-то-ту-да-э-то-не-там-э-то-ту-да!

Вдруг резко умолкают. Снова зажигается свет. Мистер
и миссис Мартин сидят, как Смиты в начале пьесы. Пьеса
начинается снова, причем Мартиньы буквально повторяют
первые реплики Смитов, пока медленно падает занавес.

Стулья

Фарс-трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Старик 95 лет

Старушка 94 года

Оратор 45—50 лет

И множество других персонажей

ОБСТАНОВКА

Комната полукругом с нишей в глубине. Справа от авансцены три двери, затем окно, перед ним скамейка, затем еще одна дверь. В нише парадная дверь с двумя створками, от нее симметрично, справа и слева, еще две двери, со стороны зрительного зала невидимые. Слева от авансцены тоже три двери, затем окно, перед ним скамейка, левое окно симметрично правому, подле окна черная доска и небольшое возвышение, своего рода эстрада.

На авансцене стоят рядышком два стула.

Занавес поднимается. На сцене полумрак. Старик, стоя на скамеечке, перевесился через подоконник. Старушка зажигает газовую лампу, разливается зеленоватый свет.

Старушка подходит и тербит за рукав старика.

Старушка. Закрывай-ка окно, душенька, гнилой водой пахнет и комары летят.

Старик. Отстань!

Старушка. Закрывай, закрывай, душенька. Иди посиди лучше. И не перевешивайся так, а то в воду упадешь. Ты же знаешь, что с Франциском Первым случилось. Надо быть осторожнее.

Старик. Вечно эти примеры из истории! Я, крошка, устал от французской истории. Хочу смотреть в окно, лодки на воде, как пятна на солнце.

Старушка. Какие там лодки, когда солнца нет,— темно, душенька.

Старик. Зато тени остались. *(Еще сильнее перевешивается через подоконник.)*

Старушка *(тянет его обратно изо всех сил).* Ох!.. Не пугай меня, детка... сядь посиди, все равно не увидишь, как они приедут. Не стоит и стараться. Темно...

Старик неохотно уступает ей.

Старик. Я посмотреть хотел, мне так нравится смотреть на воду.

Старушка. И как ты только можешь на нее смотреть, душенька? У меня сразу голова кружится. Ох! Этот дом, остров, никак не могу привыкнуть. Кругом вода... под окнами вода и до самого горизонта...

Старушка тянет старика к стульям на авансцене; старик, словно это само собой разумеется, садится на колени к старушке.

Старик. Шесть часов, а уже темно. Вот раньше, помнишь, всегда было светло, в девять — светло, в десять — светло, в полночь тоже светло.

Старушка. Память у тебя как стекло. Так ведь оно и было.

Старик. Было, да сплыло.

Старушка. А почему, как ты думаешь?

Старик. Откуда мне знать, Семирамидочка... Видно, чем глубже вдаль, тем дальше вглубь... А все земля виновата, крутится, вертится, вертится, крутится...

Старушка. Крутится, детка, вертится... *(Помолчав.)* Ох! Ты — великий ученый. У тебя такие способности, душенька. Ты мог быть и главным президентом, и главным королем, и главным маршалом, и даже главврачом, будь у тебя хоть немного честолюбия...

Старик. А зачем? Прожить жизнь лучше, чем мы с тобой прожили, все равно нельзя. А на общественной лестнице и мы с тобой не на последней ступеньке, как-никак я маршал лестничных маршей — привратник дома.

Старушка *(гладит старика по голове)*. Деточка моя, умница моя...

Старик. Тоска.

Старушка. А когда на воду смотрел, не тосковал... Знаешь, а давай поиграем, как в прошлый раз, вот и развеселимся.

Старик. Давай, только, чур, теперь твоя очередь играть.

Старушка. Нет, твоя.

Старик. Твоя!

Старушка. Твоя очередь, говорю.

Старик. Твоя, твоя...

Старушка. А я говорю — твоя!..

Старик. Иди и пей свой чай, Семирамида!

Никакого чая, разумеется нет.

Старушка. Сыграй февраль месяц.

Старик. Не люблю я этих месяцев.

Старушка. А других нет. Уж пожалуйста, доставь мне удовольствие, сделай милость.

Старик. Ну так и быть — февраль месяц.

Чешет голову, как Стэн Лорел*.

Старушка *(смеясь и хлопая в ладоши)*. Точь-в-точь! Спа-

* Стэн Лорел — знаменитый американский комик.

сибо тебе, моя душечка. *(Целует его.)* О-о, какой у тебя талант, захоти ты только, быть бы тебе самое меньшее главным маршалом...

Старик. Я маршал лестничных маршей — привратник. *(Молчание.)*

Старушка. А расскажи-ка мне ту историю... знаешь, ту самую историю, мы еще тогда так смеялись...

Старик. Опять?.. Не могу... мало ли что тогда смеялись? И опять, что ли, то же самое?.. Сколько можно?.. «Тогда сме...я...» Какая тоска... Семьдесят пять лет женаты, и из вечера в вечер я должен рассказывать тебе все ту же историю, изображать тех же людей, те же месяцы... давай поговорим о другом...

Старушка. А мне, душенька, совсем не скучно. Это же твоя жизнь, для меня в ней все интересно.

Старик. Ты же ее наизусть знаешь.

Старушка. А я словно бы забываю все... Каждый вечер слушаю, как в первый раз... Переварю все, приму слабительное, и опять готова слушать. Ну давай начинай, прошу тебя...

Старик. Раз уж просишь.

Старушка. Ну давай рассказывай свою историю... ведь это и моя история. Все твое, оно и мое. Значит, сме...

Старик. Значит, лапочка, сме...

Старушка. Значит, душенька, сме...

Старик. С месяц шли и пришли к высокой ограде, промокшие, продрогшие, прозябшие насквозь, ведь стыли мы часами, днями, ночами, неделями...

Старушка. Месяцами...

Старик. Под дождем... Зубы стучат, животы бурчат, руки-ноги свело, восемьдесят лет с тех пор прошло... Но они нас так и не впустили... а могли бы хоть калиточку в сад приотворить. *(Молчание.)*

Старушка. В саду трава мокрая.

Старик. Вывела нас тропка к деревеньке, на маленькую площадь с церковкой... Где была эта деревня? Не помнишь?

Старушка. Нет, душенька, не помню.

Старик. Как мы туда попали? Какой дорогой? Кажется, называлось это место Париж...

Старушка. Никакого Парижа никогда не было, детка.

Старик. Был. Теперь нет, а раньше был. Очень светлый

был город, но погас, потускнел четыре тысячи лет тому назад, одна песенка от него осталась.

Старушка. Настоящая песенка? Ну и ну. А какая?

Старик. Колыбельная, очень простая: «Париж всегда Париж».

Старушка. Дорога идет туда садом? А далеко идти надо?

Старик (*мечтательно, рассеянно*). Песня?.. Дождь?..

Старушка. До чего же ты талантливый! Тебе бы еще честолюбие, и был бы ты главным императором, главным редактором, главным доктором, главным маршалом... А так все впустую... Взят и зарыл в землю... Слышишь, в землю зарыл... (*Молчание.*)

Старик. Значит, с ме...

Старушка. Да, да, продолжай... рассказывай...

Старик (*в то время как старушка начинает смеяться, сперва потихоньку, потом все громче; старик ей вторит*). Значит, сме... с мешком змея-история, а территория... и смея... надрывали животики... змея на дрова... вползла... жив вот... в пол зла... на дрова...

Старушка (*смеясь*). Смея... Надрыва... на дрова...

Старики (*заливаясь, вместе*). Сме... я... змея... на дворе дрова... в руке топор... над дровами пар... с топором парись...

Старушка. Вот он твой Париж!

Старик. Ну кто рассказал бы лучше?

Старушка. Ты у меня такой... ну такой, знаешь, замечательный, душенька, что мог бы стоять и на высшей ступеньке, а не у самых дверей.

Старик. Будем скромны... Удовольствуемся малым.

Старушка. А вдруг ты загубил свое призвание?

Старик (*неожиданно плачет*). Загубил? Закопал? Мама, мамочка! Где моя мамочка? Сирота (*всхлипывает*), сирота, сиротка...

Старушка. Я с тобой, чего тебе бояться?

Старик. Ты, Семирамидочка, не мамочка... кто защитит сиротку?

Старушка. А я, душенька?

Старик. Ты не мамочка!.. А я хочу к мамочке...

Старушка (*гладит его по голове*). У меня сердце разрывается, не плачь, деточка.

Старик. Ы-ы-ы, не трогай меня, -ы-ы-ы, мне больно, у меня

перелом призвания.

Старушка. Тшшш...

Старик (*ревет, широко открыв рот, как младенец*). Я сирота... сиротка...

Старушка (*стараясь успокоить его, баюкает*). Сиротка моя, моя душенька, как душа болит за сироточку... (*Баюкает старика, вновь усевшегося к ней на колени.*)

Старик (*рыдая*). Ы-ы-ы! Мамочка! Где моя мамочка? Нет у меня мамочки.

Старушка. Я тебе и жена, и мамочка.

Старик (*немного успокаиваясь*). Неправда, я сирота, у-у-у.

Старушка (*продолжая его баюкать*). Сиротка моя, детка маленькая...

Старик (*еще капризно, но уже не плача*). Нет... не хочу... не хочу-у-у...

Старушка (*напевает*). Сирота-та-та-та, сиротин-тин-тин-тин, сиротун-тун-тун-тун...

Старик. Не-е-ет.

Старушка. Тра-ля-ля, ля-ля, тру-лю-лю, лю-лю, тирлим-пам-пам, тирлим-пам-пам.

Старик. Ы-ы-ы. (*Шмыгает носом, мало-помалу успокаиваясь*). А где моя мама?

Старушка. В райском саду... Слушает тебя, смотрит из райских кущ, не плачь, а то и она расплачется!

Старик. Все ты выдумала, не слышит она меня, не видит. Я круглый сирота, ты не моя мама...

Старушка (*почти успокоившемуся старику*). Тшшш, успокойся, не расстраивайся, не убивайся... вспомни, сколько у тебя талантов, вытри слезки, а то скоро придут гости, увидят тебя зареванным... Ничего не загублено, ничего не заковано, ты им все скажешь, все им объяснишь, у тебя же Весть... ты всегда говорил, что передашь ее... борись, живи ради своей Миссии...

Старик. Я вестник, это правда, я борюсь, у меня Миссия, за душой у меня что-то есть, это моя Весть человечеству... человечеству...

Старушка. Человечеству, душенька, от тебя весть.

Старик. Это правда, вот это правда.

Старушка (*вытирает старику нос и слезы*). То-то... ты же мужчина, воин, маршал лестничных маршей...

Старик (он уже слез с колен старушки и расхаживает мелкими шажками, он взволнован). Я не такой, как другие, у меня есть идеал. Может, я, как ты говоришь, способный, даже талантливый, но возможностей мне не хватает. Что ж, я достойно выполнял свой долг маршала лестничных маршей, был всегда на высоте, и, быть может, этого довольно...

Старушка. Только не тебе, ты не такой, как другие, ты — гений, но хорошо бы и тебе научиться ладить с людьми, а то рассорился со всеми друзьями, директорами, маршалами, с родным братом.

Старик. Не по моей вине, Семирамида, ты прекрасно знаешь, что он мне сказал.

Старушка. А что он тебе сказал?

Старик. Он сказал: «Друзья мои, у меня завелась блоха, и к вам я хожу с единственной целью от нее избавиться».

Старушка. Ну и сказал, душенька. А ты бы не обратил внимания. А с Карелем из-за чего поссорился? Тоже он виноват?

Старик. Ох, как я сейчас рассержусь, Семирамида, ох, как я сейчас рассержусь! Вот. Конечно, он виноват. Пришел как-то вечером и говорит: «Желаю вам счастья, узнал средство от всякой напасти, вам не дам, воспользуюсь сам». И заржал как жеребенок.

Старушка. Не со зла же. В жизни надо проще быть.

Старик. Терпеть не могу таких шуточек.

Старушка. А мог бы стать главным матросом, главным столяром, королем вальсов.

Долгая пауза. Старики, выпрямившись, сидят каждый на своем стуле.

Старик (словно во сне). А за садом... там было, лапочка... было... Что там было, ты говоришь?

Старушка. Город Париж.

Старик. А дальше... за Парижем что было... было что?

Старушка. Что же там было, детка, и кто?

Старик. Чудное место, ходили без манто.

Старушка. Такая жарница? Нет, что-то не так!

Старик. Что же еще? В голове кавардак...

Старушка. Не напрягайся, детка, а то...

Старик. Все так далеко-далеко... я не могу... Где же было это?

Старушка. Что?

Старик. Да то, что... то, что... где же было это и кто?

Старушка. Какая разница где, я с тобой всегда и везде.

Старик. Мне так трудно найти слова... Но необходимо, чтобы я все высказал.

Старушка. Это твой священный долг. Ты не вправе умолчать о Вести, ты должен сообщить о ней людям, они ждут... тебя ждет Вселенная.

Старик. Я скажу, скажу.

Старушка. Ты решился? Это необходимо.

Старик. Чай остыл, Семирамида.

Старушка. Ты мог бы стать лучшим оратором, будь у тебя больше настойчивости... я горда, я счастлива, что ты наконец решился заговорить со всеми народами, с Европой, с другими континентами!

Старик. Но у меня нет слов... нет возможности себя выразить...

Старушка. Начни, и все окажется возможным, начнешь жить и живешь, начнешь умирать — умрешь... Главное — решиться, и сразу мысль воплотится в слова, заработает голова, появятся устои, оплоты, и вот мы уже не сироты.

Старик. У меня недостаток... нет красноречия... Оратор-профессионал скажет все, что я бы сказал.

Старушка. Неужели и впрямь сегодня вечером? А ты всех пригласил? Именитых? Даровитых? Владельцев? Умельцев?

Старик. Всех. Владельцев, умельцев. *(Пауза.)*

Старушка. Охранников? Священников? Химиков? Жестянщиков? Президентов? Музыкантов? Делегатов? Спекулянтов? Хромоножек? Белоручек?

Старик. Обещали быть все — службисты, кубисты, лингвисты, артисты, все, кто чем-то владеет или что-то умеет.

Старушка. А капиталисты?

Старик. Даже аквалангисты.

Старушка. Пролетариат? Секретариат? Военщина? Деревенщина? Революционеры? Реакционеры? Интеллигенты? Монументы? Психиатры? Их клиенты?

Старик. Все, все до единого, потому что каждый или что-то умеет, или чем-то владеет.

Старушка. Ты, душенька, не сердись, я не просто тебе надоедаю, а боюсь, как бы ты не забыл кого, все гении рассеяны. А сегодняшнее собрание очень важное. На нем должны

присутствовать все. Они придут? Они тебе обещали?

Старик. Пила бы ты свой чай, Семирамида. *(Пауза.)*

Старушка. А папа римский? А папки? А папиросы?

Старик. Что за вопросы? Позвал всех. *(Молчание.)* Они узнают Весть. Всю жизнь я чувствовал, что задыхаюсь, наконец-то они узнают благодаря тебе, благодаря оратору — вы одни меня поняли.

Старушка. Я так горжусь тобой...

Старик. Скоро начнут собираться гости.

Старушка. Неужели? Неужели все сегодня приедут к нам? И ты не будешь больше плакать? Гости станут тебе мамой и папой? *(Помолчав.)* Сборище может нас утомить, послушай, а нельзя его отменить?

Старик в волнении по-стариковски, а может быть, по-младенчески ковыляет вокруг жены. Он может сделать один-два шага к одной из дверей, затем вернуться и опять ходить по кругу.

Старик. Как устать? Чем утомить?

Старушка. У тебя же насморк.

Старик. А как же быть?

Старушка. По телефону всем позвонить. Пригласим всех на другой день.

Старик. Боже мой! Это невозможно. Слишком поздно, они уже выехали.

Старушка. До чего же ты неосмотрителен.

Слышен плеск воды, приближается лодка.

Старик. Кажется, уже подъезжают.

Плеск воды слышнее.

... Так и есть, приехали!...

Старушка встает и, прихрамывая, суетливо ходит по сцене.

Старушка. Может, это оратор?

Старик. Нет, он приедет попозже, это кто-то еще.

Звонок.

Ох!

Старушка. Ах!

Взволнованные старики ковыляют к правой двери в нише. По дороге они разговаривают.

Старик. Идем же...

Старушка. Погоди, я не причесалась... *(Ковыляя, она приглаживает волосы, одергивает юбку, подтягивает толстые красные чулки.)*

Старик. Приготовилась бы заранее, знала ведь про наше собрание.

Старушка. Надо же, не приделась... Платье-то как помялось...

Старик. Да-а, погладить бы малость... нет, времени не осталось. Не заставляй людей ждать.

Старик впереди, ворчащая старушка сзади скрываются в нише, некоторое время их не видно, слышно, как открывается дверь, кто-то входит, и дверь опять закрывается.

Голос старика. Добро пожаловать, сударыня. Милости просим. Рады вас видеть. Знакомьтесь, моя жена.

Голос старушки. Здравствуйте, сударыня, очень рада познакомиться, осторожнее, не помните шляпку, вытащите булавку, будет куда удобнее. Нет, нет, никто не посмеет на нее сесть.

Голос старика. Позвольте ваше манто, я его повешу. Нет, нет, здесь оно не запачкается.

Голос старушки. Прелестный костюм!.. И блузка в полоску!.. К чаю у нас торт и печенье... Худеете? А у вас фигура на загляденье! Ставьте, пожалуйста, свой зонтик!

Голос старика. Пожалуйста, проходите.

Старик (*спиной к публике*). Я всего-навсего скромный служащий...

Старик и старушка одновременно поворачиваются и немного отстраняются, пропуская гостью-невидимку. Они идут к авансцене, беседуя с невидимой дамой, идущей между ними.

Старик (*невидимой даме*). Надеюсь, добрались благополучно?

Старушка (*даме*). Вы не очень устали? Ну, конечно, немножко...

Старик (*даме*). На воде...

Старушка (*даме*). Вы так любезны...

Старик (*даме*). Сейчас принесу вам стул. (*Идет влево и исчезает за дверью № 6.*)

Старушка (*даме*). Присядьте пока сюда. (*Она указывает на один из двух стульев, сама садится на другой справа от невидимой дамы.*) Жарко, не правда ли? (*Улыбается даме.*) Какой прелестный веер. Мой муж...

Старик возвращается, волоча стул, из двери № 7.

подарил мне такой же... семьдесят три года назад... Он до сих пор цел.

Старик ставит стул слева от невидимой дамы.

Это был его подарок ко дню рождения!..

Старик усаживается на принесенный стул, дама сидит теперь между стариками. Старик, повернувшись к ней лицом, улыбается, потирает руки, покачивает головой, внимательно ее слушая. Так же заинтересованно слушает даму старушка.

Старик. Жизнь никогда не дешевила, сударыня.

Старушка (даме). Да, да, так оно и есть, сударыня. *(Выслушивает даму.)* Да, да, вы правы. Но со временем это изменится... *(Другим тоном.)* Мой муж, возможно, сам этим займется... Он вам расскажет...

Старик (старушке). Тссс, Семирамида, еще не время. *(Даме.)* Простите, сударыня, что разожгли ваше любопытство. *(Выслушивая настояния дамы.)* Нет, нет, и не просите, сударыня...

Старики улыбаются, даже смеются, видно, что им очень понравилась рассказанная дамой история. В разговоре пауза, лица стариков становятся бесстрастными.

Старик (даме). Вы совершенно правы...

Старушка. Да, да, да... О, нет...

Старик (даме). Да, да... вовсе нет...

Старушка. Да?

Старик. Нет?!

Старушка. Подумать только.

Старик (смеясь). Не может быть...

Старушка (смеясь). Ну, знаете... *(Старику.)* Она прелесть!

Старик (старушке). Тебя покорила наша гостья? *(Даме.)*

Браво, сударыня!

Старушка (даме). Вы совсем не похожи на современную молодежь.

Старик (он, кряхтя, наклоняется, чтобы поднять уроненную невидимой гостьей невидимую вещь). Нет, нет, не утруждайтесь... я сейчас подниму... вы, однако, проворнее меня. *(С трудом распрямляется.)*

Старушка (старику). Годы есть годы.

Старик (даме). Да, старость не радость, оставайтесь всегда молоденькой.

Старушка (даме). Он и вправду вам этого желает, у него

такое доброе сердце. *(Старику.)* Душенька!

Длительная пауза. Старики влоборота к залу, вежливо улыбаясь, смотрят на даму, потом поворачиваются к публике, потом опять смотрят на даму, отвечают улыбками на ее улыбку, затем отвечают на ее вопросы.

Старушка. Как мило, что вы нами интересуетесь.

Старик. Мы живем так уединенно.

Старушка. Мой муж любит одиночество, но он вовсе не мизантроп.

Старик. Есть радио, сию ужу рыбку, у нас такая прекрасная пристань.

Старушка. По воскресеньям причаливают две лодки утром и одна вечером, не говоря уж о частных лодках.

Старик (даме). В хорошую погоду видна луна.

Старушка (даме). Он ведь по-прежнему несет свою маршальскую службу на лестницах... трудится... в его-то годы мог бы уже и отдохнуть.

Старик (даме). В могиле наотдыхаюсь.

Старушка (старику). Не говори таких слов, душенька... *(Даме.)* Еще лет десять тому назад нас навещали родственники, хоть и немного их уцелело, друзья мужа...

Старик (даме). Зимой хорошая книга, теплая батарея, воспоминания о прожитой жизни...

Старушка (даме). Скромной, но достойной... Два часа в день мой муж посвящает своей Миссии.

Звонок в дверь. За несколько секунд до этого был слышен плеск причаливающей лодки.

Старушка (старику). Еще гость. Открывай быстрее.

Старик (даме). Простите, сударыня. На одну секундочку. *(Старушке.)* Неси поскорее стулья.

Старушка (даме). Я ненадолго вас покину, дорогая.

В дверь звонят очень настойчиво.

Старик (он очень дряхл, едва ковыляет, торопясь к правой двери в нише, старушка, прихрамывая, спешит к левой двери в нише). Гость, должно быть, очень важный. *(Старик торопится, открывает дверь № 2, появление невидимого полковника, в отдалении может заиграть труба, раздаться марш «Полковник, здравия желаем».* Старик, открыв дверь и увидев полковника, застывает по стойке «смирно».) Ох, господин полковник! *(Рука старика невольно тянется отдать*

честь, но так и застывает на полути.) Добрый вечер, господин полковник! Какая честь для меня... я не ожидал... хотя... все же... словом, бесконечно горжусь, что в моей скромной обители вижу беспримерного героя... *(Пожимает невидимую руку, которую протягивает ему невидимый полковник, склоняется в церемонном поклоне, потом выпрямляется.)* Однако замечу без ложной скромности, что недостойным этой чести себя не чувствую. Горжусь — да, недостойн — нет!..

Из правой двери появляется старушка, волоча стул.

Старушка. О! Какой мундир! Ордена какие красивые! Кто это, душенька?

Старик *(старушке)*. Не видишь разве? Это же полковник.

Старушка *(старушке)*. Да неужели?

Старик *(старушке)*. Пересчитай нашивки. *(Полковнику.)* Семирамида, моя супруга. *(Старушке.)* Подойди поближе, я хочу представить тебя господину полковнику.

Старушка подходит, волоча одной рукой стул, делает реверанс, не отпуская стула.

Старик *(полковнику)*. Моя супруга. *(Старушке.)* Господин полковник.

Старушка. Очень приятно, господин полковник. Милости просим. Вы ведь с мужем коллеги, он у меня маршал...

Старик *(недовольно)*. На лестнице, только на лестнице...

Старушка *(невидимый полковник целует руку старушке, это видно по тому, как поднимается ее рука, от волнения старушка роняет стул)*. Какой обходительный. Сразу видно, птица высокого полета!.. *(Поднимает стул; полковнику.)* Этот стул для вас.

Старик *(невидимому полковнику)*. Собогаволите пройти...

Все направляются к авансцене, старушка волочит стул.

Старик *(полковнику)*. Да, у нас уже сидит гостья. Сегодня у нас будет множество гостей.

Старушка ставит стул справа.

Старушка *(полковнику)*. Садитесь, прошу вас.

Старик знакомит невидимых гостей.

Старик. Юная дама, друг нашего дома.

Старушка. Очень близкий друг.

Старик *(с теми же жестами)*. Господин полковник,

прославленный воин.

Старушка (*показывая на стул, который она только что принесла*). Садитесь, пожалуйста, на этот стул.

Старик (*старушке*). Да нет, ты же видишь, что господин полковник хочет сесть рядом с дамой!..

Невидимый полковник садится на третий стул слева; невидимая дама предположительно сидит на втором; неслышимый разговор завязывается между невидимыми гостями, сидящими рядом; старики остаются стоять позади своих стульев по обеим сторонам от невидимых гостей: старик слева от дамы, старушка справа от полковника.

Старушка (*слыша разговор двух гостей*). О-о-о, ну, это уж слишком!

Старик. Пожалуй.

Старик и старушка обмениваются знаками над головами гостей на протяжении всего их разговора, принимающего оборот, который старикам очень не нравится.

Старик (*резко*). Да, полковник, их еще нет, но они вот-вот придут. Оратор будет говорить вместо меня, он объяснит смысл моей Миссии... Да послушайте же, полковник, эта дама нам друг и у нее есть супруг...

Старушка (*старику*). Кто этот господин?

Старик (*старушке*). Я тебе уже говорил — полковник. Невидимо происходит что-то неподобающее.

Старушка (*старику*). Так я и знала!

Старик. А зачем же спрашивала?

Старушка. Для верности. Полковник, не бросайте окурки на пол!

Старик (*полковнику*). Господин полковник, а господин полковник, что-то я запомнил — последнюю войну вы выиграли или проиграли?

Старушка (*невидимой даме*). Милочка моя, да не позволяйте ему этого!

Старик. Поглядите-ка на меня, господин полковник, разве я не храбрый солдат? Как-то раз в бою...

Старушка. Он перешел все границы приличия. (*Тянет полковника за невидимый рукав.*) Слыханное ли дело! Не позволяйте ему так себя вести, милочка.

Старик (*торопливо рассказывает*). Я один уложил их ровно двести девять, мы их звали мухами, потому что была их тьма-тьмушная и больно высоко подпрыгивали, когда

улепетывали. Полковник, а полковник, я-то их... с моим-то пылом... Да умерьте ваш пыл, полковник, прошу вас, не надо...

Старушка. Мой муж никогда не врет. Конечно, мы пожилые, но это не значит, что нас можно не уважать.

Старик (*полковнику, с яростью*). Герой бывает и вежливым, если он полноценный герой!

Старушка (*полковнику*). Я знаю вас столько лет. Кто бы мог подумать, что вы...

Громкий плеск воды, подплывают лодки.

Старушка (*даме*). Кто бы мог подумать, что он... В почтенном семействе, у людей с достоинством...

Старик (*дребезжащим голосом*). Я хоть сейчас готов в сражение.

Звонок.

Простите, открою дверь. (*Споткнувшись, опрокидывает стул вместе с невидимой дамой.*) Ради бога, простите!..

Старушка (*бросаясь на помощь*). Не ушиблись?

Старик и старушка помогают невидимой даме подняться.

Немножко испачкались, у нас пыльно.

Помогают даме отряхнуться. Звонок.

Старик. Извините меня, старика. (*Старушке.*) Принеси еще один стул.

Старушка (*невидимкам*). Извините, мы сию минуту вернемся.

Старик направляется к двери № 3. Старушка скрывается за дверью № 5 и появляется со стулом из двери № 8.

Старик. Ему хотелось меня рассердить, и я почти рассердился. (*Открывает дверь.*) Сударыня! Вы?! Глазам не верю! И все же... все же... в самом деле, не ждал, нет, не ждал, но мечтал, всю жизнь мечтал о той, кого все звали «прелестница»! А это ваш муж? Наслышан уж... Вы все та же! Нет, изменились — нос удлинился, расплылся, сразу-то не видно, а приглядишься — обидно: длинный-предлинный... Ну что поделать, вы же не нарочно. А как оно вышло? Понемножку... Бедная крошка! А вы, дружок? Вы ведь позвольте мне называть вас другом? Мы знакомы с детства с вашей супругой, она была точь-в-точь такой же, только нос был другой... Поздравляю вас от души, сразу видно — вы очень любимы самим собою.

Из двери № 8 появляется старушка со стулом.

Семирамида, гостей у нас двое, нужен еще один стул.

Старушка ставит стул позади четырех первых, уходит в дверь № 8 и вернется со стулом из двери № 5 как раз тогда, когда старик с гостями подойдет к авансцене. Стул она поставит с принесенными ранее.

Идемте, идемте, я представлю вас нашим гостям. Мадам... нет слов, прелестна, прелестна, так вас и звали — юная прелестница... Сгорбилась? Да, конечно, и все же, сударь, еще хороша. Очки? Зато какие выразительные зрачки! Подумаешь, седина, я уверен, под ней чернота есть и синева... Проходите, садитесь... Что это, сударь, подарок моей жене? (Старушке, которая подходит, таща стул.) Семирамида, ты видишь, она прелестна, прелестна... (Полковнику и первой даме-невидимке.) Юная прелестница, простите, мадам прелестница, ничего смешного я не вижу, познакомьтесь с ее мужем... (Старушке.) Я тебе рассказывал о подруге своего детства, вот ее супруг, познакомься. (Снова полковнику и первой даме.) Ее супруг...

Старушка (приседает). Как представителен. Высокого роста, статный. Очень приятно, сударыня. Сударь, очень приятно. (Указывает вновь прибывшим на двух прежних гостей.) Наши друзья...

Старик (старушке). Наш друг преподносит тебе подарок.

Старушка берет подарок.

Старушка. Что это, сударь? Цветок? Корзина? Ворона? Перина?

Старик (старушке). Да нет же, это картина.

Старушка. И до чего красива! Спасибо, сударь... (Первой даме-невидимке.) Взгляните, дорогая.

Старик (полковнику). Взгляните, дорогой.

Старушка (мужу прелестницы). Ах, доктор, я больна, днем немеет спина, живот пучит, колики мучат, пальцы сводит, печень подводит, помогите мне, доктор.

Старик (старушке). Он не доктор, он диктор.

Старушка (первой гостье). Если насмотрелись, можете ее повесить. (Старику.) Пусть не доктор, а диктор, все равно он — прелесть. (Диктору.) Не сочтите за комплимент.

Старики стоят позади стульев, почти касаясь друг друга спинами, старик говорит с прелестницей, старушка с ее

мужем, иногда они поворачивают голову и говорят с первой дамой и полковником.

Старик (*прелестнице*). Я так взволнован. И очарован! Вы нисколько не изменились, так сохранились, что вас не узнать... вы иная, вы мне родная... Я вас любил, я вас люблю...

Старушка (*диктору*). О-о, сударь! Ах, сударь!

Старик (*полковнику*). Тут я с вами совершенно согласен.

Старушка (*диктору*). Право же, сударь, будет вам... право же... (*Первой гостье*.) Спасибо, что картину пристроили, простите, что побеспокоили.

Свет становится ярче по мере прибытия гостей-невидимок.

Старик (*прелестнице, жалобно*). Но где же прошлогодний снег?

Старушка (*диктору*). Ох, сударь, сударь, ах, сударь, сударь...

Старик (*прелестнице, показывая на первую гостью*). Молоденькая наша приятельница... юная, юная...

Старушка (*диктору, указывая на полковника*). Да, полковник-кавалерист, коллега мужа, но чином младше, мой муж, он — маршал.

Старик (*прелестнице*). Нет, ваши ушки не были так остры!.. Вы ведь помните, моя прелесть?

Старушка (*диктору, преувеличенно жеманно; вся последующая сцена — гротеск: старушка задирает юбку, показывает дырявую нижнюю, показывает ноги в грубых красных чулках, приоткрывает иссохшую грудь, подбоченивается, откидывает голову, страстно со стенами вздыхает, выпячивает живот, расставляет ноги, хохочет, как старая шлюха; игра ее резко отличается от предыдущей и последующей, открывая в ней то, что обычно глубоко-глубоко запрято, прекращается этот гротеск резко и неожиданно*). Я уже вышла из этого возраста... Неужели вы думаете?..

Старик (*прелестнице, приподнято романтически*). Дальнее наше детство, свет лунный живой струится, нам бы тогда решиться, были б детьми навечно... Вам хочется вернуть прошлое? Можно ли это? Можно ли? Нет, наверное... Время прогрохотало поездом, морщин пролегли борозды... Неужели вы думали, что пластическая операция способна совершить чудо? (*Полковнику*.) Я — во-

енный, вы тоже, а военные не стареют, маршалы бессмертны, как боги... (*Прелестнице.*) Так должно было быть, но — увы! — все потеряно, все утрачено, а могли бы и мы быть счастливы, да, счастливы, очень счастливы; а что, если и под снегом растут цветы?

Старушка. Лысец! Противный плутишка! Ха-ха! Я кажусь вам моложе? Вы нахал, но ужасный душка!

Старик (*прелестнице*). Будьте моей Изольдой, а я стану вашим Тристаном. Красоту сохраняет сердце. Правда? Мы могли быть счастливы с вами, прекрасны, бессмертны... бессмертны... Чего же нам не достало? Желания или дерзости? И остались ни с чем, ни с чем...

Старушка. Ой, нет! От вас у меня мурашки! Что? И у вас мурашки? Так вы щекотливы или щекотун? Да нет, мне, право, стыдно. (*Хихикает.*) Нижнюю юбку видно. А вам она нравится? Или эта лучше?

Старик. Жалкий марш лестничного маршала.

Старушка (*поворачивается к первой гостье*). О-о, крошка! Готовить ее проще простого, возьмите молочка от бычка, камни в желудке у утки и ложечку фруктового перца. (*Диктору.*) Какие проворные пальцы... од-нако-о... Хо-хо-хо!..

Старик (*прелестнице*). Вернейшая из супругов, Семирамида, заменила мне мать. (*Полковнику.*) Я уже не раз вам говорил, полковник, истину берут там, где она плохо лежит. (*Вновь поворачивается к прелестнице.*)

Старушка (*диктору*). И вы серьезно думаете, что детей можно завести в любом возрасте? А какого возраста детишки?

Старик (*прелестнице*). Я спасал себя сам — самоанализ, самодисциплина, самообразование, самоусовершенствование...

Старушка (*диктору*). Никогда еще я своему маршалу не изменяла... осторожней, я чуть не упала... Я всегда была ему мамочкой! (*Плачет.*) Прапра (*отталкивает диктора*) прамамочкой. Ой-ой-ой! Это кричит во мне совесть! Яблочко давно сорвано. Ищите себе другой сад. Не хочу я больше срывать розы бытия...

Старик (*прелестнице*). Возвышенные занятия, моя Миссия...

Старик и старушка подводят диктора и прелестницу к двум другим гостям и усаживают с ними рядом.

Старик и старушка. Садитесь, садитесь.

Старики садятся, он слева, она справа, между ними четыре пустых стула. Следует долгая немая сцена с редкими «да, да» и «нет, нет», которые произносятся очень ритмично, сначала как речитатив, потом все быстрее и быстрее, с покачиванием в такт головой, так старики слушают своих гостей.

Старушка (диктору). Был у нас сынок... нет, он жив и здоров... он ушел из дома... банальная история... печальная история... бросил своих родителей... сердце-то у него золото... давно это было, давно... я его так любила... взял и хлопнул дверью... удерживала его силой... взрослый человек, семь лет... кричала вслед: «Сыночек, сынок!»... Ушел, и нет...

Старик. Жаль, но нет... детей у нас не было... Мне очень хотелось сына... И жена тоже. Чего мы только не делали. Бедная Семирамида, она была бы такой замечательной матерью... Но может, оно и к лучшему. Сам я был дурным сыном. Теперь, конечно, раскаиваюсь, чувство вины, угрызения совести, только это нам и остается...

Старушка. Что ни день плачет и хнычет: «Вы убиваете птичек! Зачем убиваете птичек?» А мы их видеть не видели, мы мухи живой не обидели. А он, весь в слезах, таял у нас на глазах, только к нему подойдешь, твердит нам: «Всё ложь! Всё ложь! Вы убиваете птичек, курочек и синичек!» И грозит кулачком — маленьким-премаленьким: «Лгали вы мне, — говорит, — обманывали, — говорит, — на улицах мертвые птенчики, младенчики в полотенчике. Слышен повсюду плач. Солнце казнил палач». — «Что ты, сынок, взгляни, прекрасные стоят дни». — «Врете вы все, — кричит, — я вас обожал, — кричит, — я думал, что вы очень добрые... На улицах мертвые птицы, пустые у них глазницы. Вы источаете зло! Мне с вами не повезло!» Я встала перед ним на колени. Отец обливался слезами. Но он убежал. До сих пор его крик в ушах: «В ответе за все вы!» А что это значит — в ответе?

Старик. Свою мать я бросил, умерла она под забором, окликала меня с укором: «Сын, сыночек мой, не оставь меня в одиночестве, посиди со мною, сынок, я скоро... настал

мой срок»... Но я не мог... Не мог и не подождал, потому что спешил на бал. Пообещал, что вернусь... и скоро... бросил ее у забора... А вернулся, она в могиле, люди добрые похоронили. Я землю царапал ногтями, выл, плакал, просился к маме. Дети всегда жестоки, родители одиноки, их, бедных, дети не любят и нелюбовью губят... За что их так карают? Страшно они умирают...

Старушка. Он кричал: «Вас знать не хочу!»

Старик. Неприютно жить палачу.

Старушка. При муже о сыне ни слова, муж мой нрава другого, он был для родителей счастьем, скончались они в одночасье, когда он с ними простался, отец за него молился: «Ты был примерный сынок, сынок, помоги тебе Бог!»

Старик. Так и вижу, лежит под забором, в руках ландыши и кричит: «Не забудь меня, не забудь!» Плачет и зовет, как звала в детстве: «Зайчик! Не бросай меня здесь одну!»

Старушка (диктору). Он нам совсем не пишет, только иногда кое-что стороной услышим, кто видел его там, кто здесь... он жив-здоров... у него уже свои дети есть.

Старик (прелестнице). Когда я вернулся, ее уже давным-давно похоронили. (Первой гостье.) Да, да, сударыня, в нашем доме есть кинотеатр, ресторан, ванные...

Старушка (полковнику). Конечно, полковник, все из-за того, что...

Старик. По сути, так оно и есть.

Бесвязный вязкий разговор, все не попад.

Старушка. А то...

Старик. Так что не я... ему... И вот...

Старушка. Словом...

Старик. Его и нашим...

Старушка. Тому...

Старик. Им...

Старушка. Или ей?

Старик. Им...

Старушка. Папильоткам... Ну и...

Старик. Их нет...

Старушка. Почему?

Старик. Да.

Старушка. Я...

Старик. В общем...

Старушка. Короче...

Старик (*первой гостье*). Что вы сказали, сударыня?

Несколько минут старики неподвижно сидят. Звонок.

Старик (*взволнованно, и волнение его будет возрастать*). Гости! К нам опять гости!

Старушка. То-то мне послышался плеск весел.

Старик. Пойду открою. А ты принеси стулья. Извините, дамы и господа...

Старик направляется к двери № 7.

Старушка (*гостям, сидящим на стульях*). Поднимитесь, пожалуйста, на минутку. Скоро придет оратор. Нужно приготовить зал, будет лекция. (*Старушка расставляет стулья спинками к залу.*) Помогите мне. Да, да, благодарю.

Старик (*открывает дверь № 7*). Добрый вечер, милые дамы, добрый вечер, господа, милости просим.

Несколько гостей очень высокого роста, старик, здороваясь, привстает на цыпочки. Старушка, расставив стулья, направляется к старику.

Старик (*знакомит*). Моя жена... сударь... моя жена... сударыня... сударыня... моя жена...

Старушка. Что за люди, душенька?

Старик (*старушке*). Пойди принеси еще стульев, милочка.

Старушка. Не могу же я все разом делать.

Ворча, выходит в дверь № 6, появится из двери № 7, старик с гостями направится к авансцене.

Старик. Осторожнее, не уроните, ваша кинокамера... (*Знакомит.*) Полковник... Дама... Мадам прелестница... Диктор... Журналисты, они тоже хотят послушать оратора, он появится с минуты на минуту. Потерпите еще чуть-чуть... Побеседуйте пока...

Старушка появляется из двери № 7, таща два стула.

Поторопись со стульями, одного еще не хватает.

Старушка, ворча, отправляется за стулом, исчезает за дверью № 3 и появится из двери № 8.

Старушка. Ну и ладно... что могу, то делаю, не машина же я. Интересно, что за люди такие? (*Выходит.*)

Старик. Садитесь, садитесь, дамы с дамами, господа с господами или как хотите — рядами... Мягче стульев у нас нет... Простите, но это бред... Впрочем, возьмите вот этот.

Какие еще пакеты? Позвоните Монике, она у Майо... У Клода изумительное белье... Радио нету. Выписал газету... зависит от внутренних качеств; помню в одной передаче... главный — я, без помощников; экономия — главное в обществе, интервью не надо, прошу вас, не сейчас... потом посмотрим, настанет час... стул вам принесут... куда же она запропастилась?

Старушка появляется из двери № 8 со стулом.

Быстрее, Семирамида...

Старушка. Делаю, что могу. А кто еще к нам пришел?

Старик. Я все потом тебе объясню.

Старушка. А эта вот кто? Вот эта, душенька?

Старик. Не волнуйся... *(Полковнику.)* Господин полковник, журналистика сродни военному делу... *(Старушке.)* Окажи внимание нашим дамам, дорогая... *(Звонок. Старик торопится к двери № 8.)* Подождите секундочку. *(Старушке.)* Стулья!..

Старушка. Дамы, господа, прошу меня извинить.

Старушка выходит в дверь № 3, старик идет открывать невидимую дверь № 9 в нише, он исчезает в тот миг, когда старушка вновь появляется из двери № 3.

Старик *(его не видно)*. Прошу, прошу, прошу... *(Появляется, ведя за собой толпу невидимых гостей и держа за руку маленького ребенка-невидимку.)* Серьезная лекция, и вдруг детишки, как бы не соскучиться малышке. Не дай бог, малютка напишет дамам на юбки, раскричится — куда это годится? *(Приводит всех на середину сцены, куда направляется старушка со стульями.)* Познакомьтесь, моя жена. А это их дети, Семирамида.

Старушка. Какие славные! Очень приятно, очень приятно.

Старик. Это младший.

Старушка. До чего же мил, мил, мил...

Старик. Стульев не хватает.

Старушка. Ох-ох-ох. *(Уходит за стульями в дверь № 2 и появится из двери № 3.)*

Старик. Малыша посадите на колени... Близнецы на одном стуле уместятся. Осторожнее, стул качается, стулья — собственность домовладельца. Если сломаете, заставит платить штраф, такой злющий — просто страх!..

Старушка ковыляет из последних сил со стулом.

Вы всех не знаете, в первый раз видите, но наслышаны. (Старушке.) Семирамида, помоги мне их представить друг другу.

Старушка. Кто же они такие? Позвольте вам представить, познакомьтесь... а кто они?

Старик. Позвольте мне вам представить, познакомьтесь, позвольте представить, сударь... сударыня... сударь... сударыня... сударь...

Старушка (старик). А ты надел подштанники? (Невидимкам.) Сударь... сударыня... сударь...

Звонок.

Старик. Гости!

Звонок.

Старушка. Гости!

Звонок, еще звонок и еще. Старушка со стариком волнуются, стулья повернуты спинками к залу, расположены рядами; старик, вытирая лоб и задыхаясь, бегаёт от двери к двери, размещая невидимок, старушка, ковыляя, торопливо сует между дверями, принося стулья. На сцене множество невидимок, старики стараются никого не толкнуть, осторожно пробираясь между стульями. Движение может строиться следующим образом: старик в дверь № 4, старушка из двери № 3, затем в дверь № 2, старик открывает дверь № 7, она входит в дверь № 8, выходит из № 6 со стульями, так они обходят всю сцену.

Простите, простите, ох, простите, простите...

Старик. Господа, проходите... милые дамы, прошу... Позвольте...

Старушка (со стульями). Ох, их слишком много... много... много-премного... ох-ох-ох...

Все громче плеск воды, все звуки слышатся из-за кулис, старики бегают бегом, он встречает гостей, она носит стулья. Звонки звонят не умолкая.

Старик. Этот стол мешает. (Двигает воображаемый стол, старушка ему помогает.) Тесновато, вы уж простите...

Старушка (отпуская воображаемый стол). Ты подштанники надел?

Звонок.

Старик. Народу-го! Народу! Стулья! Гости! Проходите, дамы, господа! Семирамида! Быстрее! Тебе помогут!..

Старушка. Простите! Извините... Добрый вечер, сударыня... сударыня... сударь... сударь... стулья... да... стулья...

Звонки все громче и громче, слышно, как пристают лодки. Старик все чаще спотыкается о стулья, не поспевая к дверям.

Старик. Да, да, минуточку... А ты свои подштанники надела? Да, да, да... сию минуточку... терпение... да, да, терпение...

Старушка. Чьи-чьи? Твои или мои? Простите, простите...

Старик. Сюда, прошу, дамы-господа, прошу, я про... извините... щения... проходите... проходите... про... вожу... места... дорогая... не здесь, пожалуйста... осторожнее... вы, моя дорогая?

Довольно долгое время проходит в молчаливой суете, слышны только звонки, плеск воды. Пик напряженности, когда одновременно открываются и закрываются все двери, громко хлопая. Закрытой остается только главная дверь в глубине. Старики мечутся от одной двери к другой, словно на роликовых коньках. Старик встречает гостей; сопровождая их, делает с ними два-три шага, указывает место и бежит к дверям. Старушка носит стулья, старик со старушкой сталкиваются, но не останавливаются. Потом в глубине сцены старик будет лишь поворачиваться в разные стороны и указывать руками, кому куда идти. Руки двигаются очень быстро. Старуха со стулом в руке, она ставит его, берет, ставит, берет, словно собираясь тоже бежать от двери к двери, но только быстро-быстро вертит головой. Оба старика должны все время держать темп, производя впечатление быстрого движения, и при этом почти не двигаться с места: двигаются руки, корпус, голова, глаза, описывая, возможно, даже небольшие круги. Мало-помалу темп замедляется: звонки становятся тише, двери открываются медленнее, старики двигаются спокойнее. В тот миг, когда двери перестанут хлопать, звонки смолкнут, должно казаться, что сцена полна народу*.

Сейчас я найду вам место... потерпите... Семирамида, успокойся...

* Стульев на сцене должно быть не менее сорока, а то и больше. Подносят их со все нарастающей быстротой, обилие стульев олицетворяет обилие гостей. Темп и быстрота действия требуют, чтобы старушку играла молодая актриса. Так было в Париже (Сцилла Челтон), в Лондоне и Нью-Йорке (Джозан Плаурайт). Вся эта сценка — сложный, почти цирковой номер. В конце его вся сцена загромождена стульями. Благодаря освещению маленькая комнатка стариков должна производить впечатление огромной, похожей на храм. Так было в постановке Жака Моклера (1956) благодаря декорациям Жака Нозля.

Реплики старушки, когда она вторит старику, должны быть то очень громкими, то тихими и жалобными.

С прибытием гостей стулья отдельных персонажей не представляют —

Старушка (*разводя руками*). Стулья кончились, детка. (*Тут же она начинает продавать невидимые программки в полном зале с закрытыми дверями.*) Программки, программки, кому программки? Покупайте программки!

Старик. Спокойствие, дамы-господа! Сейчас до вас дойдет очередь... Всеу свое время, всех усадят.

Старушка. Программки! Кому программки?! Минуточку, сударыня, не могу же я обслуживать всех разом, у меня не тридцать рук, я не корова. Сударь, будьте любезны, передайте программку вашей соседке... благодарю вас, получите сдачу...

Старик. Я же сказал вам — всех разместят. Не волнуйтесь. Идите сюда, осторожнее... о, дорогой друг... дорогие друзья...

Старушка. Программки... рамки... рамки...

Старик. Да, мой дорогой, конечно, здесь — продает программки, дурной работы на свете нет... вон она, видите? Ваше место во втором ряду справа... нет, левее... вон там!

Старушка. Рамки... рамки... программки!...

Старик. Что я могу еще для вас сделать? Я и так делаю все что могу! (*Другим невидимкам.*) Потеснитесь, пожалуйста... вот и местечко, сударыня, оно ваше... подойдите. (*Старик поднимается на эстраду, невольно задевая окружающих, проталкивается через толпу.*) Дамы-господа, примите почтительнейшие извинения, но сидячих мест больше нет.

Старушка (*из противоположного конца зала от двери № 3, что у окна*). Покупайте программки! Кому программки? Шоколад, карамель, леденцы! (*Теснимая толпой, старушка разбрасывает программки и конфеты над головами невидимок.*) Берите, ловите...

дама, полковник, прелестница растворяются в толпе. Стулья сами по себе становятся действующими лицами.

Особенно настаиваю на следующей рекомендации постановщикам — старушка, молча, задыхаясь, сбиваясь с ног, должна в течение минуты непрерывно подносить стулья. Непрерывно должны звонить звонки. Старик на авансцене должен молча кланяться, как паяц, вертеть головой и делать реверансы, здороваясь с гостями.

Мы даже думали ввести вторую Семирамиду, которая появлялась бы только спиной к публике и создавала впечатление ошеломляющей быстроты и вездесущности старушки. Вторая старушка может появиться несколько раз. Ощущение одновременности должно создаваться следующим образом: старушка появляется сразу и справа и слева, где должна появиться и где ее не ждут.

Старик (*стоит на эстраде, он очень взволнован, его толкают, он спускается вниз, поднимается, спускается, толкая кого-то и от кого-то получая толчки*). Простите, тысяча извинений... пожалуйста, будьте осторожнее... (*Старика усиленно толкают, и он с трудом удерживает равновесие, цепляясь за чьи-то плечи.*)

Старушка. Кто это? Программки, пожалуйста, программки, шоколад, шоколад...

Старик. Дамы и господа, минутку тишины, умоляю вас... одну минуточку... это важно... Кому не хватило стульев, не гудите, как в улье, отойдите в сторонку, не стойте у стенки... вот так... Освободите проходы!..

Старушка (*старика, почти крича*). Скажи, что за люди, о душенька! Зачем они сюда пришли?

Старик. Дамы и господа, оставшиеся без стульев, для своего удобства и удобства окружающих встаньте, пожалуйста, по стенкам, справа и слева. Вы всё услышите, всё увидите, все места очень удобные!

Толкотня. Старик, увлекаемый толпой, огибает почти всю сцену, задерживается возле скамейки у правого окна, тот же путь, только в обратную сторону, проделывает и старушка и останавливается у скамейки возле левого окна.

Старик (*в толпе*). Не толкайтесь, не толкайтесь.

Старушка (*в толпе*). Не толкайтесь, не толкайтесь.

Старик (*в толпе*). Не толкайтесь, не толкайтесь.

Старушка (*в толпе*). Не толкайтесь, господа, не толкайтесь.

Старик (*все еще в толпе*). Поспокойнее... потише... спокойствие... ну что же это такое?..

Старушка (*все еще в толпе*). Вы же не дикари.

Наконец старики застывают каждый у своего окна, старик слева, возле эстрады, старушка справа. До конца пьесы они останутся на этих местах.

Старушка (*окликает старика*). Душенька!.. Что это за господа? Зачем они явились сюда? Где ты? Я тебя не вижу...

Старик. Семирамида! Ау!

Старушка. Я тебя не вижу-у!

Старик. Я здесь, возле окна! Слышишь?

Старушка. Слышу! Слышу! Вокруг столько разговоров... Но я прекрасно различаю твой голос...

Старик. А ты где? Где ты, крошка?

Старушка. Я тоже возле окошка. Душенька, мне страшно, тут столько людей, а это опасно... как бы не потеряться... мы так далеко друг от друга... в наши-то годы... мало ли что, душенька...

Старик. Вижу! Вижу! Наконец-то я тебя разглядел. Не беспокойся, скоро мы будем вместе, вокруг меня друзья. (*Друзьям.*) Очень рад пожать вам по-дружески руку. Да-да, я верю в прогресс, не непрерывный, но беспредельный...

Старушка. Понедельник... Погода ужасная. Солнце пре-красное. (*В сторону.*) И все же мне жутковато. Я-то здесь зачем? (*Кричит.*) Душенька!

Старики каждый со своего места переговариваются с гостями.

Старик. Чтобы избавить человека от эксплуатации, нужны ассигнации, ассигнации и еще раз ассигнации.

Старушка. Душенька! (*Ее осаждают друзья.*) Мой муж? Да. Он все и устроил... в-о-о-о-н он... Боюсь, что вам это не удастся... как тут проберешься?.. вон он стоит с друзьями...

Старик. Нет, нет... я всегда это говорил... чистой логики нет... чистая логика — это фикция.

Старушка. Знаете, есть и счастливчики. Завтракают в самолете, обедают в поезде, ужинают на пароходе, а ночью спят в грузовике и едут, едут, едут...

Старик. Вы говорите о достоинстве человека? Постараемся, чтобы у него было хотя бы лицо, а достоинство — это позвоночник.

Старушка. Не поскользнитесь в темноте. (*Смеется, разговаривая.*)

Старик. Ваши соотечественники ждут этого от меня.

Старушка. Конечно... расскажите мне все.

Старик. Я пригласил вас... вам объяснят... индивидуальность, личность — это все та же персона.

Старушка. Он так надут, он нас надул.

Старик. Я не есть я. Я — нечто иное. Некто в ином — вот я.

Старушка. Дети мои, остерегайтесь друг друга.

Старик. Просыпаюсь порой, кругом стоит тишина, полная, словно круг или луна в полнолуние. Совершенная. Но нужна осторожность. Миг — и совершенство полноты потревожено.

Вокруг дыры, куда оно утекает.

Старушка. Призраки, привидения, разные пустяки... Обязанности моего мужа необыкновенно важны и возвышенны...

Старик. Простите... я другого мнения... в свой час вы узнаете, что я думаю на этот счет... но не сейчас... Оратор, которого мы все ждем, сообщит вам о нем вместо меня... и о многом другом, что нас так волнует, о чем мы спорим... настанет минута, и... настанет она очень скоро.

Старушка (*своим друзьям*). Чем раньше, тем лучше... Ну конечно. (*В сторону.*) Никак не оставят нас в покое. Поскорее ушли бы, что ли... Где-то там моя душенька?.. Я что-то не разгляжу...

Старик. Да не волнуйтесь вы так. Вы услышите мою Весть. Уже скоро.

Старушка (*в сторону*). Наконец-то я слышу его голос. (*Друзьям.*) Моего мужа никогда не понимали, но теперь настал его час.

Старик. У меня богатейший опыт. В практических сферах жизни, в философии. Я не эгоист, пусть послужит на благо человечеству.

Старушка. Ой, вы наступили мне на ногу, а ноги у меня отороженные.

Старик. У меня целая система. (*В сторону.*) Однако где же оратор? Пора бы ему прийти. (*Громко.*) Я так настрадался.

Старушка. Очень мы настрадались. (*В сторону.*) Где же оратор? Пора бы ему быть на месте.

Старик. Много страданий, много познаний.

Старушка. Много страданий, много познаний.

Старик. Вы увидите сами, система моя совершенна.

Старушка (*эхом*). Увидите сами, система его совершенна.

Старик. Если следовать моим советам...

Старушка (*эхом*). Если следовать его советам...

Старик. Мир будет спасен!

Старушка (*эхом*). Спасем мир, и душа его спасется!..

Старик. Истина одна для всех!

Старушка (*эхом*). Истина одна для всех.

Старик. Повинуйтесь мне!

Старушка (*эхом*). Повинуйтесь ему.

Старик. Я уверен...

Старушка (*эхом*). Он уверен...

Старик. Никогда...

Старушка (*эхом*). Никогда...

Из-за кулис слышатся гул и фанфары.

Что это?

Гул нарастает, парадная дверь широко с шумом распахи-
вается, в проеме — пустота, и вдруг ослепительно яркий
свет из проема заливает сцену, и столы же ослепительно
вспыхивают окна.

Старик. Не смею... не верю... возможно ли? Да! Неве-
роятно... и все же... Да!! Его величество! Император! Сам им-
ператор!

Ослепительной яркости свет из открытой двери и окон, свет
холодный, мертвенный. Гул внезапно смолкает.

Старушка. Душенька!

Старик. Всем встать! Его величество государь император!
Меня удостоил сам император! Меня! Семирамида! Ты слы-
шишь?

Старушка (*недоуменно*). Император? Какой император,
душенька? (*Вдруг понимает*). Ах, государь император! Его
императорское величество! (*Волнуясь, она без конца присе-
дает*). У нас в гостях... у нас в гостях.

Старик (*плача*). Ваше величество, любимое наше ваше
величество, миленькое величественное величество! Какая
величественная милость... волшебный сон...

Старушка (*эхом*). Волшебный сон... сон...

Старик (*невидимой толпе*). Дамы, господа, встаньте! С на-
ми наш возлюбленный государь, наш император! Ура! Ура!
Ура!

Старик становится на скамейку, приподнимается на цыпоч-
ки, чтобы лучше разглядеть императора, старушка делает
то же самое.

Старушка. Ура! Ура!

Топот.

Старик. Ваше величество! Вот он я! Вы слышите? Да ска-
жите же его величеству, что я здесь! Ваше величество! Ваше
величество! Ваш самый преданный и покорный слуга здесь!

Старушка (*эхом*). Самый преданный и покорный слуга,
ваше величество!

Старик. Ваш слуга, ваш раб, пес — гав! гав! гав! — вашего

величества!

Старушка (*очень громко*). Ав! Ав! Ав!

Старик (*заламывая руки*). Вы видите меня, сир? Взгляните! Я вас вижу, сир! Ваш августейший лик... божественный лоб... Опять не вижу, встали стеной придворные ко мне спиной..

Старушка. Ной... ной... Ау, ваше величество, мы тут!

Старик. Ваше величество! Дамы-господа, да усадите же его вон туда! Видите, ваше величество, я один пекусь о вашем здоровье, я ваш преданнейший слуга!..

Старушка (*эхом*). Преданнейший слуга...

Старик. Пропустите меня, господа и дамы. Не будьте упрямы, позвольте пройти... вас такое количество... вы заслонили его величество, я хочу ему поклониться, извольте посторониться...

Старушка. Ницца... Ницца... Ницца...

Старик. Потеснитесь, позвольте пройти... (*Безнадежно.*) Неужели никак не подойти?..

Старушка (*эхом*). Уйти... уйти...

Старик. Сердцем, всем своим существом я у его августейших ног, придворные окружили его, они хотят помешать мне... Они боятся... о!.. я понимаю, я все понимаю... Придворные интриги... мне ли не знать их... Меня хотят оттеснить от нашего императорского величества.

Старушка. Успокойся, душенька... Его величество видит тебя, оно на тебя смотрит... Его императорское величество подмигнуло мне, оно за нас, его величество.

Старик. Посадите императора на лучшее место... возле эстрады... Он должен услышать из уст оратора Весть!..

Старушка (*привстает на скамейке на цыпочки и тянет шею, стараясь все разглядеть*). Ну наконец-то позаботились об императоре.

Старик. Слава богу! (*Императору.*) Сир, доверьтесь. Возле вас — друг, он — мой представитель. (*Стоя на цыпочках на скамейке.*) Дамы, господа, барышни, милые детки, умоляю...

Старушка (*эхом*). Ляю, яю...

Старик. Я хотел бы видеть... да раздвиньтесь же... видеть небесный взор, благородный лик, корону, ореол его величества... Сир, снизойдите повернуть ваше сияющее лицо в мою

сторону, к вашему нижайшему слуге, нижайшему... Увидел! Увидел...

Старушка (*эхом*). Дел.. ел...

Старик. Я на верху блаженства... Нет слов, чтобы выразить безмерность моей благодарности. Ваше императорское величество! Солнце!.. В доме, где я маршал... но на служебной лестнице, то есть я хотел сказать, на лестничной службе, то есть на лестничных маршах... я маршал...

Старушка (*эхом*). Да, маршал...

Старик. Я горд... горд и смиренен... всю жизнь провел на коленях... маршал вправе быть на марше, а придворный при дворе, свой двор я мел исправно... ваше величество... сир, я бы вас попросил... и у меня могло бы... но в жизни так много злобы... если б я знал, умел, посмел, не осиротел... если бы вы мне... Сир, вы меня простите...

Старушка. К государю — в третьем лице!

Старик (*плаксиво*). Ваше императорское величество должно меня извинить. Вы пришли... нас дома могло не быть... надеяться мы не могли... Господи! Сколько же я выстрадал!..

Старушка (*эхом, со слезами*). Рыдал... рыдал... рыдал...

Старик. Я много перестрадал... я мог добиться многого, надеюсь на вашу подмогу я... но я был один как перст... и если б не вы, мне смерть. Сир, вы — последний оплот...

Старушка (*эхом*). Плот... пилот... пирог...

Старик. Друзья мне помогали и... погибали. Небо карало всех, кто верил в мой успех!

Старушка (*эхом*). Смех... смех... смех...

Старик. Ненавидеть меня было просто, полюбить — невозможно.

Старушка. А вот это неправда, душенька. Я всегда любила тебя и люблю, я была всегда тебе мамочкой!

Старик. Враги мои пировали, друзья меня предавали.

Старушка (*эхом*). Давали... давили... язвили...

Старик. Мне чинили зло, изгоняли, преследовали. Я зывал к справедливости, но оправдывали всегда моих врагов. Я пытался мстить, но не мог... мне становилось жаль всех... я не умел топтать людей ногами... я был слишком добр...

Старушка (*эхом*). Добр... бобр... добр... бобр...

Старик. Я сострадал...

Старушка (*эхом*). Страдал... страдал...

Старик. Но они не знали жалости, я колот иглой, меня били дубинкой, всаживали нож, пулю, ломали кости...

Старушка (*эхом*). Гости... гости... гости...

Старик. Меня выселяли, гнали, обирали, убивали... о-о, жалкий коллекционер несчастий, громоотвод катастроф...

Старушка (*эхом*). Дроф... дроф... дроф...

Старик. Я хотел отвлечься, ваше величество, увлекся спортом... горным... мне подставили ножку, я сломал руку... хотел взобраться повыше, дали по шее... решил совершать круизы — не дали визы... хотел перейти на другой берег, разобрали мост...

Старушка (*эхом*). Разобрали мост...

Старик. Хотел перевалить через Пиренеи, а их развалили!

Старушка (*эхом*). Где теперь Пиренеи? А разве не мог он быть, как все люди,— главным редактором, главным доктором, главным кондуктором, репродуктором, рупором, ритором?..

Старик. Меня никто не замечал. Ни разу в жизни мне не прислали пригласительного билета... я не видел балета... А я, вы послушайте меня, ваше величество... я могу спасти человечество, которое так искалечено. Поверьте, ваше величество, я покончил бы со всеми увечьями, что так мучают нас в последнюю четверть века, мне бы только осуществить мою Миссию, я еще не отчаялся всех спасти, пробил час, моя система... вся беда, что я говорю так нескладно...

Старушка (*над невидимыми головами*). Вот придет оратор, он все скажет, не волнуйся, моя радость. Его императорское величество здесь, оно услышит твою Весть, фортуна на твоей стороне, все к лучшему, все пошло на лад...

Старик. Ваше величество простит меня... у вас в приемной всегда толкотня. А я всех ниже в вашем Париже... Дамы и господа, раздвиньтесь капельку, хочу припасть к императорской туфельке, увидеть бриллианты, банты, корону... Государь осчастливил вас из-за моей персоны... Какая немыслимая награда! Ваше величество, я привстал на цыпочки не из гордости, а только чтоб лицезреть вас... припасть к ногам и лобзать прах...

Старушка (*со слезами*). К ногам, к коленкам, кончикам пальчиков...

Старик. Я перенес чесотку. Начальник требовал, чтобы я ублажал сынка-сосунка и кобылу-красотку. Меня выперли, дали под зад коленкой, но какое это имеет значение... если... сир... ваше императорское величество... взгляните... вот он я...

Старушка (эхом). Я... я... я...

Старик. Если ваше императорское величество здесь... Если ваше величество император услышит мое кредо... мой оратор, рупор, он, однако, заставляет ждать его императорское величество...

Старушка. Пусть его величество простит его благосклонно, рупор придет с минуты на минуту, он уже звонил по телефону...

Старик. Его императорское величество — сама доброта. Он не уйдет не выслушав, не услышав...

Старушка (эхом). Слышал, слышал, слышал...

Старик. Оратор провозгласит все вместо меня, сам я не умею говорить... нет таланта... у него все бумаги, все документы...

Старушка. Наберитесь терпения, сир, умоляю... он сейчас придет.

Старик (развлекая императора). Видите ли, государь, прозрение посетило меня давным-давно... Стукнуло сорок лет, и вот оно... я рассказываю и для вас, господа и дамы... Как-то вечером, поужинав с мамой, прежде чем отправиться в кровать, я пошел папочку поцеловать, забрался к нему на колени... был я усатей тюленя, гораздо, гораздо усатее и грудь была волосатее, на висках у меня седина, а папина голова черна, как смоль... были у нас тогда гости, сидели играли в кости, и вдруг как все засмеются...

Старушка (эхом). Змеюки... змеюки... змеюки...

Старик. Я спросил, что же тут смешного — мальчик-пайнька обожает своего папеньку? Мне ответили: пай-мальчики в полночь не ложатся спать. А раз вы еще не бай-бай, значит, не мальчик-пай. Я бы им ни за что не поверил, но они мне «вы» говорили...

Старушка (эхом). Вы...

Старик. А не «ты».

Старушка (эхом). Ты...

Старик. Но я сказал: раз не женат, значит, мал. А они

взяли меня женили, доказали, что я большой... К счастью, жена стала мне отцом, матерью и женой.

Старушка. Оратор придет, ваше величество...

Старик. Оратор сейчас придет.

Старушка. Придет.

Старик. Придет.

Старушка. Придет.

Старик. Придет.

Старушка. Придет.

Старик. Придет, придет.

Старушка. Придет, придет.

Старик. Он идет.

Старушка. Он пришел.

Старик. Пришел.

Старушка. Пришел, он здесь.

Старик. Он пришел, он здесь.

Старушка. Он пришел, он здесь.

Старушка со стариком. Здесь...

Старушка. Вот он!

Тишина, ни малейшего движения. Застыв, оба старика смотрят на дверь № 5; неподвижная сцена длится довольно долго, примерно с полминуты; затем дверь начинает медленно, очень медленно приоткрываться; когда она бесшумно распахивается до конца, возникает оратор — реальный персонаж, похожий на художника или поэта XIX века: широкополая черная шляпа, лавальера, плащ, усы, борода, выражение лица весьма самодовольное; если невидимки должны производить впечатление реального присутствия, то оратор должен казаться нереальным; он пройдет вдоль правой стены мягким шагом к закрытой главной двери, не повернув головы ни направо, ни налево, пройдет мимо старушки, даже не заметив ее, а она тронет его тихонечко за рукав, словно желая убедиться, что он существует, и тут старик скажет.

Старик. Вот он!

Старушка *(не отрывая взгляда от оратора)*. Да, это он, он есть на самом деле.

Старик *(тоже следя глазами за оратором)*. Да-да, он есть, он — это он, он не видение.

Старушка. Не привидение, а провидение.

Старик скрещивает руки на груди, поднимает глаза к небу, на лице его безмолвное ликование. Оратор снимает шляпу, молча кланяется, потом приветствует мушкетерским покло-

ном, метя пол шляпой, императора, при этом действует он как заводная кукла.

Старик. Ваше величество... позвольте представить... мой оратор...

Старушка. Ритор... ротор...

Оратор надевает шляпу, поднимается на эстраду, оглядывает сверху невидимую публику, стулья и застывает в торжественной позе.

Старик (*невидимой публике*). Можете попросить у него автограф.

Автоматически, молча, оратор раздает автографы. Старик в это время стоит закатив глаза и молитвенно сложив руки; восторженно.

Никому из смертных не дожидаться большего.

Старушка (*эхом*). Никому из смертных не дожидаться большего.

Старик (*невидимой толпе*). А теперь, с позволения его императорского величества, я обращаюсь к уважаемой публике — дамы и господа, барышни, дети, господин президент республики, дорогие собратья, соратники и соотечественники.

Старушка. Милые ребятки-ки хи-хи...

Старик. Обращаюсь ко всем без различия возраста, пола, гражданского состояния, общественного и имущественного положения и благодарю всех от всего сердца.

Старушка. Благодарю... дарю...

Старик. Благодарю и оратора... благодарю вас всех от всего сердца за то, что откликнулись и пришли... тише, господа...

Старушка (*эхом*). Ш-ш-ш...

Старик. Я благодарю всех, кто способствовал сегодняшнему мероприятию, организаторов...

Старушка. Bravo!

Все это время оратор с важным видом стоит, застыв, на эстраде; двигается только его рука, механически расписываясь.

Старик. Домовладельца, архитектора, каменщиков, которые соблаговолили возвести эти стены!

Старушка (*эхом*). Стены...

Старик. Всех, кто заложил основы... Потихе, дамы и господа...

Старушка (*эхом*). Мы и господа...

Старик. Я не забыл и горячо благодарю столяров, которые сделали для нас стулья, искусных мастеров...

Старушка (эхом). Дров...

Старик. Которые изготовили кресло, так мягко покоящее императора, не расслабляя при этом ясной твердости ума... Благодарю техников, механиков, керамистов...

Старушка (эхом). Богемистов...

Старик. Бумажников, картонажников, издателей, бездельников, корректоров, редакторов, которым мы обязаны столь изящными программками, я приношу свою искреннюю благодарность солидарности всех людей. Спасибо отечеству, спасибо государству! *(Старик поворачивается к императору.)* Мудрому кормчему могучего корабля! Спасибо тебе, билетерша!..

Старушка (эхом). Билетерша... хорошая...

Старик (указывает на старушку). Подательница шоколада и программок!

Старушка (эхом). Граммов... граммов...

Старик. Моя супруга, спутница... Семирамида!

Старушка (эхом). Пурга... распутица... Аида. *(В сторону.)* Детка моя ненаглядная, всегда обо мне вспомнит.

Старик. Спасибо всем, кто оказывал мне помощь, материальную или моральную, ценную и бесценную, своевременную и своекорыстную, способствуя успеху сегодняшнего праздника! Спасибо, возлюбленный наш государь император!

Старушка (эхом). Сударь... пираты...

Старик (в полнейшей тишине). Прошу тишины! Ваше величество!

Старушка (эхом). Качество... ситчика...

Старик. Государь, моей жене и мне — нечего желать, мы довольны вполне. Сегодняшний апофеоз — достойный венец нашей жизни. Мы благодарны судьбе за долгую череду мирных лет, ниспосланных нам небом. Жизнь прожита не зря, миссия осуществилась, человечество услышит Весть о спасении! *(Старик указывает на оратора, который, не замечая этого, исполненным достоинства жестом отстраняет тянущихся к нему за автографом).* Человечество, вернее, те частицы, которые уцелели. *(Указывает на публику.)* Вы, дамы и господа, вы, возлюбленные друзья, вы — дра-

гоценные крупы, благодаря которым может еще завариться недурная каша! Оратор, дорогой друг!

Оратор смотрит в другую сторону.

И если я столь долго жил в неизвестности, и современники мои пренебрегали вестником, значит, был в этом свой известный смысл.

Старушка всхлипывает.

Но сегодня это уже не имеет значения, сегодня я предоставлю тебе, друг оратор,

Оратор отстраняет еще одного любителя автографов и холодно смотрит в зал.

озарить города и веши светом моей Вести!.. Передай Вселенной мою систему. Не обходи подробности, странности, выпуклости и вогнутости прожитой жизни, расскажи о моих слабостях, смешном пристрастии к сладостям... расскажи все... не забудь о моей Семирамиде.

Старушка всхлипывает.

...Расскажи, как чудесны ее бифштексы, тают во рту ее торты, радуют душу рагу и маринованные огурчики... расскажи о Берри, моей родине... Я надеюсь на тебя, красноречивый оратор... я же со своей верной подругой после долгих трудов во имя прогресса и человечества, которым служил верой и правдой, исчезну, принеся самую великую жертву — бессмысленную и исполненную высокого смысла.

Старушка (*рыдая*). Да, принесем ее, увенчанные славой... Умрем и станем легендой... Именем улицы...

Старик (*старушке*). Верная моя подруга! Ты верила в меня неизменно и преданно целый долгий век, мы никогда не разлучались с тобой, никогда, но сейчас, в час нашей славы, безжалостная толпа разлучила нас...

А мне бы очень хотелось,
очень, очень хотелось,
чтобы кости наши смешались,
чтобы кожа одна укрыла
тленье нашей
усталой плоти
и червей мы одних кормили,
истлевая в одной могиле...

Старушка (*эхом*). Истлевая в одной могиле...

Старик. Не исполниться этой мечте!

Старушка. Не исполниться этой мечте!

Старик. Вдалеке друг от друга разбухнут в воде наши трупы... но не будем жалеть себя...

Старушка. Сделаем то, что должно.

Старик. Нас не забудут. Царь небесный сохранит о нас вечную память.

Старушка. Вечную память.

Старушка. От нас останется след, мы личности, а не города-уроды.

Старик и старушка (хором). Мы станем улицей!..

Старик. Соединимся же в вечности, если нас разъединяет пространство. И как были мы вместе во всех наших бедах, так вместе и умрем. (*Оратору, бесстрастному, невозмутимому, неподвижному.*) В последний раз... я тебе доверяю, я на тебя положился, я на тебя надеюсь, ты выскажешь все... Довершишь дело моей жизни... Простите, сир... Прощайте все!.. Семиамида! Прощай!

Старушка. Прощайте все! Прощай, моя душенька!

Старик. Да здравствует император!

Он осыпает императора конфетти и серпантином. Звуки фанфар, яркая вспышка света, словно начался салют.

Старушка. Да здравствует император!

Оба разбрасывают конфетти и серпантин, сперва на императора, потом на оратора, потом на пустые стулья.

Старик (бросая). Да здравствует император!

Старушка (бросая). Да здравствует император!

Старики с криком «Да здравствует император!» прыгают каждый в свое окно. Тишина. Два вскрика, два всплеска. Яркий свет, льющийся в окна и большую дверь, меркнет, тускнеет; слабо освещенная, как вначале, сцена, черные окна раскрыты, занавески полощутся на ветру. Оратор, неподвижно и бесстрастно наблюдавший двойное самоубийство, наконец-то собирается заговорить: обращаясь к пустым стульям, он дает понять, что он глухонемой, размахивает руками, тщетно стараясь быть понятым, затем начинает мычать: У-У-ГУ-НГЫ-МГЫ-НГЫ... Бессильно опускает руки, но вдруг лицо его светлеет, он поворачивается к доске, берет мел и пишет большими буквами: ДРР ЩЩЛЫМ... ПРДРБР. Поворачивается к публике и тычет в написанное.

Оратор. МГНМ... нмнм... ГМ... ЫГМ...

Рассердившись, резким движением он стирает с доски написанное и пишет заново: КРР ГРР НЫРГ. Поворачивается

к залу, улыбается, словно не сомневается, что его поняли и он что-то сумел объяснить, указывает, обращаясь к пустым стульям, на надпись и, довольный собой, застывает в неподвижности, затем, не видя ожидаемой реакции, перестает улыбаться, мрачнеет, ждет, вдруг недовольно и резко кланяется, спускается с эстрады и направляется к главной двери в глубине, завершая свое призрачное появление: прежде чем выйти, он еще раз церемонно раскланивается перед стульями и императором. Сцена остается пустой со стульями, эстрадой, паркетом, засыпанными конфетти и серпантином. Дверь в глубине широко распахнута в черноту. Впервые слышатся человеческие голоса, гул невидимой толпы: смех, шепот, «тсс», ироническое покашливание, поначалу потихоньку, потом громче, потом опять стихая. Все это должно длиться довольно долго, чтобы реальная публика, расходясь, унесла с собой это впечатление. Занавес опускается очень медленно.

Апрель — июнь 1951

На представлении занавес падал во время молчания оратора, черной доски не было.

Первая постановка 1952 года прошла без музыки. Для второй постановки Моклера в 1956 году и ее возобновления в 1961-м Пьер Барбо написал музыкальное сопровождение: фанфары трубили при появлении императора; в сцене прибытия гостей и в последней сцене, когда старик произносит благодарственные слова, звучала ярмарочная балаганная музыка, издевательски-торжествующая, подчеркивавшая игру стариков, гротесковую и трагическую одновременно.

Жертвы долга

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шуберт

Мадлена

Полицейский

Никола Фторо

Дама

Малло с двумя «л».

Комната, обставленная в мешанском вкусе. Шуберт в кресле у стола читает газету. Мадлена, его жена, сидит на стуле за столом и чинит носки. Оба молчат.

Мадлена (*отрываясь от штопки*). Ну, что пишут?

Шуберт. Никаких происшествий, как всегда. Всякие кометы, звездный взрыв в космосе. Ничего особенного. Вот требуют оштрафовать соседей за то, что их собаки гадят на тротуар.

Мадлена. И правильно. До чего противно, если нечаянно наступишь.

Шуберт. Жильцам первых этажей тоже противно: открывают утром окна, видят эту гадость и целый день не могут в себя прийти.

Мадлена. Ну, это уже чрезмерная чувствительность. Теперь все такие нервные. (*Пауза.*)

Шуберт. Ага, вот любопытное сообщение...

Мадлена. Какое?

Шуберт. Власти решительно рекомендуют жителям больших городов пребывать в полном бездействии. Уверяют, будто это единственное, что поможет нам справиться с экономическим кризисом, идейным разбродом и насущными проблемами.

Мадлена. Ну разумеется, раз все остальное уже перепробовали. И без всякого толку. Впрочем, возможно, никто в этом не виноват.

Шуберт. Пока они просто дружески предлагают последовать их совету. Но мы-то знаем: сегодня предложения, а завтра распоряжения.

Мадлена. Вечно ты торопишься с выводами.

Шуберт. Но это всем известно: в один прекрасный день увещевания вдруг оборачиваются предписаниями, становятся суровыми законами.

Мадлена. Что делать, друг мой, закон — это необходимость, необходимость — это порядок, порядок — это благо, а благо всегда приятно. Ведь и в самом деле, как приятно повиноваться закону, быть хорошим гражданином, исполнять свой долг, жить с чистой совестью...

Шуберт. Ты, пожалуй, права, Мадлена. Закон — это благо...

Мадлена. Ну конечно.

Шуберт. Да-да. И в бездействии есть особый смысл, причем двойкий: политический и мистический. И двойная выгода.

Мадлена. Выходит, можно убить двух зайцев разом.

Шуберт. То-то и оно!

Мадлена. Ну вот видишь!

Шуберт. Впрочем, насколько я помню из школьного курса истории, система всеобщего бездействия уже применялась, и весьма успешно, лет триста назад, и еще раньше, лет пятьсот назад, и еще раньше — веков девятнадцать назад... и в прошлом году тоже...

Мадлена. Ничто не ново под луной!

Шуберт. ...по отношению к населению больших городов, аграрных районов (*встает*) и даже к целым нациям, таким, например, как наша.

Мадлена. Сядь.

Шуберт садится.

Шуберт (*сидя*). Правда, при этом приходится жертвовать кое-какими правами личности. А это довольно тяжело.

Мадлена. Ну, не всегда. Бывают и легкие жертвы. Жертва жертве рознь. Даже если поначалу тяжело расстаться с тем, к чему привык, зато, когда дело сделано, о былом и не вспоминаешь. (*Пауза.*)

Шуберт. Вот ты часто ходишь в кино, значит, любишь и театр.

Мадлена. Театр все любят.

Шуберт. Но ты больше, чем все.

Мадлена. Может быть...

Шуберт. А что ты думаешь о современном театре, куда, по-твоему, он идет?

Мадлена. Опять ты со своим театром. Ты на нем просто помешался.

Шуберт. Как по-твоему, можно ли радикально обновить театр?

Мадлена. Я уже сказала: ничто не ново под луной. Даже когда луны нет. (*Пауза.*)

Шуберт. Ты права. В самом деле. Все пьесы, с античности до наших дней, все как одна — детективы. Театр — это реализм плюс полицейское следствие. Любая пьеса не что иное, как успешно проведенное расследование. Начи-

Шуберт. Да-да. И в бездействии есть особый смысл, причем двойной: политический и мистический. И двойная выгода.

Мадлена. Выходит, можно убить двух зайцев разом.

Шуберт. То-то и оно!

Мадлена. Ну вот видишь!

Шуберт. Впрочем, насколько я помню из школьного курса истории, система всеобщего бездействия уже применялась, и весьма успешно, лет триста назад, и еще раньше, лет пятьсот назад, и еще раньше — веков девятнадцать назад... и в прошлом году тоже...

Мадлена. Ничто не ново под луной!

Шуберт. ...по отношению к населению больших городов, аграрных районов (*встает*) и даже к целым нациям, таким, например, как наша.

Мадлена. Сядь.

Шуберт садится.

Шуберт (*сидя*). Правда, при этом приходится жертвовать кое-какими правами личности. А это довольно тяжело.

Мадлена. Ну, не всегда. Бывают и легкие жертвы. Жертва жертве рознь. Даже если поначалу тяжело расстаться с тем, к чему привык, зато, когда дело сделано, о былом и не вспоминаешь. (*Пауза.*)

Шуберт. Вот ты часто ходишь в кино, значит, любишь и театр.

Мадлена. Театр все любят.

Шуберт. Но ты больше, чем все.

Мадлена. Может быть...

Шуберт. А что ты думаешь о современном театре, куда, по-твоему, он идет?

Мадлена. Опять ты со своим театром. Ты на нем просто помешался.

Шуберт. Как по-твоему, можно ли радикально обновить театр?

Мадлена. Я уже сказала: ничто не ново под луной. Даже когда луны нет. (*Пауза.*)

Шуберт. Ты права. В самом деле. Все пьесы, с античности до наших дней, все как одна — детективы. Театр — это реализм плюс полицейское следствие. Любая пьеса не что иное, как успешно проведенное расследование. Начи-

Шуберт. Меня это очень волнует.

Пауза. Мадлена штопает носки. Шуберт читает газету. Слышен стук в дверь. И хотя стучат не к ним, Шуберт поднимает голову.

Мадлена. Это рядом, стучат к консьержке. Вечно ее нет на месте.

Снова стук в дверь привратницей, которая, по всей вероятности, расположена на той же лестничной площадке.

Голос полицейского. Эй, консьержка! Эй!

Пауза. Снова стук и тот же голос.

Эй!

Мадлена. Никогда ее не дозовешься. Прислуга называется!

Шуберт. Следовало бы держать консьержек на цепи. Верно, о ком-нибудь из жильцов справляются. Пойти взглянуть? *(Встает и снова садится.)*

Мадлена *(спокойно)*. Это не наше дело. Мы в консьержки не нанимались, друг мой. В обществе у каждого свой круг обязанностей.

Короткая пауза. Шуберт читает газету. Мадлена штопает носки. Раздается робкий стук в правую дверь.

Шуберт. Это уже к нам.

Мадлена. Вот теперь можешь пойти и взглянуть, дорогой.

Шуберт. Я открою.

Шуберт встает, идет к правой двери и открывает ее. На пороге стоит полицейский. Блондин со слащавой внешностью, очень молод и очень робок. Под мышкой держит папку, одет в светло-коричневый плащ, без шляпы.

Полицейский *(стоя на пороге)*. Добрый вечер, мсье. *(Мадлене, которая тоже встала и идет ему навстречу.)* Добрый вечер, мадам.

Шуберт. Добрый вечер, мсье. *(Мадлене.)* Это из полиции.

Полицейский *(делая один-единственный робкий шаг)*. Прошу извинить меня, господа, я хотел бы кое-что узнать у консьержки, но... ее нет...

Мадлена. Естественно.

Полицейский. ...вы не знаете, где она и когда вернется? О, простите, простите, ради бога, я... я бы ни за что не постучал к вам, если бы застал консьержку, не посмел бы вас беспокоить...

Шуберт. Консьержка должна скоро быть, мсье. Надолго

она отлучается только в субботу вечером, когда идет на бал. Она каждую субботу ходит по балам с тех пор, как выдала замуж дочь. Но сегодня-то вторник...

Полицейский. Весьма вам благодарен, мсье. Я подожду ее на лестнице. Честь имею откланяться. Нижайшее почтение, мадам.

Мадлена (Шуберту). Какой благовоспитанный молодой человек! И до чего учтив. Спроси, что ему надо, может быть, ты сможешь ему помочь.

Шуберт (полицейскому). Что вы хотели, мсье, может, я смогу вам помочь?

Полицейский. Поверьте, мне так неловко затруднять вас. Мадлена. Вы нас нисколько не затрудняете.

Полицейский. Дело самое простое...

Мадлена (Шуберту). Пригласи его войти.

Шуберт (полицейскому). Заходите, прошу вас.

Полицейский. О, право, я...

Шуберт. Моя супруга просит вас зайти.

Мадлена (полицейскому). Мы с мужем оба вас просим.

Полицейский (поглядев на часы). Нет, право, не могу, я уже опаздываю!

Мадлена (в сторону). Золотые часы!

Шуберт (в сторону). Она заметила, что у него золотые часы!

Полицейский. Ну, разве на минутку, если уж вы так настаиваете. На одну минутку, не больше... Раз вы так хотите, я зайду, но только не задерживайте меня...

Мадлена. Не беспокойтесь, мы не собираемся держать вас силой... просто зайдите на минутку, передохните.

Полицейский. Благодарю вас. Весьма обязан. Вы очень любезны. *(Полицейский делает еще шаг вперед, останавливается, запахивает плащ.)*

Мадлена (Шуберту). Какой прекрасный коричневый костюм, прямо с иголочки!

Шуберт (Мадлене). Какие роскошные туфли!

Мадлена (Шуберту). Какие чудесные белокурые волосы!

Полицейский проводит рукой по волосам.

А глаза: такие красивые, такие кроткие. Правда?

Шуберт (Мадлене). Он вообще очень мил и располагает к себе. В нем есть что-то детское.

Мадлена. Что же вы стоите, мсье. Садитесь, пожалуйста.
Шуберт. Садитесь, пожалуйста.

Полицейский делает еще шаг вперед. Но не садится.

Полицейский. Вы супруги Шуберт, не так ли?

Мадлена. Да, мсье.

Полицейский (*Шуберту*). Вы, кажется, увлекаетесь театром, мсье?

Шуберт. Э-э, ну да, очень.

Полицейский. Я вас так понимаю! Я тоже люблю театр. Но, к сожалению, редко бываю — недосуг.

Шуберт. Да там сейчас и смотреть-то нечего.

Полицейский (*Мадлене*). Господин Шуберт, я полагаю, сторонник политики решительного бездействия...

Мадлена (*без особого удивления*). Да-да.

Полицейский (*Шуберту*). Я имею честь быть вашим единомышленником. (*Обоим.*) Прошу простить, что злоупотребляю вашим временем. Я только хотел узнать, как правильно пишется фамилия жильцов, прежде занимавших вашу квартиру: Мало — с одним «эль», или Малло — с двумя.

Шуберт (*не колеблясь*). Малло, с двумя «эль».

Полицейский (*более официальным тоном*). Я так и думал. (*Уверенным шагом проходит на середину комнаты. Мадлена и Шуберт едва поспевают за ним. Он подходит к столу, берет один из двух стульев, садится. Супруги остаются стоять. Полицейский кладет на стол свою папку, раскрывает ее. Достает из кармана портсигар, берет из него сигарету, не предлагая хозяевам, и не спеша закуривает. Затем закидывает ногу на ногу и выпускает дым.*) Значит, вы знали этих Малло? (*Говоря это, он смотрит сначала на Мадлену, затем, более пристально, на Шуберга.*)

Шуберт (*с легким интересом*). Да нет. Не знал.

Полицейский. В таком случае откуда вы знаете, что их фамилия пишется с двумя «эль»?

Шуберт (*весьма озадаченный*). В самом деле... откуда?.. Откуда я знаю?.. Откуда знаю?.. Не знаю, откуда знаю!

Мадлена (*Шуберту*). Ты невозможен! Ответь же. Когда мы вдвоем, ты за словом в карман не лезешь. Рта не закрываешь, говоришь, ворчишь, а то и покрикиваешь. (*Полицейскому.*) Вы его не знаете, а между прочим, в семейной жизни он вовсе не такой тихоня, как кажется.

Полицейский. Приму к сведению.

Мадлена (*полицейскому*). Но я его все-таки люблю. Как-никак он мне муж. (*Шуберту*.) Так что же в конце концов, знали мы Малло или нет? Ну? Постарайся вспомнить...

Шуберт (*пытается вспомнить, но, к вящему неудовольствию Мадлены, безуспешно. Полицейский между тем сохраняет полное спокойствие*). Не могу вспомнить! Знал я их или нет — не помню!

Полицейский (*Мадлене*). Снимите с него галстук, мадам, он, верно, его стесняет. Так дело пойдет лучше.

Шуберт (*полицейскому*). Благодарю за заботу, мсье. (*Мадлене, которая снимает с него галстук*.) Спасибо, Мадлена.

Полицейский (*Мадлене*). Пояс и шнурки снимите тоже!

Мадлена снимает с Шуберта пояс и шнурки.

Шуберт (*полицейскому*). Действительно, все это меня только стесняло. Вы так любезны, мсье.

Полицейский (*Шуберту*). Ну?

Мадлена (*Шуберту*). Ну?

Шуберт. Мне легче дышать. Свободнее двигаться. Но вспомнить все равно не могу.

Полицейский (*Шуберту*). Послушайте, милейший, вы ведь не ребенок...

Мадлена (*Шуберту*). Послушай, ты ведь не ребенок. Слышишь, что тебе говорят? Просто не знаю, что с тобой делать!

Полицейский (*Мадлене, раскачиваясь на стуле*). Принесите-ка мне кофейку.

Мадлена. С удовольствием, мсье. Сейчас приготовлю. Осторожнее, не раскачивайтесь так, упадете.

Полицейский (*продолжая раскачиваться*). Не беспокойтесь, Мадлена. (*Шуберту, с двусмысленной улыбкой*.) Ведь ее зовут Мадленой? (*Мадлене*.) Не беспокойтесь, Мадлена, я знаю, что делаю. Кофе покрепче да послаще!

Мадлена. Сахару три кусочка?

Полицейский. Двенадцать! И большую рюмку кальвадоса.

Мадлена. Сию минуточку, мсье.

Мадлена выходит через левую дверь. Вскоре за кулисами раздается треск кофейной мельницы, сначала очень сильный, почти заглушающий голоса полицейского и Шуберта, потом все слабее.

Шуберт. Так, значит, вы тоже убежденный сторонник принципа бездействия в политике и в мистике? Я счастлив, что и в искусстве наши взгляды совпадают: ведь вы поддерживаете театральную революцию!

Полицейский. Сейчас не об этом речь. *(Достает из кармана фотографию, протягивает ее Шуберту.)* Взгляни на карточку, может, это освежит твои воспоминания. Это Малло? *(Тон его становится все резче.)* Малло или нет?

В это время прожектор должен высветить на левом конце авансены большой портрет, которого до этого не было видно; на нем изображен мужчина, которого описывает Шуберт, рассматривая фотографию. Актеры, разумеется, не обращают внимания на освещенный портрет, для них он не существует. Портрет можно с успехом заменить актером подходящей внешности, неподвижно стоящим на левом краю авансены. Можно и совместить одно с другим, так чтобы на одном конце был портрет, а на другом стоял человек.

Шуберт *(после паузы, во время которой он разглядывал фотографию).* Мужчина лет пятидесяти... так. Давно не бритый... На груди нашивка с номером... пятьдесят восемь тысяч шестьсот четырнадцать... пятьдесят восемь тысяч шестьсот четырнадцать...

Прожектор гаснет, портрет (или актер) исчезает с авансены.

Полицейский. Ну что, Малло или нет? Я, кажется, тебя не торопил.

Шуберт *(после новой паузы).* Видите ли, господин инспектор, я...

Полицейский. Старший инспектор!

Шуберт. Простите. Видите ли, господин старший инспектор, я не могу сказать точно. Он тут без галстука, с растерзанным воротником, лицо избитое, опухшее, трудно узнать... Мне все же кажется, да, мне кажется, что это скорее всего он... да... наверное, он...

Полицейский. Когда ты с ним познакомился и что он тебе говорил?

Шуберт *(опускаясь в кресло).* Извините, господин старший инспектор, я так устал..

Полицейский. Я спрашиваю, когда ты с ним познакомился и что он тебе говорил?

Шуберт. Когда я с ним познакомился? *(Обхватывает*

голову руками.) Что он мне говорил? Что он мне говорил? Что же он мне говорил?

Полицейский. Отвечай!

Шуберт. Что он мне говорил?.. Что он мне... Но когда же я с ним познакомился?.. Когда я его видел в первый раз? И когда в последний?

Полицейский. Это я должен у тебя спрашивать.

Шуберт. Где это было? Где?.. где?.. Дома, когда я был маленьким?.. В саду?.. В школе... В армии... У него на свадьбе?.. Или у меня на свадьбе?.. Может, я был его свидетелем? Или он был моим свидетелем?.. Нет.

Полицейский. Так ты не хочешь вспомнить?

Шуберт. Не могу... Впрочем, что-то, кажется, припоминаю... это было давно... где-то на морском берегу... темно, сыро... мрачные скалы... *(Поворачивается в сторону двери, через которую вышла Мадлена.)* Мадлена! Кофе для господина старшего инспектора!

Мадлена *(входя).* Кофе может молотья и без меня.

Шуберт. Но все же ты могла бы последить.

Полицейский *(ударяет кулаком по стулу).* Ты очень любезен, но это тебя не касается. Не отвлекайся... Ты говорил: где-то на морском берегу...

Шуберт молчит.

Слышишь меня?

Мадлена *(со смешанным чувством страха и восхищения перед властным тоном и жестом полицейского).* Господин старший инспектор спрашивает, слышишь ли ты его? Отвечай же!

Шуберт. Да, мсье.

Полицейский. Ну так давай дальше!

Шуберт. Да, наверное, там я с ним и познакомился. Кажется, мы оба были очень молоды!..

Мадлена скидывает платье и оказывается в другом, с большим декольте. Еще прежде, когда она только вошла, было заметно, что ее походка и даже голос стали несколько иными, теперь же она изменилась до неузнаваемости, и, когда заговаривает, голос ее звучит мелодично и нежно.

Нет, нет, кажется, это было не там...

Полицейский. Не там? Не там! Как вам это понравится! А где же? Верно, в какой-нибудь забегаловке? Пьянчуга!

И это женатый человек!

Шуберт. Подумав хорошенько, я прихожу к выводу, что Малло с двумя «эль» где-то в глубине...

Полицейский. Ну так спускайся туда.

Мадлена (*мелодично*). В глубине, в глубине, в глубине...

Шуберт. Там, наверное, темно, ничего не видно.

Полицейский. Я буду тебя направлять. А ты только выполняй мои указания. Это нетрудно, просто катись вниз, как с горки.

Шуберт. Ну вот, я уже скатился.

Полицейский (*жестко*). Не совсем!

Мадлена. Не совсем, милый, не совсем! (*Страстно, почти непристойно приникает к Шуберту, обнимает его. Затем опускается рядом с ним на колени и поочередно сгибает и разгибает его ноги.*) Ну, шевели же ногами! Осторожно, не поскользнься! Ступеньки скользкие... (*Встает.*) Держись за перила... Ниже... ниже... если хочешь меня!

Шуберт опирается на руку Мадлены, как на перила, поднимает и опускает ноги, как будто спускается по лестнице. Мадлена убирает свою руку, но Шуберт, не замечая этого, продолжает опираться на воображаемые перила и идет вниз по ступенькам, к Мадлене. Лицо его пылает вождедением. Вдруг он останавливается, вытягивает руку, смотрит на пол, осматривается по сторонам.

Шуберт. Должно быть, здесь.

Полицейский. Для начала неплохо.

Шуберт. Мадлена!

Мадлена (*мелодичным голосом, отступая к дивану*). Я здесь... я здесь... Спускайся... Еще шагок, еще ступенька... шаг, ступенька... шаг... ступенька... Ку-ку... ку-ку... (*Ложится на диван.*) Мой милый...

Шуберт идет к ней, нервно смеясь. Мадлена, соблазнительная, улыбающаяся, лежит, протянув руки к Шуберту, и поет.

Ля-ля, ля-ля, ля-ля...

Шуберт подходит вплотную к дивану и некоторое время стоит, вытянув руки к Мадлене, как будто она еще далеко. Он все так же неестественно смеется, чуть покачивается. Приглушенным голосом зовет Мадлену, между тем как она то поет, то дразнище посмеивается.

Шуберт. Мадлена! Мадлена! Я иду к тебе... Это я, Мадлена! Это я... иду... уже иду...

Полицейский. Прекрасно. Первые ступеньки он одолел. Теперь надо заставить его спуститься еще глубже. Пока все идет хорошо.

Голос полицейского прервал эротическую сцену. Мадлена встает, некоторое время голос ее еще остается мелодичным, но чувственности в нем все меньше, и постепенно он становится таким же, как прежде, а по временам звучит зло и неприятно. Мадлена идет в глубину сцены, приближаясь к полицейскому. Шуберт бессильно роняет руки и с потухшим лицом, медленно, автоматическим шагом идет к полицейскому.

Полицейский (*Шуберту*). Ты должен спуститься еще глубже.

Мадлена (*Шуберту*). Еще глубже, дорогой, глубже, глубже...

Шуберт. Здесь темно.

Полицейский. Думай о Малло, раскрой глаза пошире. Ищи Малло.

Мадлена (*невуче*). Ищи Малло, Малло, Малло...

Шуберт. Я увязую в грязи. Она прилипает к подошвам... Ноги налились свинцом. Боюсь поскользнуться.

Полицейский. Не бойся. Иди вниз... Поворачивай направо... теперь налево...

Мадлена (*Шуберту*). Иди, иди, дорогой, иди вниз...

Полицейский. Вниз, левой, правой, левой, правой.

Шуберт исполняет все команды полицейского и продолжает шагать с лунатическим видом. В это время Мадлена поворачивается спиной к зрителям, набрасывает на плечи шаль и сутуливается. Сзади она похожа на старуху. Плечи ее вздрагивают от немых рыданий.

Опять вперед...

Шуберт поворачивается к Мадлене. Когда он говорит с ней, лицо его искажено болью, руки отчаянно сжаты.

Шуберт. Неужели это ты, Мадлена? Неужели это ты? О боже! Как это случилось? Этого не может быть! Как же я раньше не замечал... Бедная моя постаревшая куколка, и все-таки это ты. Как ты изменилась! Но когда же это произошло? Как могло случиться?.. Еще утром мы шли по цветущей долине. Сияло солнце. Ты звонко смеялась. Мы были веселы, нарядны. Нас окружали друзья. Все были живы, и ты еще не знала слез. И вдруг пришла зима. Мы остались одни. Где наши близкие? В могилах, что тянутся

цепочкой вдоль дороги. Нас разорили, нас ограбили, верните наше счастье! Увы, увы! Увидим ли мы вновь безоблачное небо? Ты состарилась, Мадлена, но я не виноват в этом, клянусь тебе, не виноват. Нет, я не хочу... не верю, любовь не стареет, любовь не умирает. Я не изменился. И ты тоже, ты только притворяешься. Но нет, себя не обмануть, ты постарела, о, как ты постарела! Кто виноват? Моя бедная, маленькая, дряхлая куколка. А как же наша молодость, цветущая долина... Мадлена, девочка моя, хочешь, я куплю тебе новое платье, чудесные украшения, подарю тебе весенние цветы. И морщины исчезнут с твоего лица, ты помолодеешь, правда? Пусть будет так, прошу тебя, ведь я тебя люблю, а любящие не стареют. Я люблю, люблю тебя, сбрось эту маску, стань снова молодой, посмотри на меня. Смейся, девочка моя, надо смеяться, чтобы разгладить морщины. Давай побежим и будем петь. Я молод. Мы оба молоды.

Повернувшись спиной к зрителям, он берет Мадлену за руку, и оба, делая вид, будто бегут, старческими дрожжами, прерывающимися от рыданий голосами поют.

Шуберт (*поет, Мадлена слабо ему подпевает*). Весенние ручьи... Зеленые листочки... Волшебный сад утопает в ночи, утопает в грязи... Любовь в ночи, любовь в грязи, в ночи, в грязи... Погибла молодость, не иссякают слезы, струятся, словно воды родника, прозрачного, живого, вечного... В грязи не расцвести цветам...

Полицейский. Не то, все не то. Ты теряешь время попусту, забыл о Малло, топчешься на одном месте, медлишь, отлыниваешь от дела, и вообще ты сбился с пути. Если среди всех этих листочков, цветочков и родников не видно Малло, не задерживайся, иди дальше. Время дорого. Малло разгуливает себе бог знает где. А ты тут застрял и ноешь, оплакиваешь сам себя! Ныть нельзя, задерживаться нельзя!

Когда полицейский начал свою тираду, Мадлена и Шуберт еще пели, мало-помалу они замолкают. Мадлене, которая повернулась лицом к зрителям и выпрямилась.

Как только он начинает ныть, так сразу застревает.

Шуберт. Я больше не буду, господин старший инспектор.

Полицейский. Посмотрим. Иди вниз, налево, вниз, направо.

Шуберт снова шагает, Мадлена выглядит так же, как до начала предыдущей сцены.

Шуберт. Хватит, господин старший инспектор?

Полицейский. Нет. Давай еще глубже.

Мадлена. Смелее.

Шуберт (с закрытыми глазами, вытянув перед собой руки). Я падаю и поднимаюсь, падаю и поднимаюсь.

Полицейский. Подниматься не надо.

Мадлена. Подниматься не надо, дорогой.

Полицейский. Ищи Малло, Малло с двумя «эль». Ты видишь его? Видишь? До него еще далеко?

Мадлена. Мал-ло... Мал-ло-о-о...

Шуберт (с закрытыми глазами). Смотрю во все глаза, но ничего не вижу...

Полицейский. Необязательно искать глазами.

Мадлена. Глубже, дорогой, глубже.

Полицейский. Надо его нащупать, схватить; расставь руки и ищи, ищи... Не бойся ничего...

Шуберт. Я ищу...

Полицейский. Он не опустился еще и на сотню метров ниже уровня моря.

Мадлена. Спускайся, дорогой, смелее.

Шуберт. Дальше хода нет — туннель засыпан.

Полицейский. Не можешь идти — проваливайся на месте.

Мадлена. Проваливайся на месте, дорогой.

Полицейский. Ты еще можешь говорить?

Шуберт. Грязь доходит мне до подбородка.

Полицейский. Ничего. Грязь — это нестрашно. Окунайся глубже. Малло еще далеко.

Мадлена. Окунайся, дорогой, окунайся глубже.

Полицейский. Опускай подбородок... так... теперь рот...

Мадлена. Рот тоже, дорогой!

Шуберт издает нечленораздельные звуки.

Ну-ну... Окунайся... глубже... еще, еще глубже...

Слышно невнятное бормотание Шуберта.

Полицейский. Теперь нос...

Мадлена. Теперь нос...

Шуберт жеста имитирует погружение в воду.

Полицейский. Теперь глаза...

Мадлена. Он открыл один глаз под водой. Вон торчит ресница. (*Шуберту.*) Опустит голову поглубже, дорогой.

Полицейский. Кричи громче, он не слышит...

Мадлена (*Шуберту, изо всех сил*). Опустит голову поглубже, дорогой! Поглубже! (*Полицейскому.*) Он всегда был туговат на ухо.

Полицейский. Вон еще торчит кончик уха.

Мадлена (*кричит Шуберту*). Дорогой! Убери ухо!

Полицейский (*Мадлене*). Волосы торчат.

Мадлена (*Шуберту*). У тебя торчат волосы! Нырять! Греби руками, плыви глубже, лови там в мутной водичке Малло, поймай его во что бы то ни стало... Глубже... Глубже...

Полицейский. Надо погрузиться в глубину — правильно говорит твоя жена. Там, в самой глубине, найдешь Малло.

Пауза. Шуберт погрузился на изрядную глубину. Он двигается с трудом, закрыв глаза, словно под водой.

Мадлена. Что-то его совсем не слышно.

Полицейский. Он перешел звуковой барьер.

Гаснет свет. Какое-то время слышны лишь голоса, самих актеров не видно.

Мадлена. Бедняжечка мой, как я за него боюсь! А вдруг я больше не услышу его родного голоса!

Полицейский (*Мадлене, резко*). Дойдет его голос, никуда не денется. А твои причитания только портят дело.

Зажигается свет. На сцене только Мадлена и полицейский.

Мадлена. Что-то его совсем не видно.

Полицейский. Он перешел световой барьер.

Мадлена. Что с ним будет?! Что с ним будет?! И зачем только я ввязалась в эту игру!

Полицейский. Вернется твое сокровище, может, запоздает немножко, но вернется. Мы еще с ним намучаемся. А ему все нипочем.

Мадлена (*плача*). Зачем я это сделала! Я поступила дурно. Каково-то ему теперь, бедному!..

Полицейский (*Мадлене*). Замолчи, Мадлена! Не бойся, я с тобой... Мы одни, вдвоем, моя прелесть... (*Небрежно обнимает Мадлену и тут же отпускает.*)

Мадлена (*плача*). Что мы наделали! Но ведь так было надо? Ведь все это по закону?

Полицейский. Ну конечно, конечно, не бойся. Я тоже его люблю. Он вернется. Можешь не беспокоиться.

Мадлена. Правда?

Полицейский. Вернется, вернется, может быть, фигурально, но вернется... Он воскреснет, обретет новую жизнь в нас.

Из-за кулис доносятся стоны.

Слышишь?.. Это он дышит...

Мадлена. Да, это он... мое сокровище...

Свет гаснет и тут же вспыхивает. **Шуберт** идет из одного конца сцены в другой. Мадлены и полицейского нет.

Шуберт. Я вижу... вижу...

Его слова переходят в стоны. Он снова скрывается за кулисами с правой стороны сцены, а с левой стороны появляются **Мадлена** и **полицейский**. Они преобразились. Превратились в новых персонажей, между которыми и разыгрывается следующая сцена.

Мадлена. Ты изверг! Ты унижал, мучил меня всю жизнь! Ты растоптал мне душу. Сделал меня старухой! Уничтожил! Я больше не могу так жить!

Полицейский. Ну и что же ты собираешься делать?

Мадлена. Покончу с собой, отравлюсь.

Полицейский. Пожалуйста. Мешать не стану.

Мадлена. Еще бы, будешь только рад от меня избавиться! Тебе только того и надо. Я знаю, знаю!

Полицейский. Я вовсе не стремлюсь избавиться от тебя во что бы то ни стало. Но действительно, легко обойдусь без тебя. И без твоих истерик. Ты просто зануда. Ничего не смыслишь в жизни, надоедаешь всем своим нытьем.

Мадлена (*рыдая*). Чудовище!

Полицейский. Не реви. Ты и так не слишком хороша собой, а когда реवेशь, и вовсе смотреть противно!

Снова появляется **Шуберт**, издали наблюдает разыгрывающуюся сцену, отчаянно ломая руки и бормоча: «Матушка! Отец! Матушка! Отец!»

Мадлена (*вне себя*). Это уж слишком. С меня хватит! (*Достает из-за корсажа флакончик и подносит к губам.*)

Полицейский. Ты с ума сошла, не смей! Не смей! (*Подскакивает к Мадлене, хватая ее за руку, чтобы помешать ей, но вдруг выражение его лица резко меняется, и он сам заставляет ее принять яд.*)

Шуберт вскрикивает. Гаснет свет, а когда вспыхивает снова, **Шуберт** на сцене один.

Шуберт. Мне восемь лет. Мама ведет меня за руку по улице Бломе. Вечером, после бомбежки. Кругом разрушен-

ные дома. Мне страшно. Мамина рука дрожит. Среди руин мелькают какие-то люди. В темноте блестят их глаза.

Бесшумно появляется **Мадлена**. Подходит к **Шуберту**. Сейчас она стала его матерью.

Полицейский (*появляется на другом конце сцены и медленно, шаг за шагом, подходит к ним*). Смотри хорошенько, нет ли среди этих мелькающих фигур **Малло**...

Шуберт. Уже и глаз не видно. Все тонет в темноте, только где-то вдали светится чердачное окошко. Темень такая, что я не вижу даже матушку. Рука ее словно растаяла. Я только слышу ее голос.

Полицейский. Наверное, она рассказывает тебе о **Малло**.

Шуберт. Она говорит очень грустным голосом: я скоро покину тебя, мой птенчик, тебе придется пролить много слез...

Мадлена (*голосом, полным нежности*). Мой мальчик, мой птенчик...

Шуберт. Я останусь один, во мраке, в грязи...

Мадлена. Мой бедный малыш, один, во мраке, в грязи, мой бедный птенчик...

Шуберт. Ничего больше нет, только ее дыхание и голос. Лишь он ведет меня. Она говорит...

Мадлена. ...Надо научиться прощать, это труднее всего...

Шуберт. Труднее всего...

Мадлена. Труднее всего.

Шуберт. Она говорит...

Мадлена. ...настанет пора слез, раскаяния, искупления, надо быть добрым, если ты не будешь добрым, не научишься прощать, тебе будет тяжело. Будь ему послушным сыном, поцелуй его, прости ему. (*Тихо выходит.*)

Шуберт оказывается перед полицейским, который сидит на столе, лицом к зрителям, не двигаясь, обхватив голову руками.

Шуберт. Умолкла. (*Полицейскому.*) Отец, мы никогда не понимали друг друга. Ты слышишь меня? Я буду тебе послушен, прости нас, как мы простили тебя. Посмотри на меня.

Полицейский неподвижен.

Ты был крут, но, может быть, не со зла. Может, ты был не виноват. Может, ты сам не хотел. Я ненавижу тебя за

жестокость, за эгоизм. И не жалел тебя за твои слабости. Ты бил меня. Но я был с тобой еще более жесток, чем ты со мной. Я презирал тебя, а тебе это было больнее любых ударов. Мое презрение тебя и убило. Ведь верно? Понимаешь... Я должен был отомстить за мать... Должен был... Или не должен?.. Должен или не должен?.. Она простила, а я все жаждал отомстить. Но какой толк от мести? Больше всех страдает сам мститель. Ты слышишь меня? Открой лицо. Дай мне руку. Мы могли бы быть добрыми друзьями. Я больше виноват, чем ты. Что из того, что ты был жалким обывателем? Я не должен был презирать тебя. Ведь я и сам не лучше. Кто дал мне право карать тебя?

Полицейский неподвижен.

Заклучим мир! Мир! Дай руку! Пойдем к друзьям, выпьем вина. Взгляни, взгляни на меня. Ведь я на тебя похож. Не хочешь... А то увидел бы. Я унаследовал все твои недостатки.

Пауза. Полицейский сидит в той же позе.

Кто сжалится надо мною, безжалостным! Даже если ты простишь меня, я никогда не прощу себя сам!

Полицейский все так же неподвижен, а с противоположного конца сцены начинает звучать его голос, записанный на пластинку. Все время, пока длится следующий монолог, Шуберт стоит, уронив руки, с застывшим лицом, и лишь время от времени жалобно сокрушается.

Голос полицейского. Понимаешь, сынок, я был коммивояжером, я исколесил всю землю. Но к сожалению, с октября по март я бывал только в северном полушарии, а с апреля по ноябрь — только в южном, так что всю жизнь видел одни зимы. Жалованье получал нищенское, вечно мерз, хворал. Неудивительно, что я озлобился. Враги мои процветали и богатели, а друзья разорялись и умирали от дурных болезней и несчастных случаев. На меня сыпались одни неприятности. Добро, которое я делал людям, оборачивалось злом для меня самого, а зло, которое делали мне они, никогда не оборачивалось добром. Потом я был на войне, и мне приказывали стрелять во вражеских солдат, мы убивали их тысячами, истребляли толпы женщин, детей и стариков. А мой родной город со всеми предместьями оказался разрушенным дотла. После войны снова началась нищета, и в конце концов я возненавидел людей. Я строил планы

чудовищной мести. Земля и Солнце и все планеты солнечной системы внушали мне отвращение. Я бы с радостью бежал в другую вселенную. Но другой нет.

Шуберт (*не шевелясь*). Он не хочет смотреть на меня... Он не хочет говорить со мною...

Голос полицейского* (*он сам по-прежнему сидит не шелохнувшись*). Я уже готовился взорвать всю планету, когда родился ты. Твое рождение спасло Землю от гибели. Во всяком случае, благодаря тебе мир не рухнул в моем сердце. Ты примирил меня с человечеством, неразрывно связал меня с его историей, со всеми его бедами, преступлениями, надеждами и разочарованиями. Я трепетал за его судьбу... и за судьбу своего сына.

Шуберт (*ни он, ни полицейский не меняют положения*). Значит, я никогда не узнаю...

Голос полицейского. Да, когда ты родился, я почувствовал себя растерянным, беспомощным, счастливым и несчастным одновременно, мое каменное сердце размякло, у меня закружилась голова. Мне стыдно было вспомнить о том, что я не хотел иметь потомства и даже пытался помешать твоему появлению на свет. Подумать только: ты мог не родиться! А я — не стать отцом. При мысли об этом меня охватывал запоздалый ужас и пронзала острая жалость ко всем миллиардам детей, которые могли бы родиться, но не были рождены, к бесчисленным детским личикам, которых никто никогда не приласкает, к ручкам, никогда не узнающим тепла отцовских рук, губкам, которые никогда не залепечут. Мне хотелось заполнить пустоту жизнью. Я пытался представить себе всех этих малюток, которые были уже на пороге жизни, пытался воссоздать в своем воображении, чтобы можно было хотя бы оплакать их, как настоящих усопших.

Шуберт (*все так же*). Он так и не заговорит!..

Голос полицейского. Но в то же время меня переполняла бурная радость, потому что на свете был ты, мое любимое дитя, слабая звездочка в океане мрака, оазис жизни в мертвой пустыне,— ты существовал, и значит... небытие было побеждено. И я целовал твои глазки, плакал и вздыхал: «Боже мой, Боже!» Я был благодарен Богу, ибо, не будь

* Или сам полицейский.

сотворен мир, не будь череды веков, заполненных историей рода человеческого, не было бы и тебя, моего сына, последнего звена в этой цепочке. Да, тебя бы не было на свете, если бы не бесконечная цепь причин и следствий, в числе которых войны, революции, потопаы, геологические, космические, социальные катаклизмы, ибо все сущее есть результат совокупного действия вселенских сил, всё — и ты, мое дитя, тоже. Я благодарил Бога за свою нищету и за все столетия человеческой нищеты, за все беды, радости, обиды, страхи, тревоги, за всю боль — за все то, что привело в итоге к твоему рождению. Оно оправдывало и искупало в моих глазах все людские страдания от начала веков. Из любви к тебе я простил весь мир. Я примирился со всем, коль скоро ничто уже не могло отменить необратимый факт твоего существования в этом огромном мироздании. И даже когда тебя уже не будет, думалось мне, никто не сможет зачеркнуть твое уже состоявшееся бытие. Ты был, ты навсегда записан в анналы вечности, неизгладимо запечатлен во всеобъемлющей памяти Всевышнего.

Шуберт (*все так же*). Никогда не скажет... никогда... никогда... никогда...

Голос полицейского (*тон его несколько изменился*). А ты... Чем больше я тобой гордился, чем больше любил тебя, тем больше ты меня презирал, обвинял меня во всех грехах, какие я совершил и каких не совершал. Правда, была эта история с твоей несчастной матерью. Но кто может точно знать, что произошло между нами, и судить, кто из нас виноват: она или я... я или она...

Шуберт (*все так же*). Он не станет говорить. Это я виноват, я, я!..

Голос полицейского. Но сколько бы ты ни отрекался от меня, ни краснел за меня, ни оскорблял мою память, неважно. Я не держу на тебя зла. Ненависть моя иссякла. И, вольно или невольно, я все равно прощаю тебя. Ты дал мне больше, чем я дал тебе. И я не хочу, чтобы ты страдал и считал себя виноватым передо мною. Пусть тебя не мучает совесть.

Шуберт. Почему ты молчишь, отец, почему не хочешь ответить мне?.. Увы, больше никогда, никогда не услышать мне твоего голоса... Никогда-никогда... никогда-никогда... И никогда не узнать...

Полицейский (*Шуберту, резко, вставая*). Похоже, здесь папеньки делаются такими же чувствительными, как маменьки. Ну, хватит ныть. Все твои проблемы не стоят выеденного яйца. Ищи-ка лучше Малло. Ищи его след. А все остальное выкинь из головы. Нам нужен только Малло. Все остальное — по боку, ясно?

Шуберт. Но, господин старший инспектор, я все же хотел бы разобраться, понимаете, как-никак это мои родители...

Полицейский. Э-э, известное дело: комплексы! Не морочь мне голову всей этой чепухой! Твоя мамочка, твой папочка, твои сыновьи чувства! Мне на все это плевать, мне платят не за это. Шагай дальше.

Шуберт. Еще глубже, господин старший инспектор? (*Неуверенно нащупывает ногой ступеньку.*)

Полицейский. Докладывай обо всем, что увидишь.

Шуберт (*осторожно, вслепую, переставляя ноги*). Ступенька... еще шаг правой... шаг левой... левой...

Полицейский (*Мадлене, которая появилась справа*). Осторожно, мадам, здесь ступеньки...

Мадлена. Благодарю вас, друг мой. Я могла бы упасть...

Полицейский и Мадлена превращаются в театральные зрители.

Полицейский (*поспешно подходя к Мадлене*). Обопритесь на мою руку...

Пока полицейский и Мадлена усаживаются, Шуберт пересекает сцену все тем же неуверенным шагом и скрывается в ее затемненной глубине. Спустя несколько мгновений он появляется на небольшом возвышении на другом конце сцены.

Полицейский (*Мадлене*). Садитесь. Устраивайтесь поудобнее. Сейчас начнется. Он выступает каждый вечер.

Мадлена. Как хорошо, что вы заказали билеты.

Полицейский. Садитесь в это кресло. (*Ставит рядом два стула.*)

Мадлена. Спасибо, дорогой. Это хорошие места? Самые лучшие, не правда ли? Отсюда хорошо видно? Хорошо слышно? У вас есть бинокль?

На возвышении появляется Шуберт. Идет как слепой.

Полицейский. Вот он...

Мадлена. Он бесподобен! Какая игра! Он правда слепой?

Полицейский. Кто его знает. Кажется, да.

Мадлена. Бедняжка! Нужно было дать ему две белые палочки: одну поменьше, как у регулировщика, чтобы он сам

останавливал машины, а другую побольше, чтобы нащупывать дорогу, как все слепые... (*Полицейскому.*) Мне снять шляпу? Нет, лучше не надо. Я никому не мешаю. Я ведь не такого высокого роста.

Полицейский. Он что-то говорит, помолчите, а то не слышно...

Мадлена (*полицейскому*). Может быть, он еще и глухонемой?..

Шуберт (*на возвышении*). Где я?

Мадлена (*полицейскому*). Где он?

Полицейский (*Мадлене*). Не спешите. Он сейчас сам все скажет. Это такая роль.

Шуберт. ...какие-то улицы... какие-то дороги... какие-то озера... какие-то люди... какие-то ночи... какое-то небо... какой-то мир...

Мадлена (*полицейскому*). Что он говорит? Какое-то — что?

Полицейский (*Мадлене*). Какое-то все не такое.

Мадлена (*Шуберту, громко*). Погромче!

Полицейский (*Мадлене*). Да тише вы! Кричать нельзя.

Шуберт. Оживают тени...

Мадлена (*полицейскому*). Как это нельзя? Мы что же, пришли только заплатить деньги и похлопать? (*Шуберту, еще громче.*) Погромче!

Шуберт (*все так же*). Тоска, осколки сознания... клочки мироздания...

Мадлена (*полицейскому*). Что-что?

Полицейский (*Мадлене*). Он говорит: клочки мироздания...

Шуберт. Зияющая бездна...

Полицейский (*на ухо Мадлене*). Зияющая бездна...

Мадлена (*полицейскому*). Он ненормальный. Сумасшедший. Совсем от земли оторвался.

Полицейский (*Мадлене*). Наоборот, провалился сквозь землю.

Мадлена (*полицейскому*). Ах вот оно что! (*Восхищенно*). Просто удивительно, как вы сразу во всем разобрались!

Шуберт. Я повинуюсь... повинуюсь... Черный свет... Темные звезды... Я болен каким-то неведомым недугом...

Мадлена (*полицейскому*). Как зовут этого актера?

Полицейский. Шуберт.

Мадлена (*полицейскому*). Надеюсь, не тот самый, не композитор?

Полицейский (*Мадлене*). Нет, другой.

Мадлена (*Шуберту, кричит*). Погромче!

Шуберт. Лицо мое мокро от слез. Где красота? Добро? Любовь? Я все забыл...

Мадлена. Очень не вовремя! Здесь нет суфлера!

Шуберт (*с отчаянием в голосе*). Мои игрушки... они все сломаны... разбиты на кусочки... Мои детские игрушки...
Мадлена. Какой-то детский лепет!

Полицейский (*Мадлене*). Вы попали в самую точку.

Шуберт. Я стар... Очень стар...

Мадлена. По виду не скажешь. Он преувеличивает. Хочет, чтоб его пожалели.

Шуберт. Как давно это было... как давно...

Мадлена. Про что это он?

Полицейский (*Мадлене*). Вероятно, он вспоминает свое прошлое, дорогая.

Мадлена. Что будет, если все начнут вслух вспоминать свое прошлое! У каждого, верно, найдется, что сказать. Но мы воздерживаемся. Из скромности, из стыдливости.

Шуберт. Это было давно... Ветер... сильный ветер... (*Громко стонет.*)

Мадлена. Он плачет...

Полицейский (*Мадлене*). Это он изображает вой ветра... в лесу...

Шуберт. Ветер гнет деревья, молния вспарывает черное грозное небо, а на горизонте поднимается гигантский занавес тьмы.

Мадлена. Что-что?

Шуберт. И за ним, сияющий среди мглы и бури, прекрасный, как тихая греза, волшебный град...

Мадлена (*полицейскому*). Волшебный... что?

Полицейский. Град! Град!

Мадлена. Я уже поняла.

Шуберт. ...или сказочный сад, прозрачный источник, каскады струй, огненные цветы на ночном небе...

Мадлена. Он, верно, мнит себя поэтом! Какой-то пошлый парнасско-символистско-сюрреалистический бред!

Шуберт. ...дворец из застывшего пламени, сияющие изваянья, бушующие моря, чертоги света в ночи, в бескрайних снежных пустынях!

Мадлена. Да он просто паяц! Бездарь! Что за чушь! Фальшь и чушь!

Полицейский (*кричит Шуберту, отчасти становясь собою, полицейским, отчасти оставаясь удивленным зрителем*). А нет ли там, в чертогах света, его темной фигуры? Или, наоборот: нет ли там, в чертогах тьмы, его светлой фигуры?

Шуберт. Гаснут огни, тускнеет дворец, все исчезает...

Полицейский (*Шуберту*). Скажи хоть, что ты чувствуешь? Твои впечатления... Ну?

Мадлена (*полицейскому*). Дорогой, по-моему, будет лучше, если остаток вечера мы проведем в кабаре...

Шуберт. Блаженство... тоска... боль... покой... Избыток сил... опустошенность... Безданная надежда... Я чувствую себя сильным... слабым... чувствую себя плохо... хорошо... но главное, я чувствую себя, себя, себя...

Мадлена (*полицейскому*). Он противоречит сам себе.

Полицейский (*Шуберту*). Дальше, дальше! (*Мадлене*.) Простите, дорогая, одну минутку...

Шуберт (*вскрикивает во весь голос*). Неужели все исчезнет? Исчезло! Кругом тьма. Осталась лишь одна едва трепещущая искорка...

Мадлена (*полицейскому*). О дорогой, это просто какое-то издевательство.

Шуберт. Последняя искорка...

Занавес на малой сцене закрывается.

Мадлена (*аплодируя*). Примитив. Придумали бы что-нибудь более занимательное... или, по крайней мере, более познавательное, а так — ни то ни се...

Полицейский (*Шуберту, которого уже скрыл занавес*). Нет, нет! Еще не всё! (*Мадлене*.) Он заблудился. Надо вернуть его на правильный путь.

Мадлена. Вызовем его на бис.

Они аплодируют. На миг из-за занавеса высовывается голова Шуберта и снова скрывается.

Полицейский. Шуберт! Шуберт! Шуберт! Пойми же, надо найти Малло! Это вопрос жизни и смерти. Это твой долг. От

тебя зависит судьба человечества. Это не так трудно, только вспомни, вспомни, и все опять прояснится. (*Мадлене.*) Он забрался слишком глубоко. Надо, чтобы он поднялся... немало... в наших глазах.

Мадлена (*робко, полицейскому*). Кажется, он все-таки чувствовал себя неплохо.

Полицейский (*Шуберту*). Ты здесь? Ты здесь?

Маленькая сцена убрана.

Шуберт появляется с другой стороны.

Шуберт. Я роюсь в своих воспоминаниях.

Полицейский. Перебирай их по порядку.

Мадлена (*Шуберту*). Перебирай по порядку. Слушай, что тебе говорят.

Шуберт. Вот я снова выбрался наверх.

Полицейский. Отлично, дружище, отлично.

Шуберт (*Мадлене*). Помнишь?..

Полицейский (*Мадлене*). Видишь, дело сразу пошло на лад.

Шуберт. Онфлёр... Синее-синее море... Или нет... Это был Мон-Сен-Мишель... нет... Дьепп... нет, там я никогда не был... Канн... тоже нет...

Полицейский. Трувиль, Довиль...

Шуберт. Там я тоже никогда не был.

Мадлена. Там он тоже никогда не был.

Шуберт. Кольюр: там еще есть такой храм, прямо в море, и кажется, будто его уносит волнами.

Мадлена. Это тебя, кажется, куда-то уносит.

Полицейский (*Мадлене*). Оставь при себе свои дурацкие каламбуры.

Шуберт. Монбельяром и не пахнет.

Полицейский. Точно: его прозвище — Монбельяр. А говоришь, не знаешь его!

Мадлена (*Шуберту*). Вот видишь!

Шуберт (*удивленно*). Надо же, в самом деле... ну и ну...

Полицейский. Ищи в других местах. Какие там еще есть города?...

Шуберт. Париж, Палермо, Пиза, Берлин, Нью-Йорк...

Полицейский. Равнины, горы...

Мадлена. Только гор нам еще и не хватало...

Полицейский. Эти... как их там?.. Анды! Ты там бывал?

Мадлена (*полицейскому*). Что вы, мсье, никогда в жизни...

Шуберт. Нет, но я достаточно знаком с географией, чтобы...

Полицейский. Выдумывать ничего не надо. Надо найти Малло на самом деле. Ну же, дружище, еще чуть-чуть...

Мадлена. Еще чуть-чуть.

Шуберт (*с видимым усилием*). Малло с двумя «эль», Монбельяр с одним «эль», с одним «эль», с двумя «эль»...

На противоположном конце сцены возникает высвеченный прожектором портрет того же человека (или тот же актер, на усмотрение режиссера), что появлялся раньше, с номером на груди; в руках у него альпеншток и веревка или лыжи. Несколько секунд спустя он исчезает.

Шуберт. Переплываю океан с морским течением. Высаживаюсь на испанском берегу и направляюсь к французской границе. Таможенники отдают мне честь. Нарбонна, Марсель, целебноводный Экс, Арль, Авиньон со всеми своими святейшими папами, святыми отцами, папскими туфлями и дворцами. Вдали высится Монблан.

Мадлена (*все время исподтишка старается помешать полицейскому и воспрепятствовать новому путешествию Шуберта*). Он окружен дремучим лесом.

Полицейский. Ничего, вперед!

Шуберт. Вступаю в лес. Как тут свежо! И как темно — разве уже вечер?

Мадлена. Это лес такой густой.

Полицейский. Не бойся!

Шуберт. Я слышу плеск ручьев. Птицы задевают меня крыльями. Трава по пояс. И ни тропинки, ни дорожки. Мадлена, дай мне руку.

Полицейский (*Мадлене*). Не давай ни в коем случае.

Мадлена (*Шуберту*). Не дам, он не велит.

Полицейский (*Шуберту*). Ты должен выбраться сам! Посмотри вверх!

Шуберт. Вижу солнце над вершинами деревьев. И синее небо. Быстро иду вперед — и ветви передо мной расступаются. Где-то рядом стучат топорами и насвистывают дровосеки...

Мадлена. А может, и не дровосеки...

Полицейский (*Мадлене*). Молчи!

Шуберт. Иду на свет. Вышел из лесу... к какой-то розовой деревушке.

Мадлена. Мой любимый цвет...

Шуберт. С низкими домиками.

Полицейский. Кого-нибудь видишь?

Шуберт. Еще слишком рано. Все ставни закрыты. На площади пусто. Только колодец и статуя. Я бегу, и мои сабо гулко стучат по камням...

Мадлена (*пожимая плечами*). Ты что, в сабо?!

Полицейский. Давай-давай. Ты почти у цели. Вперед!

Мадлена. Давай-давай. Вперед-вперед.

Шуберт. Вышел на равнину. Она плавно повышается. Иду вперед. И вот я у подножия горы.

Полицейский. Дальше.

Шуберт. Карабкаюсь вверх. Тропа очень крутая, приходится карабкаться на четвереньках. Лес позади. Деревушка внизу. Лезу выше. Справа озеро.

Полицейский. Лезь еще выше.

Мадлена. Лезь, говорят тебе, еще выше, если, конечно, можешь. Если можешь!

Шуберт. Какая крутизна! Кругом одни камни да колючки. Миновал озеро. Показалось Средиземное море.

Полицейский. Еще, еще выше! Лезь!

Мадлена. Ну лезь, раз велят!

Шуберт. Пробежала лисица, это последний зверь. Пролетела сова. И все, птиц больше нет. Ручьев тоже нет... Не видно никаких следов... Не слышно эха... Обозреваю горизонт.

Полицейский. Ну, видишь, видишь его?

Шуберт. Нет, никого не вижу.

Полицейский. Выше! Лезь!

Мадлена. Лезь, раз надо.

Шуберт. Цепляюсь за камни, съезжаю вниз, хватаюсь за колючки, ползу на четвереньках... Ой, я не переношу высоты... И почему это я должен все время лезть да лезть... Почему я... почему именно я вечно должен делать что-то невозможное...

Мадлена (*полицейскому*). Это невозможно... Он сам говорит. (*Шуберту*.) Как тебе не стыдно!

Шуберт. Я хочу пить, мне жарко, я весь вспотел.

Полицейский. Только не вытирай сейчас лоб рукой. Успе-

ется. Лезь выше.

Шуберт. Я так устал...

Мадлена. Уже! (*Полицейскому.*) Поверьте, этого следовало ожидать, господин старший инспектор. Он ни на что не способен.

Полицейский (*Шуберту*). Лентяй!

Мадлена (*полицейскому*). Он всегда был лентяем. Никогда ничего не доводил до конца.

Шуберт. Огромное солнце. И негде укрыться. Настоящее пекло. Я задыхаюсь. Я обугливаюсь.

Полицейский. Вот видишь, уже горячо, значит, он совсем близко.

Мадлена (*так, чтобы ее не слышал полицейский*). Я могла бы послать вместо тебя кого-нибудь другого...

Шуберт. Передо мной еще одна гора. Уходит вверх неприступной стеной. Я выдохся.

Полицейский. Выше, выше!

Мадлена (*очень быстро, то полицейскому, то Шуберту*). Выше, выше! Он выдохся. Выше, выше! Не слишком ли он возвысится над нами? Лучше спускайся. Вверх! Вниз! Вверх!

Полицейский. Выше! Выше!

Мадлена. Вверх! Вниз!

Шуберт. Я изодрал руки в кровь.

Мадлена (*Шуберту*). Вверх! Вниз!

Полицейский. Цепляйся и лезь. Держись.

Шуберт (*продолжая восхождение на месте*). Как тяжело быть одному на свете! Ах, если бы у меня был сын!

Мадлена. Лучше дочь. Мальчишки такие неблагодарные!

Полицейский (*топая ногой*). Это вы обсудите в другой раз! (*Шуберту.*) Лезь и не теряй времени!

Мадлена. Вверх! Вниз!

Шуберт. В конце концов я всего лишь человек.

Полицейский. Вот и будь им до конца.

Мадлена (*Шуберту*). Будь им до конца.

Шуберт. Нет!.. Не-е-ет!.. У меня ноги подгибаются. Больше не могу!

Полицейский. Ну, еще чуть-чуть.

Мадлена. Еще чуть-чуть. Крепись. Расслабься. Крепись.

Шуберт. Ура! Ура! Наконец-то! Я на вершине!.. Вижу всю землю и все небо, но Монбельяра нигде нет.

Мадлена (*полицейскому*). Он улетит от нас, господин старший инспектор.

Полицейский (*Шуберту, не слушая Мадлену*). Ищи, ищи.

Мадлена (*Шуберту*). Ищи, не ищи, ищи, не ищи. (*Полицейскому*.) Он улетит.

Шуберт. Ничего нет... Ничего больше нет... Ничего...

Мадлена. Чего нет?

Шуберт. Ничего. Ни города, ни леса, ни равнины, ни моря, ни неба. Я совсем один.

Мадлена. Здесь внизу мы были бы вдвоем.

Полицейский. Что он там мелет? Что все это значит? А как же Малло?! Монбельяр?!

Шуберт. Я бегу, не касаясь земли.

Мадлена. Сейчас улетит... Шуберт! Послушай...

Шуберт. Я совсем один. Под ногами пустота. Голова перестала кружиться... Я уже не боюсь умереть.

Полицейский. Какое мне до всего этого дело!

Мадлена. Подумай о нас. Ты пропадешь один. Не бросай нас... Пожалей, пожалей нас! Христа ради! (*Изображает нищенку*). Мои дети сидят без хлеба. Четверо малюток! Муж в тюрьме. Я сама только что из больницы. Сжальтесь, добрый господин... (*Полицейскому*.) Чего только я от него не натерпелась!.. Теперь вы меня понимаете, господин старший инспектор?

Полицейский (*Шуберту*.) Прислушайся к голосу страждущего человечества. (*В сторону*.) Пожалуй, я перестарался, чересчур разогнал его. Теперь он улетит. (*Кричит*.) Шуберт! Шуберт! Шуберт! Друг мой, дорогой мой друг, мы оба сблизись с пути.

Мадлена (*полицейскому*). Я же говорила.

Полицейский (*дает Мадлене пощечину*). Тебя не спрашивают.

Мадлена (*полицейскому*). Простите, господин старший инспектор.

Полицейский (*Шуберту*). Ты должен искать Малло, это твой долг, ты не предашь своих друзей. Малло, Монбельяр, Малло, Монбельяр! Смотри же, смотри! Вот видишь, ты не смотришь. Что ты видишь? Смотри как следует. Слушай! Эй, да отвечай же, отвечай...

Мадлена. Да отвечай же.

Чтобы заставить Шуберта вернуться на землю, Мадлена и полицейский сулят ему все мыслимые удовольствия и бла-га. Сцена становится все более гротескной и под конец до-ходит до клоунады.

Шуберт. Июньское утро. Воздух легче воздуха. Я сам легче воздуха. Солнце ярче солнца. Я невесом, бесплотен. Материя исчезла. Я лечу... Лечу... Струится дивный свет... Лечу...

Мадлена. Он улетает!.. Вот, я же говорила, господин старший инспектор, я говорила... Не хочу, не хочу, чтоб он улетал. (*Шуберту.*) Тогда уж и меня возьми с собой.

Полицейский (*Шуберту*). Я от тебя не ожидал такого... Эй! Эй! Ах ты скотина!..

Шуберт (*обычным голосом, сам себе*). Взлететь, что ли... вверх... Или прыгнуть... вниз... только оттолкнуться, раз — и все...

Полицейский (*в ритме военного марша*). Раз-два. Раз-два... Это я научил тебя обращаться с оружием, ты был старшиной в моей роте... Ты же не глухой, ты же не дезертир... Ты не ослушаешься своего командира... Дисциплина прежде всего!.. (*Трубит военный сигнал.*) Родина-мать зовет!

Мадлена (*Шуберту*). Я всегда была за тебя.

Полицейский (*Шуберту*). Перед тобой вся жизнь, тебя ждет блестящая карьера! Ты будешь адмиралом, генералом, генерал-майором, генерал-актером, генерал-вахтером! Вот приказ о твоём назначении! (*Протягивает Шуберту бумагу, но тот и не смотрит. Теперь настала очередь полицейского и Мадлены разыгрывать представление. Мадлене.*) Пока он не взлетел, еще не все потеряно...

Мадлена (*Шуберту, застывшему на месте*). Взгляни, вот золото, вот сочные фрукты...

Полицейский. Тебе поднесут на блюде головы твоих врагов.

Мадлена. Ты сможешь отомстить за все, ты будешь наслаждаться мстью!

Полицейский. Я сделаю тебя архиепископом.

Мадлена. Папой!

Полицейский. Ну, если захочешь... (*Мадлене.*) Вот это уже может и не выйти. (*Шуберту.*) Ты сможешь начать все сначала, показать, на что ты способен...

Шуберт (*не глядя на них и не слушая их*). Я на самом краю. Сейчас взлечу!

Полицейский и Мадлена вцепляются в Шуберта.

Мадлена. Быстрее! Надо прибавить ему веса!

Полицейский (*Мадлене*). Нечего мне указывать...

Мадлена (*полицейскому*). Может быть, вы тоже отчасти виноваты, господин старший инспектор...

Полицейский (*Мадлене*). Это ты виновата. Ты мне совсем не помогала. Делала все не так, как надо. Мне дали бестолковую помощницу, какую-то безмозглую тупицу...

Мадлена (*плачет*). О господин старший инспектор!

Полицейский (*Мадлене*). Да-да, тупицу! Тупицу, тупицу, тупицу!.. (*Резко поворачивается к Шуберту.*) Здесь, в долинах, чудная весна, мягкая зима, ясное лето...

Мадлена (*всхлипывая, полицейскому*). Я старалась, господин старший инспектор. Старалась как могла.

Полицейский. Идиотка! Тупица!

Мадлена. Вы правы, господин старший инспектор.

Полицейский (*Шуберту, в отчаянии*). А награда за поимку Малло! Ну, потеряешь честь, зато получишь деньги, чин и почести!.. Слышишь?.. Что еще надо!

Шуберт. Взлечу...

Полицейский и Мадлена (*вцепившись в Шуберта*). Нет! Нет! Нет! Не улетай!

Шуберт. Я утопаю в свете. (*Сцена погружается в полную темноту.*) Я весь пронизан светом. Захватывает дух, захватывает дух... захватывает дух...

Голос полицейского (*с торжеством*). Ну, на этот барьер у него на хватит духу!

Голос Мадлены. Осторожней, Шуберт, как бы у тебя не закружилась голова.

Голос Шуберта. Я свет! Я лечу!

Голос Мадлены. Погасни, свет! Упади на землю!

Голос полицейского. Bravo, Мадлена!

Голос Шуберта (*растерянно*). О... Я... Мне плохо... я падаю!..

Слышен стон Шуберта. Сцена освещается. Шуберт рухнул в большую корзину для бумаг и застрял в ней. По сторонам от него стоят Мадлена и полицейский. Слева, у стены, сидит на стуле новое лицо — дама.

Полицейский (*Шуберту*). Ну как, малыш?

Шуберт. Где я?

Полицейский. Оглянись, шалопай.

Шуберт. Как, вы были здесь, господин старший инспектор? Как вам удалось проникнуть в мои воспоминания?

Полицейский. Я шел за тобой по пятам... К счастью!

Мадлена. О да, к счастью!

Полицейский (*Шуберту*). Ну ладно, вылезай! (*Тянет его за уши.*) Если бы меня тут не было... Если бы я тебя не удержал... Ты очень неустойчивый, легковесный человек, у тебя дырявая память, ты не помнишь о своем долге, не помнишь сам себя. В этом вся беда. И вообще ты ни в чем не знаешь меры: то витаешь в облаках, то проваливаешься сквозь землю. Эта легковесность — для твоих близких тяжкий груз.

Мадлена. Еще какой тяжкий!

Полицейский (*Мадлене*). Не люблю, когда меня перебивают! (*Шуберту.*) Ну да ничего, я тебя вылечу. Это мой прямой долг.

Шуберт. Но я ведь, кажется, поднялся на самую вершину. И даже выше. (*Начинает вести себя как малое дитя.*)

Полицейский. Да, но тебя об этом не просили.

Шуберт. Ну... я просто заблудился... Я замерз... У меня промокли ноги... Меня знобит. Дайте мне теплый свитер!

Мадлена. Его, видите ли, знобит!..

Полицейский (*Мадлене*). Он просто упрямится.

Шуберт (*тоном оправдывающегося ребенка*). Я не виноват... Я везде искал... Но его нигде не было. Я же не виноват. Вы сами видели. Я честно старался...

Мадлена (*полицейскому*). Он просто слабоумный! И как только я могла выйти за него замуж! Впрочем, в молодости он производил лучшее впечатление. (*Шуберту.*) Ты только посмотри на себя! (*Полицейскому.*) Он хитрец, господин главный инспектор, я ведь вам говорила, хитрец и притворщик! Но, с другой стороны, он действительно слишком хилый. Его надо как следует кормить, чтобы он поправился...

Полицейский (*Шуберту*). Ты слабоумный! И как только она могла выйти за тебя замуж! Впрочем, в молодости ты производил лучшее впечатление. Ты только посмотри на себя! Ты хитрец, я же говорил, хитрец и притворщик... Но, с другой стороны, ты действительно слишком хилый, надо, чтобы ты поправился...

Шуберт (*полицейскому*). Мадлена только что сказала

точно то же самое. Вы повторили за ней слово в слово, господин старший инспектор.

Мадлена (*Шуберту*). Как ты смеешь так разговаривать с господином старшим инспектором?

Полицейский (*свирепо*). Я тебя научу вежливости! Дурак несчастный! Ничтожество!

Мадлена (*полицейскому, который ее не слушает*). Но я хорошо готовлю, мсье. И он всегда хорошо ел!..

Полицейский (*Мадлене*). Не вам меня учить, мадам, я врач и знаю свое ремесло. Ваш мальчик то валится с ног, то сбивается с дороги. У него совсем нет сил! Ему необходимо поправиться.

Мадлена (*Шуберту*). Слышишь, что доктор говорит? Хорошо еще, что ты упал на попку!

Полицейский (*свирепоет все больше*). Мы топчемся на месте. Не сдвинулись ни на шаг! Вверх-вниз, вверх-вниз, и так без конца, какой-то порочный круг!

Мадлена (*полицейскому*). Да-да, он ужасно порочный. (*Удрученно, недавно появившейся даме, которая сидит молча, сохраняя полную невозмутимость.*) Не так ли, мадам? (*Шуберту.*) И у тебя хватит нахальства утверждать, что ты делаешь все это не из упрямства?

Полицейский. Конечно, из упрямства. Ему говоришь «глубже», он упирается, говоришь «вылезай» — зарывается. Говоришь «вверх» — ползет, как черепаха, говоришь «вниз» — взлетает, как орел. Неуравновешенный тип, ведет себя как ненормальный.

Мадлена (*Шуберту*). Ты ведешь себя как ненормальный.

Шуберт (*хнычет*). Его зовут еще Мариусом, Мареном, Лугастеком, Перпиньяном, Маршкрошем!.. Маршкрош — это его последнее имя.

Полицейский. Вот видишь, ты, оказывается, все знаешь! Но нам нужен он сам, этот негодяй. Передохни, и продолжим поиски. Только надо идти прямо к цели, не сворачивая. (*Даме.*) Не так ли, мадам?

Дама не отвечает, впрочем, никто и не ждет ее ответа.

Ты у меня научишься не терять времени в пути — я сам этим займусь.

Мадлена (*Шуберту*). Маршкрош-то уходит... Тебе за ним не угнаться — он-то времени не теряет, не то что ты, лентяй.

Полицейский (*Шуберту*). Сейчас ты у меня окрепнешь. И научишься слушаться.

Мадлена (*Шуберту*). Надо всегда слушаться.

Полицейский садится и начинает рассказывать на стуле.

Мадлена (*даме*). Не так ли, мадам?

Полицейский (*кричит на Мадлену*). Принесешь ты мне когда-нибудь кофе или нет?!

Мадлена. Сию минуту, господин старший инспектор! (*Направляется к двери.*)

Полицейский (*Шуберту*). Нам обоим!

Мадлена уходит на кухню, а через стеклянную дверь в глубине сцены входит **Никола**. Он высокого роста, у него большая черная борода, опухшие сонные глаза, встрепанные волосы, на нем помятый костюм. Вид у него такой, будто он спал одетым и только что проснулся.

Никола. Привет!

Шуберт (*тусклым голосом, не выражающим ни радости, ни удивления, ни надежды, ни страха*). А, это ты, Никола! Закончил свою поэму?

Полицейский, напротив, явно недоволен появлением гостя, он вздрагивает, тревожно глядит на него, приподнимается на стуле, затем бросает взгляд на дверь, как будто у него мелькает мысль сбежать.

Шуберт (*полицейскому*). Это Никола Фторо.

Полицейский (*ошарашенно*). Русский царь?

Шуберт (*полицейскому*). Нет, что вы, мсье. Фторо — это его фамилия. Эф, те, о, эр, о — Фторо. (*Безмолвной даме.*) Не так ли, мадам?

Никола (*бурно жестикулируя*). Продолжайте, продолжайте! Не прерывайтесь из-за меня! Не стесняйтесь!

Садится поодаль на красный диванчик. Входит, ни на кого не глядя, Мадлена с чашкой кофе. Ставит чашку на буфет, выходит снова. И так раз за разом, все быстрее и быстрее, пока не уставляет чашками весь буфет*.

Обрадованный поведением Никола, полицейский облегченно вздыхает, лицо его проясняется, и, пока Шуберт и Никола обмениваются следующими репликами, он спокойно играет своей папкой, открывая и закрывая ее.

Шуберт (*Никола*). Ну что, поэма получилась?

Никола (*Шуберту*). Я спал. Это гораздо полезней для здоровья. (*Безмолвной даме.*) Не так ли, мадам?

* Пусть чашек будет как можно больше. Несколько десятков их должно стоять рядами и друг на друге на буфете или (если нет буфета) на столе, как в парижской постановке.

Полицейский, снова впиваясь взглядом в Шуберта, достает из папки лист бумаги, мнет его и бросает на пол. Шуберт порывается поднять его.

Полицейский (*холодно*). Можешь не поднимать. Ему и там хорошо. (*Придвигает лицо вплотную к лицу Шуберта.*) Сейчас ты у меня подкрепишься. Значит, ты никак не найдешь Малло, у тебя дырявая память? Ну так мы сейчас заткнем эти дыры!

Никола (*покашливает*). Простите, но...

Полицейский (*заговорщически подмигивает Никола и говорит сладким голосом*). Ничего страшного. (*Ему же, подобострастно.*) Вы поэт, мсье? (*Безмолвной даме.*) Поэт! (*Вытаскивает из папки огромную корку хлеба и протягивает Шуберту.*) Ешь!

Шуберт. Я недавно поужинал, господин старший инспектор. Я не голоден и вообще мало ем по вечерам...

Полицейский. Ешь!

Шуберт. Право же, я не хочу есть!

Полицейский. Я приказываю тебе есть, это подкрепит твои силы и заткнет дыры в памяти!

Шуберт (*жалобно*). Ну, если вы велите...

Медленно, охая и кривясь, подносит корку ко рту.

Полицейский. побыстрее, побыстрее давай, мы и так уже потеряли немало времени.

Шуберт (*с усилием откусывает кусок черствой корки*). Прямо кора и не иначе как дубовая. (*Безмолвной даме.*) Не так ли, мадам?

Никола (*невозмутимо, полицейскому*). Что вы думаете о системе всеобщего бездействия, господин старший инспектор?

Полицейский (*Никола*). Одну минуту... Извините. (*Шуберту.*) Вот и хорошо, это очень полезно. (*Никола.*) Что касается меня, мое дело — применять эту систему на практике и не рассуждать.

Шуберт. Очень жестко!

Полицейский (*Шуберту*). Ну-ну, без разговоров и без гримас, жуй, и все!

Никола (*полицейскому*). Но вы не просто исполнитель,

вы еще и мыслящее существо!.. как тростник...* Вы личность.

Полицейский. Я только солдат, мсье.

Никола (без малейшей иронии). Bravo!

Шуберт (со стоном). Жестко!

Полицейский (Шуберту). Жуй!

Шуберт (жалобно, как ребенок, Мадлене, которая все спует в кухню и обратно и таскает чашки на буфет **). Мадлена! Мадле-е-ена!

Мадлена бегаёт как заведенная, не обращая на него внимания.

Полицейский (Шуберту). Оставьте ее в покое. (Командует, по-дирижерски взмахивая рукой.) Работай челюстями! Раз-два! Раз-два!

Шуберт (плача). Я больше не могу, господин старший инспектор! Пожалуйста, хватит! (Жует.)

Полицейский. Слезами меня не удовлетворишь.

Шуберт (не переставая жевать). У меня сломался зуб, идет кровь!

Никола. Я много размышлял о будущем театра. Можно ли сделать его иным? Как вы думаете, господин старший инспектор!

Полицейский (Шуберту). Живей, живей! (Никола.) Я не совсем понял ваш вопрос.

Шуберт. Ай!

Полицейский (Шуберту). Жуй!

Мадлена бегаёт все быстрее.

Никола (полицейскому). Я мечтаю об иррациональном театре.

Полицейский (Никола, не спуская глаз с Шуберта). Вы имеете в виду неаристотелевский театр?

Никола. Именно. (Безмолвной даме.) Не так ли, мадам?

Шуберт. Я исцарапал десны, исколол язык!

Никола. Ведь современный театр все еще находится в плену устаревших форм, топчется на уровне психологизма какого-нибудь Поля Бурже.

Полицейский. Совершенно верно, на уровне какого-нибудь Поля Бурже! (Шуберту.) Глотай!

* Намек на знаменитое высказывание Блеза Паскаля: «Человек — всего лишь тростник, но он — тростник мыслящий». (Пер. Э. Линецкой. Прим. перев.)

** Или на стол (или, если угодно, на стол, на буфет и на камин).

Никола. Видите ли, друг мой, нынешний театр не соответствует культурному стилю эпохи, самому духу времени.

Полицейский (*Шуберту*). Глотай! Жуй!

Никола. Между тем он непременно должен сообразовываться с достижениями новейшей логики, новейшей психологии... психологии конфликтов...

Полицейский (*Никола*). Новейшей психологии, а как же!

Шуберт (*с набитым ртом*). Новейш... пси — хо — ло...

Полицейский (*Шуберту*). Ты знай ешь! (*Никола.*) Продолжайте, я слушаю. Так вы что же, предлагаете сюрреалистический театр?

Никола. Постольку, поскольку сюрреализм приближается к галлюцинации.

Полицейский (*Никола*). К галлюцинации? (*Шуберту.*)

Жуй, глотай! (*Никола.*) Руководствуясь... (*Безмолвной даме.*) Не так ли, мадам? (*Снова Шуберту.*) Руководствуясь нетрадиционной логикой и нетрадиционной психологией, я внесу противоречия в гармонию и гармонию в то, что здравый смысл считает противоречивым. Мы отвергаем стабильность персонажей, единство характеров и утверждаем их постоянную изменчивость, динамическую психологию. Мы все неиндентичны сами себе. Личности как таковой не существует. Есть лишь совокупность неких противоречивых или непротиворечивых сил. Советую вам прочитать блестящую книгу Лупаско «Логика и противоречия»*...

Шуберт (*плача*). Ой! Ай! (*Никола, не переставая жевать и стонать.*) Вы отрицаете... даже... единство...

Полицейский (*Шуберту*). Тебя это не касается. Ешь! Ешь!

Никола. Характеры теряют форму, пребывают в состоянии аморфного становления. Каждый персонаж более тождествен другому, чем самому себе. (*Безмолвной даме.*) Не так ли, мадам?

Полицейский (*Никола*). В таком случае он и является... (*Шуберту.*) Ешь!.. (*Никола.*) ...более другим, чем самим собой?

Никола. Разумеется. Я уж не говорю об интриге и о причинных связях. Их мы отрицаем начисто, по крайней мере,

* Штефан Лупаско (Лупашку) (род. в 1909) — румынский философ, живущий во Франции, близкий Ионеско по взглядам на искусство. (*Прим. перев.*)

в их прежней, грубой форме, когда они проявлялись слишком явно и, как все явное, были ложными. Отныне не будет драм или трагедий: трагедия превращается в комедию, комедия — в трагедию, и жизнь становится игрой... да, игрой...

Полицейский (*Шуберту*). Жуй! Глотай! (*Никола*.) Я не во всем согласен с вами. Хотя и высоко ценю ваши гениальные идеи... (*Шуберту*.) Ешь! Жуй! Глотай! (*Никола*.) Лично я остаюсь верным аристотелевой логике и, согласно ей, верным самому себе, своему долгу, своему начальству. Я не верю в абсурд, все имеет свой смысл, все можно объяснить... (*Шуберту*.) Глотай! (*Никола*.)... с помощью современной философии и естественных наук.

Никола (*даме*). А как по-вашему, мадам?

Полицейский. И потому, мсье, я упорно шаг за шагом продвигаюсь к цели, отменяя все помехи... Я хочу найти Малло с двумя «эль». (*Шуберту*.) Ну давай поживее, кусай еще, жуй, глотай!

Мадлена с чашками носится в бешеном темпе.

Никола. Что ж, вы вправе иметь свое мнение. Я не в претензии.

Полицейский (*Шуберту*). Живо! Глотай!

Никола. Однако, я вижу, вы весьма осведомлены в этих вещах, и это делает вам честь.

Шуберт. Мадле-е-ена! Мадле-е-ена! (*В полном отчаянии взывает с набитым до отказа ртом.*)

Полицейский (*Никола*). Да, это входит в круг моих личных интересов. Эти проблемы чрезвычайно увлекают меня... Но долго думать на такие темы я не могу — это слишком утомительно...

Шуберт (*откусывает еще один большой кусок корки*). Ой!

Полицейский. Глотай!

Шуберт (*с полным ртом*). Я стараюсь... Изо всех... сил... Но... больше... не могу...

Никола (*полицейскому, упорно пытающемуся заставить Шуберта есть*). А вы не думали о возможности реализовать эти идеи нового театра на практике?

Полицейский (*Шуберту*). Нет, можешь! Просто не хочешь! Другие же могут! Захочешь, так сможешь! (*Никола*.)

Простите, мсье, но в данный момент я не могу продолжить нашу беседу... не имею права, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей!

Шуберт. Можно я буду глотать понемножку?

Полицейский. Можно, только поживее, поживее, поживее! (Никола.) Мы еще вернемся к этому разговору.

Шуберт (с набитым ртом, ревет, словно превратился в двухлетнего младенца). Ма-ма-мадле-е-ена!!!

Полицейский. Нечего, нечего! Замолчи! Глотай! (Никола, который погрузился в собственные мысли и не слушает его.) Он страдает отсутствием аппетита. (Шуберту.) Глотай!

Шуберт (вытирает пот со лба, его мутит). Ма-а-дле-е-ена!

Полицейский (пронзительно вопит). Эй, смотри, чтоб тебя не вырвало, это не поможет — все равно заставлю все снова проглотить!

Шуберт (зажимая уши). Не так громко, а то я оглохну, господин инспектор...

Полицейский (не понижая голоса). Старший!

Шуберт (с набитым ртом, зажимая уши). Старший!!!

Полицейский. Ну-ка убери руки и слушай меня внимательно! Не затыкай уши, не то я тебе их заткну оплеухами! (Силой опускает ему руки.)

Никола (который начинает следить за происходящим со все возрастающим интересом). Но... но... что вы делаете? Что это вы такое делаете?

Полицейский (Шуберту). Жуй! Глотай! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай!

Шуберт (с набитым ртом, бормочет что-то невнятное). Как ха-а-ы хы-хамов! И — эвы — лени!

Полицейский (Шуберту). Что-что?

Шуберт (выплюнул в руку все, что было у него во рту). Помните, как сказал поэт? Как хороши колонны храмов и девичьи колени!

Никола (не вставая с места, полицейскому; тот занят своим делом и не слышит его). Да что вы делаете с бедным ребенком?

Полицейский (Шуберту). Вместо того чтобы глотать, болтаешь глупости! Когда я ем, я глух и нем! Посмотрите на этого негодника! Как тебе не стыдно! Что за дети пошли!

А ну глотай все сразу! Живо!

Шуберт. Хорошо, господин старший инспектор. *(Снова запихивает все в рот и, глядя в глаза полицейскому, с трудом выговаривает.)* Все! Проглотил!

Полицейский. Теперь еще. *(Засовывает ему в рот еще кусок хлеба.)* Жуй! Глотай!

Шуберт *(безуспешно пытается разжевать и проглотить).* ...эрэво! ...эзо!

Полицейский. Что?

Никола *(полицейскому).* Он говорит, что это дерево, железо. Это невозможно съесть. Разве вы сами не видите? *(Безмолвной даме.)* Не так ли, мадам?

Полицейский *(Шуберту).* Это одно упрямство!

Мадлена *(приносит последнюю партию чашек, ставит их на стол. На чашки никто и не взглянет, никто к ним не притронется).* Кофе подан! Пожалуйте чаю!

Никола *(полицейскому).* Нет, бедный малыш старается! Но это дерево, это железо застряло у него в горле!

Мадлена *(Никола).* Он не нуждается в защитниках. Если захочет, прекрасно может постоять за себя сам.

Шуберт пытается крикнуть, но не может, он задыхается.

Полицейский *(Шуберту).* Живо, живо, тебе говорят, глотай все сразу!

Потеряв терпение, полицейский подходит к Шуберту, открывает ему рот и, засучив предварительно рукав, собирается запихнуть кулак ему в горло.

Вдруг Никола встает, подскакивает к полицейскому и становится перед ним молча, с угрожающим видом.

Мадлена. Что это он?

Полицейский выпускает голову Шуберта; тот, сидя на своем стуле, молча, не переставая жевать, наблюдает за происходящим. Полицейский, ошеломленный вмешательством Никола, говорит ему внезапно изменившимся, дрожащим голосом, чуть не плача.

Полицейский. Я исполняю свой долг, господин Никола Фторо! Не думайте, что я просто пристаю к нему! Я должен выяснить, где скрывается Малло с двумя «эль». И это единственный способ. У меня нет выбора. А что до вашего друга, который, надеюсь, станет когда-нибудь и моим другом... *(Указывает на Шуберта; тот сидит, выпучив глаза, раздув щеки, и жует, жует.)* Поверьте, я его чту и уважаю, да-да,

искренне чту и уважаю! И вас тоже, дорогой господин Никола Фторо. Я столько слышал о ваших сочинениях, о вас самих...

Мадлена (*Никола*). Господин старший инспектор чтит и уважает тебя, Никола.

Никола (*полицейскому*). Вы лжете!

Полицейский и Мадлена. О!!!

Никола (*полицейскому*). Нет у меня никаких сочинений! Я только выдавал себя за поэта, а сам сроду ничего не писал!

Полицейский (*огорошено*). Э-э... как же так, мсье, как же... вы писали... вы пишете! (*Не помня себя.*) Надо писать!

Никола. Вовсе не надо. На это есть Ионеско да Ионеско, и хватит с нас!

Полицейский. Но... всегда найдется о чем писать... (*Дрожит от ужаса. Безмолвной даме.*) Не так ли, мадам?

Дама. Нет! Не так! Не мадам, а мадемуазель!

Мадлена (*Никола*). Господин старший инспектор прав. Всегда найдется, о чем написать. Современная цивилизация рушится, вот и будь летописцем ее крушения!

Никола (*орет*). А мне плевать!..

Полицейский (*дрожа все сильнее*). Что вы, что вы, мсье!

Никола (*презрительно смеется в лицо полицейскому*). Мне плевать, уважаете вы меня или нет! (*Хватает полицейского за лацканы.*) Вы сумасшедший, ясно?

Шуберт с героическим упорством жует и глотает. Он тоже напуган происходящим. У него виноватый вид: набитый рот не дает ему вмешаться.

Мадлена. Ну, будет, будет...

Полицейский (*уязвленный, вне себя от возмущения, падает на стул, но тут же вскакивает, отбрасывая стул, так что он разлетается на кусочки*). Я? Я?!

Мадлена. Выпейте кофе!

Шуберт (*кричит*). Ура! Я проглотил! Все в порядке!

Никола и полицейский продолжают спорить, не обращая внимания на Шуберта.

Никола (*полицейскому*). Да-да, вы, именно вы!

Полицейский (*заливается слезами*). О! Это слишком! (*Сквозь слезы, Мадлене, которая расставляет чашки на сто-*

ле.) Спасибо за кофе, Мадлена! *(Снова плачет.)* Это жестоко, несправедливо!

Шуберт. Ура! Я проглотил! Все в порядке! *(Поднялся и радостно, вприпрыжку бежит по сцене.)*

Мадлена *(Никола, который принимает все более и более злоеущий вид)*. Не забывай о законах гостеприимства!

Полицейский *(Никола, оправдываясь)*. Я не навязывался вашему другу!.. Клянусь!.. Он сам силою заставил меня войти... Я не хотел, я спешил... Но они оба настаивали...

Мадлена *(Никола)*. Это правда!

Шуберт *(бежит и кричит)*. Ура! Я проглотил, все в порядке, теперь мне можно поиграть!

Никола *(холодно и неумолимо)*. Какая разница? Меня возмущает вовсе не это!

Это сказано таким тоном, что Шуберт прекращает прыгать.

Он, Мадлена и полицейский замирают, устремив взор на

Никола, как на судью, который должен вынести приговор.

Полицейский *(еле ворочая языком)*. Но из-за чего же тогда, боже мой, из-за чего? Я вам ничего не сделал!

Шуберт. Никогда не думал, что ты можешь так рассвирепеть, Никола.

Мадлена *(полицейскому, с жалостью)*. Бедняжка. Как блестят твои глаза — весь ужас мира полыхает в них... Как побелело, как исказилось твое милое личико... Бедный, бедный мальчик!..

Полицейский *(обезумев)*. Я поблагодарил вас за кофе, Мадлена? *(Никола.)* Я только слепое орудие, мсье, солдат, связанный присягой, служебным долгом, но я воспитанный, честный, порядочный человек, я порядочный, мсье!.. И мне только двадцать лет!..

Никола *(безжалостно)*. А мне сорок пять, ну и что из этого?

Шуберт *(считает на пальцах)*. В два с лишним раза...

Никола вытаскивает здоровенный нож.

Мадлена. Никола, опомнись!..

Полицейский. Господи, господи... *(Стучит зубами.)*

Шуберт. Он дрожит, ему, наверное, холодно.

Полицейский. Да, мне что-то холодно... Ай-ай!

Никола принимается ходить вокруг него кругами и размахивать ножом.

Мадлена. Странно, отопление прекрасно работает... Никола, не глупи!..

Полицейский, перепуганный насмерть, издает непристойные звуки.

Шуберт (*громко*). Фу! (*Полицейскому.*) Делать в шта-нишки некрасиво!

Мадлена (*Шуберту*). Ты что, не понимаешь, в каком он состоянии? Поставь себя на его место! (*Смотрит на Никола.*) Боже, какой взгляд! Он вовсе не шутит!

Никола заносит нож.

Полицейский. Помогите!

Мадлена (*ни она, ни Шуберт не двигаются с места*). Никола, ты стал весь красный, смотри, как бы тебя не хватил удар! Образуемся, Никола, ты ему в отцы годишься!

Никола ударяет полицейского ножом, тот оседает, медленно вращаясь на месте.

Шуберт. Поздно, уже ничего не сделаешь...

Полицейский (*оседая*). Да здравствует белая раса!

Никола, с перекошенным ртом, наносит второй удар.

Полицейский (*так же медленно оседая*). Я хотел бы... получить орден, посмертно...

Мадлена (*полицейскому*). Получишь, дружок, обязательно. Я позвоню президенту...

Никола наносит третий удар.

Мадлена (*вскакивает*). Да прекрати наконец!..

Шуберт (*укоризненно*). Никола!

Полицейский (*в последний раз поворачивается вокруг своей оси, между тем как Никола застыл с ножом в руке*). Я... жертва... долга!.. (*Падает, истекая кровью.*)

Мадлена (*бросается к полицейскому, удостоверяется, что он мертв*). Бедняжка, прямо в сердце! (*Шуберту и Никола.*) Помогите же мне! (*Никола бросает окровавленный нож и они втроем, на виду у безмолвной дамы, переносят тело на диван.*) Как ужасно, что это произошло в нашем доме! (*Тело покоится на диване. Мадлена приподнимает голову полицейского и подкладывает под нее подушечку.*) Вот так! Бедное дитя... (*Никола.*) Нам будет очень не хватать этого юноши. Зачем ты убил его?.. Ох уж эта твоя безумная нена-

висть к полиции... Что теперь делать? Кто нам поможет найти Малло? Кто? Ну кто?

Никола. Кажется, я действительно поспешил...

Мадлена. Ага, теперь ты признаешь, вот все вы такие...

Шуберт. Да, все мы такие...

Мадлена. Сделаете что-нибудь сгоряча, а потом жалеете!.. Мы должны найти Малло! Его жертва (*показывает на полицейского*) не должна оказаться напрасной! Несчастливая жертва долга!

Никола. Я найду вам Малло.

Мадлена. Bravo, Никола!

Никола (*телу полицейского*). Нет. Твоя жертва будет не напрасной. (*Шуберту*.) А ты мне поможешь.

Шуберт. Ну уж нет! Опять все сначала!

Мадлена (*Шуберту*). Неужели у тебя совсем нет сердца? Надо же сделать для него хоть что-нибудь! (*Показывает на полицейского*.)

Шуберт (*хнычет и топает ногой, как капризный ребенок*). Нет! Не хочу! Не хочу-у!

Мадлена. Не люблю непослушных мужей! Как ты себя ведешь?! Бессовестный!

Шуберт продолжает плакать, но уже с покорным видом.

Никола (*садится на место полицейского и протягивает Шуберту кусок хлеба*). На, ешь, ешь, чтобы заткнуть дыры в памяти!

Шуберт. Я не голоден.

Мадлена. Ты опять? Слушайся Никола!

Шуберт (*берет хлеб, кусает*). Бо-о-ольно!

Никола (*голосом полицейского*). Без разговоров! Жуй! Глотай! Жуй! Глотай!

Шуберт (*с набитым ртом*). Я тоже жертва долга!

Никола. И я!

Мадлена. Мы все жертвы долга! (*Шуберту*.) Жуй! Глотай!

Никола. Жуй! Глотай!

Мадлена (*Шуберту и Никола*). Жуйте! Глотайте! Жуйте!

Шуберт (*не переставая жевать, Мадлене и Никола*). Глотайте! Жуйте! Глотайте!

Никола (*Шуберту и Мадлене*). Жуйте! Глотайте! Жуйте!
Дама (*подходит к ним*). Глотайте! Жуйте! Глотайте!
Жуйте! Глотайте!

Под возгласы «Жуйт!», «Глотайт!» опускается занавес *.

Сентябрь 1952

* С того момента, как появляется Никола Фторо, игра актеров делается все оживленнее и комичнее, достигая карикатурности. Речь Никола о театре должна быть произнесена настолько естественно по мимике и тону, насколько позволяет общий гротескный стиль игры.
Дама в шляпе, при зонтике. Она сидит молча и ест земляные орешки.

Бескорыстный убийца

Пьеса в трех действиях

ПЕРСОНАЖИ, ГОЛОСА, СИЛУЭТЫ

Беранже	Голос жильца
Архитектор	Голос в парадном
Дани	Мотоциклист
Бродяга	Голос водителя грузовика
Хозяин бистро	Голос другого водителя
Консьержка	Голос учителя
Первый старик	Голос с улицы
Второй старик	Второй голос с улицы
Бакалейщик	Грубый голос
Почтальон	Тоненький голос
Эдуард	Первый голос снизу
Мамаша Глот	Второй голос снизу
Пьяный	Голос сверху
Старик с зонтиком	Голос справа
Первый полицейский	Голос слева
Второй полицейский	Другой голос слева
Солдат	Женский голос
Убийца	

Один актер может исполнять несколько ролей. Вероятно, не все голоса во втором действии будут слышны отчетливо. Режиссеру следует, если возможно, использовать стереофонические установки. Хорошо бы в том же втором действии показать побольше силуэтов за окном, создав тем самым как бы вторую сцену на заднем плане. Однако появляться они должны не сразу: после поднятия занавеса уличные шумы и обрывки разговоров вокруг пустой сцены необходимы хотя бы на несколько минут, чтобы продлить и сгустить зрительную и звуковую атмосферу города, возникающую в конце первого акта и незаметно сглаживающуюся после возвращения Беранже. В начале третьего действия она вновь назойливо обращает на себя внимание и, наконец, совсем исчезает в конце пьесы.

Речь Беранже, обращенная к убийце в финале, — сама по себе отдельное короткое действие. Исполнитель должен сделать так, чтобы был заметен постепенно овладевающий Беранже паралич воли.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Декорации нет. При поднятии занавеса сцена пуста.

В дальнейшем потребуются лишь два складных стула и стол, которые принесет архитектор. Они должны быть под рукой за кулисами.

Вся обстановка первого действия создается исключительно за счет освещения. Вначале, пока сцена еще пуста, свет должен быть сероватым, как в предвечернее время в ноябре или феврале, когда на улице пасмурно. Слышен легкий шум ветра, может пролететь желтый лист. Вдалеке громыкает трамвай. Видны неясные очертания домов, которые исчезнут, когда сцена «внезапно» озарится ярким светом: этот свет должен быть очень сильным и совершенно белым; сверху — глубокая, ослепительная синева неба. Таким образом, серые тона сменяются игрой синевы и белизны, являющихся единственными элементами этой световой декорации. Шум трамваев, ветра или дождя прекратится в тот самый миг, когда произойдет смена освещения. Синева, белизна, тишина, пустая сцена должны порождать ощущение странного покоя. Надо дать зрителю время это почувствовать. Выход актеров происходит лишь через одну-две минуты.

Слева появляется Беранже: он идет первым, стремительно выходит на середину сцены, останавливается и резко оглядывается на архитектора, который неторопливо следует за ним. На Беранже серое пальто, шляпа, шарф. Архитектор в легкой куртке, рубашке с расстегнутым воротом, светлых брюках, без шляпы; под мышкой у него толстый портфель, явно тяжелый, похожий на портфель Эдуарда из второго действия.

Беранже. ...Невероятно! Потрясающе! Деяние чудотворца...

Архитектор делает слабый жест протеста.

Да, да, чудотворца или, если вас шокирует церковное слово, волшебника! Горячо поздравляю вас, господин архитектор, это волшебно, волшебно, волшебно!.. Право же!..

Архитектор. О... дорогой господин...

Беранже. Нет, нет... Я хочу непременно выразить вам свое восхищение. Это неправдоподобно, вам удалось воплотить неправдоподобное! Реальность в ваших руках превзошла фантазию!..

Архитектор. За эту работу я получаю жалование, она входит в мои обычные служебные функции, это моя специальность.

Беранже. Конечно, конечно, господин архитектор, разумеется, вы специалист плюс добросовестный муниципальный служащий... Но этим невозможно объяснить все. *(Смотрит по сторонам, задерживая взгляд на каких-то отдельных точках в пространстве.)* Как это красиво, какой великолепный газон, клумба... Цветы, аппетитные, как овощи, и овощи, благоухающие, как цветы... А какое синее небо, какое необыкновенно синее небо... Какая восхитительная погода! *(Архитектору.)* В любом городе мира, в любом более или менее крупном городе наверняка есть свои муниципальные служащие и свои архитекторы, главные архитекторы, на той же должности, что и ваша, и тоже получающие зарплату. Но им далеко до ваших достижений! *(Обводит рукой вокруг.)* Много вам платят? Извините, я, кажется, задал нескромный вопрос...

Архитектор. Пожалуйста, пожалуйста, вам не за что извиняться... Мне платят среднюю зарплату, предусмотренную бюджетом. Все как положено. Я не жалуюсь.

Беранже. Но за такую изобретательность вам должны платить чистым золотом. Причем старым, тем, что было до четырнадцатого года... Настоящим.

Архитектор *(скромно протестуя)*. О!

Беранже. Да, да... не скромничайте, господин главный архитектор... Чистым золотом... А не нынешним, оно ведь обесценено, не правда ли, как и многое другое в наше время, жалкие бумажки...

Архитектор. Ваше изумление, ваше...

Беранже. Скажите лучше, мое восхищение, мой восторг!

Архитектор. Если хотите. Ваш восторг, право, взволновал меня. Благодарю вас, дорогой господин... *(Порывшись в кармане, находит нечто вроде регистрационной карточки, где, судя по всему, записана фамилия Беранже. Благодарит Беранже поклоном, одновременно заглядывая в карточку.)* ...Беранже.

Беранже. Мой восторг искренен, глубоко искренен, комплименты, клянусь вам, не в моем характере.

Архитектор *(церемонно, но равнодушно)*. Весьма, весьма, весьма польщен!

Беранже. Какое великолепие! *(Оглядывается вокруг.)* Знаете, мне говорили, а я не верил... вернее, мне не говорили, но я знал, знал, что в нашем сумрачном городе среди угрюмых, пыльных, грязных кварталов существует где-то этот прекрасный светлый уголок, уникальный квартал с солнечными улицами, залитыми светом аллеями... город в городе, поистине сияющий город, созданный вашими руками...

Архитектор. Он представляет собой ядро, которое должно — вернее, должно было по первоначальному замыслу — расширяться. Я разработал проект по приказу муниципалитета. Я не позволяю себе проявлять собственную инициативу...

Беранже *(продолжает начатый монолог)*. Я верил и не верил. Я знал и не знал! Я боялся надеяться... Надеяться! Это слово уже не французское, и не турецкое, и не польское... бельгийское разве что... да и то...

Архитектор. Я понимаю вас, понимаю!

Беранже. И однако, я здесь. Реальность вашего сияющего города неоспорима. Здесь все можно потрогать руками. Этот голубой свет имеет вид вполне натуральный... синева, зелень... Трава, розовые цветы...

Архитектор. Эти розовые цветы — самые настоящие розы.

Беранже. Настоящие розы? *(Прохаживается по сцене, на что-то указывает, нюхает цветы и т. д.)* Всюду синева, и всюду зелень... краски радости. И какой покой, какой покой!

Архитектор. Покой тоже предусмотрен проектом, дорогой господин... *(заглядывает в карточку)*... Беранже. Все было учтено, специально продумано. Никаких случайностей мы допустить не могли, погода здесь всегда хорошая... Потому и участки продаются... точнее, продавались здесь очень доро-

го... Виллы выстроены из лучших материалов... Все сделано тщательно, прочно.

Беранже. И с потолков, наверное, никогда не капает.

Архитектор. Ни в коем случае! Это же само собой разумеется. А у вас неужели капает?

Беранже. Да, господин архитектор, увы, капает.

Архитектор. Совершенно недопустимая вещь, даже в таком районе, как ваш. Я пришлю старшего мастера.

Беранже. То есть, я хочу сказать, капает не в буквальном смысле. Это образ. Просто все внутри так отсырело, что кажется, будто в комнате идет дождь.

Архитектор. А, это надо понимать фигурально. Здесь, во всяком случае, дождя не бывает вообще. Несмотря на это, стены домов, которые вы видите перед собой, а также все крыши мы сделали водонепроницаемыми, по привычке, из уважения к традиции. Это бессмысленно, зато наша совесть чиста.

Беранже. Вообще не бывает дождя, вы говорите? А вся эта зелень, газон? На деревьях ни единого сухого листочка, в садах — ни одного поникшего цветка!

Архитектор. Все орошается снизу.

Беранже. Какое чудо изобретательности! Простите мне удивление профана... *(Вытирает пот со лба.)*

Архитектор. Снимите же пальто, возьмите его на руку, вам ведь жарко.

Беранже. Да, в самом деле... мне уже совсем не холодно. Спасибо, большое спасибо за совет. *(Снимает пальто, берет его под мышку, но остается в шляпе. Раздеваясь, смотрит вверх.)* Ширина листьев ровно такая, как надо, чтобы рассеивать свет, но не затенять фасады. Подумать только, это все-таки поразительно — ведь во всем городе небо серое, седое, как волосы старухи, на тротуарах лежит грязный снег, гуляет ветер. Сегодня утром я проснулся от холода. Я буквально околел. У нас в доме плохо греют батареи, особенно на первом этаже. Еще хуже, когда не топят... Все это я говорю затем, чтобы...

В кармане у архитектора раздается телефонный звонок. Архитектор достает трубку, другой конец провода остается в кармане.

Архитектор. Алло!

Беранже. Извините, господин архитектор, я отрываю вас от служебных дел...

Архитектор *(в трубку).* Алло! *(Беранже.)* Нет-нет,нисколько... Я освободил час, для того чтобы показать вам квартал. Вы нисколько мне не мешаете. *(В трубку.)* Алло! Да. Я в курсе. Известите первого заместителя. Ладно. Пусть проводит расследование, если ему так хочется. Пусть займется формальностями. Я занят с господином Беранже, мы осматриваем сияющий город. *(Кладет трубку в карман. Обращается к Беранже, который удалился на несколько шагов и восхищенно смотрит по сторонам.)* О чем вы говорили? Э, где вы?

Беранже. Здесь. Извините. О чем я говорил? Ах да... О, это уже неважно.

Архитектор. И все-таки продолжайте. Так о чем же вы говорили?

Беранже. Я говорил... ах да... я говорил о том, что в моем квартале, точнее, у меня дома все отсырело: уголь, хлеб, ветер, вино, стены, воздух и даже огонь. Сегодня я еле поднялся утром с постели, пришлось сделать над собой неимоверное усилие. Это было настоящее мучение. Если бы простыни тоже не оказались сырыми, я бы, наверное, и не превозмог себя. Как далек я был от мысли, что сегодня, словно по волшебству, для меня вдруг наступит весна, апрель, месяц моей мечты... Моей самой давней мечты...

Архитектор. Мечты! *(Пожимает плечами.)* Во всяком случае, было бы куда лучше, если бы вы пришли сюда раньше, до того как...

Беранже *(перебивает его).* О да, я потерял столько времени, вы правы... *(Беранже и архитектор продолжают ходить по сцене. Беранже должен иметь вид человека, осматривающего город: улицы, аллеи, сады. Архитектор следует за ним, чуть отставая. Время от времени Беранже оглядывается и обращается к архитектору, причем чуть громче обычного, как будто их разделяет большое расстояние. Он как бы ждет, пока архитектор подойдет поближе. Указывает рукой в пустоту.)* О, какой прелестный дом! Фасад просто чудесный, восхитительная чистота стиля! Восемнадцатый век? Нет, пятнадцатый. Или конец девятнадцатого? Во всяком случае, это классика, и главное, как мило отделано, как отделано...

Да, много я времени потерял, неужели уже слишком поздно? Нет... Да... Нет, быть может, еще не поздно, как вы полагаете?

Архитектор. Я не задумывался над этим вопросом.

Беранже. Мне тридцать пять лет, господин архитектор, тридцать пять... на самом деле, если быть до конца откровенным, мне сорок, сорок пять... может быть, даже больше.

Архитектор (*заглядывает в карточку*). Нам это известно. Ваш возраст указан в вашей карточке. У нас имеются все личные дела.

Беранже. О! Неужели?..

Архитектор. Так положено, мы фиксируем гражданское состояние. Но не беспокойтесь. Кодекс не предусматривает санкций против такого рода сокрытий, утаиваний из кокетства.

Беранже. А, ну и прекрасно! К тому же если я говорю, что мне тридцать пять, то вовсе не затем, чтобы обмануть своих сограждан, что им до этого? Я обманываю себя самого. Я внушаю себе, уверяю себя, что я моложе, подбадриваю себя...

Архитектор. Это свойственно человеку, это естественно.

В кармане у архитектора звонит телефон, он достает трубку.

Беранже. Ах, какие прелестные камешки!

Архитектор (*в трубку*). Алло... Женщина? Запишите приметы. Зарегистрируйте. Отправьте в службу статистики...

Беранже (*указывая в левый угол сцены*). А что там?

Архитектор (*в трубку*). Да нет же, нет, больше ничего не случилось. Пока я здесь, ничего произойти не может. (*Кладет трубку в карман. Обращается к Беранже.*) Извините, я слушаю вас.

Беранже (*указывая все в ту же сторону*). Что это там?

Архитектор. А, это... оранжерея.

Беранже. Оранжерея?

Архитектор. Да. Для цветов, которые не могут приспособиться к умеренному климату, любят холод. Мы создаем для них зимнюю температуру. Время от времени включаем слабые метели.

Беранже. Ах, как все предусмотрено... так вот, мсье, мне, возможно, шестьдесят, семьдесят лет, восемьдесят, сто двадцать, сам не знаю.

Архитектор. Фигурально.

Беранже. Да, но выражается вполне реально в самочувствии. Это психосоматика... Я, наверное, говорю глупости?

Архитектор. Не такие уж глупости. Как все.

Беранже. Я чувствую себя стариком. Время — вещь прежде всего субъективная. Вернее, я чувствовал себя стариком, ибо с сегодняшнего дня я новый человек. Я, кажется, становлюсь снова самим собой, мир становится самим собой, и все это сделало ваше волшебство. Ваш колдовской свет...

Архитектор. Мое электрическое освещение!

Беранже. ...ваш светящийся город! (*Указывает на что-то совсем рядом.*) Волшебство этих белоснежных стен, увитых розами, ваше творение! Ах да, да, да!.. Еще ничто не потеряно, теперь я в этом уверен... Все же я припоминаю, два или три человека в самом деле рассказывали мне о солнечном квартале: одни говорили, что это совсем близко, другие, что очень далеко, что добраться туда просто или, наоборот, очень трудно, что это район домов терпимости...

Архитектор. Это ложь!

Беранже. ...что туда не ходит транспорт...

Архитектор. Какая чушь! Трамвайная остановка здесь рядом, в конце главной аллеи.

Беранже. Да, конечно, конечно! Теперь я и сам это знаю. Очень долго, поверьте, я пытался, сознательно или бессознательно, найти сюда дорогу. Я доходил пешком до конца какой-нибудь улицы, и оказывалось, что это тупик. Я огибал стены, шел вдоль заборов и выходил к реке далеко от моста, где-нибудь за заставами. Или встречал по дороге старых друзей, которых не видал со времен службы в армии; приходилось останавливаться и разговаривать, потом выяснялось, что уже поздно и пора возвращаться домой. Ну, не будем вспоминать об этом, я наконец здесь. Теперь я спокоен.

Архитектор. А ведь все на самом деле так просто! Вам достаточно было бы дать мне знать, направить официальный запрос в муниципальную канцелярию. Мои служащие выслали бы вам заказным письмом все необходимые указания.

Беранже. Да, да, мне следовало бы догадаться! Ну да ладно, нет смысла теперь сожалеть о потерянных годах...

Архитектор. А как же вам сегодня удалось найти дорогу?

Беранже. Совершенно случайно. Я сел на трамвай.

Архитектор. Что я вам говорил!

Беранже. Я ошибся номером, собирался сесть на другой, думал, что еду не туда, а оказалось все правильно. По ошибке, по счастливой ошибке...

Архитектор. Счастливой?

Беранже. Нет? Разве не счастливой? О конечно, счастливой, очень счастливой.

Архитектор. Короче, сами увидите.

Беранже. Я уже увидел. Сомнений у меня нет.

Архитектор. Во всяком случае, имейте в виду, что нужно ехать всегда до конечной остановки. Из любого места. Все трамваи идут сюда: здесь депо.

Беранже. Вот, вот. Трамвай высадил меня там, на кругу. Я сразу узнал, хотя никогда прежде их не видел, и эти аллеи, и дома в цветах. И вы словно поджидали меня!

Архитектор. Я был предупрежден.

Беранже. Какая метаморфоза! Я точно очутился на тысячу или две тысячи километров южнее. Другая вселенная, преображенный мир! А ведь, чтобы попасть сюда, потребовалось лишь совсем короткое путешествие, которое даже и путешествием-то не назовешь, ибо оно имеет место, так сказать, на одном месте... *(Со смехом, потом смущенно.)* Извините за дурацкую игру слов, это не очень остроумно.

Архитектор. Не делайте такое сокрушенное лицо! Я слышал и похуже. Я отношу это на счет вашей эйфории...

Беранже. У меня ненаучный склад ума. Наверное, поэтому я и не могу никак понять, несмотря на все ваши обстоятельные объяснения, как же все-таки получается, что здесь всегда хорошая погода! Может быть, вам облегчило задачу то, что это место хорошо защищено от ветров? Однако холмов вокруг нет. К тому же холмы не могут разгонять тучи или препятствовать дождю, это знает каждый. Может быть, существуют какие-то теплые светящиеся потоки воздуха, исходящие из пятой стороны света или из четвертого измерения? Нет ведь, правда? Это было бы известно. Я вздор говорю. Здесь нет морского бриза, но пахнет чудесно. Любопытно все-таки, господин главный архитектор города, чрезвычайно любопытно!

Архитектор *(дает компетентные разъяснения)*. Ничего необыкновенного, уверяю вас, это все тех-ни-ка! Постарайтесь вникнуть. Вам следовало бы пойти учиться в вечернюю

школу. Здесь у нас просто-напросто небольшой островок... со скрытыми вентиляторами. На мысль о них меня навели те своеобразные оазисы, которые в пустынях попадаются чуть ли не на каждом шагу, когда вы вдруг видите прямо посреди безводных песков удивительные города с цветущими розами, со множеством источников, озер, рек...

Беранже. Ах да... Конечно. Вы говорите о городах, которые называют еще миражами. Я читал рассказы путешественников об этом явлении. Как видите, я не совсем уж законченный невежда. Миражи... нет ничего реальнее. Цветы из огня, деревья из пламени, озера из света — только это, в сущности, и есть реальность. Я совершенно в этом убежден. А там? Что там такое?

Архитектор. Там? Где там? Ах, там!

Беранже. Похоже на какой-то бассейн.

Благодаря эффектам освещения, в глубине возникает нечто, напоминающее по форме бассейн, который появляется в тот самый миг, когда произнесено это слово.

Архитектор. Э... Ну конечно, бассейн. Вы правильно разглядели. Это бассейн. *(Смотрит на часы.)* Пожалуй, у меня есть еще немного времени.

Беранже. Мы можем подойти к нему поближе?

Архитектор. Вам хочется подойти поближе? *(Колеблется.)* Хорошо. Раз вы настаиваете, я обязан вам его показать.

Беранже. Или лучше... не знаю, что и выбрать... Все так красиво... Я очень люблю водоемы, но меня прямо притягивает тот цветущий куст боярышника. Если вы не против, мы осмотрим бассейн через несколько минут...

Архитектор. Как вам угодно!

Беранже. Я обожаю боярышник.

Архитектор. Выбирайте.

Беранже. Да, да, пойдете к боярышнику.

Архитектор. Я к вашим услугам.

Беранже. Невозможно осмотреть все сразу.

Архитектор. Это чрезвычайно верно сказано.

Бассейн исчезает. Они проходят несколько шагов.

Беранже. Какой приятный запах! Знаете, господин архитектор, я... простите, что я говорю о себе... мне кажется, архитектору можно все сказать, он все поймет...

Архитектор. Давайте, давайте, не стесняйтесь.

Беранже. Спасибо! Знаете, мне так необходима другая жизнь, новая жизнь! Новое окружение, новая обстановка, вам, наверное, покажется, что это мелочь и что... иметь, скажем, деньги...

Архитектор. Нет, нет, что вы...

Беранже. Да, да, вы просто очень вежливы... Обстановка, в общем-то, сама по себе пустяк, эстетство, если речь не идет, как бы это точнее сказать, об обстановке, об атмосфере, которая отвечает вашей внутренней необходимости и в каком-то смысле...

Архитектор. Понимаю, понимаю...

Беранже. ...есть выплеск наружу, распространение за свои пределы вашего внутреннего мира. Но, чтобы он мог выплеснуться, этот внутренний мир, ему необходима помощь извне в виде некоего реального света, объективно существующего нового окружения. Садов, голубого неба, весны, повторяющих собою мир вашей души, чтобы вы могли узнать в них его, чтобы это было чем-то вроде его проекции, или прообраза, или зеркала, где отражалась бы его невидимая улыбка... чтобы вы могли узнать себя, сказать: вот что я такое на самом деле, а я и забыл — улыбающееся существо в улыбающемся мире... Короче, мир внутренний, мир внешний — неточные, неподходящие выражения, между этими двумя мирами нет настоящей границы. Есть первый импульс, исходящий, несомненно, от нас, и когда он не может прорваться наружу, воплотиться во что-то реальное, когда нет полного согласия между нашим внутренним «Я» и нашим «Я» внешним, это катастрофа, вселенское противоречие, разлом.

Архитектор (*почесывая в затылке*). Ну и терминология у вас... Мы говорим с вами на разных языках.

Беранже. Я не мог больше жить, но не мог в то же время и умереть. К счастью, все теперь изменится.

Архитектор. Успокойтесь, успокойтесь!

Беранже. Извините. Я увлекся.

Архитектор. Это вам свойственно. Вы принадлежите к поэтическим натурам. Они нужны, наверное, раз существуют на свете.

Беранже. Год за годом — грязный снег, колючий ветер, немилосердный к человеку климат... дома, улицы, целые кварталы, полные людей не то чтобы по-настоящему не-

счастливых, хуже — они ни счастливы, ни несчастны, уродливы, потому что не уродливы и не прекрасны, это создания уныло безликие, тоскующие без тоски, они живут словно с отключенным сознанием, смутно томясь от собственного существования. А я так остро сознавал заложенное в самой жизни страдание! Быть может, потому что я умнее или, наоборот, глупее их, не такой уравновешенный, не такой покорный, не такой терпеливый. Недостаток это? Или достоинство?

Архитектор (*проявляет признаки нетерпения.*) Как посмотреть.

Беранже. Этого нельзя знать. Зима души! Я туманно выражаюсь, да?

Архитектор. Не могу судить. Это вне моей компетенции. Этим занимается служба логики.

Беранже. Не знаю, насколько мой лирический стиль в вашем вкусе...

Архитектор (*сухо*). Ну полноте, разумеется.

Беранже. Да. Так вот. Когда-то прежде был во мне мощный очаг внутреннего тепла, не подвластный никаким холодам, была молодость, весна, которую никакая осень не могла одолеть, искрящийся свет, лучезарные источники радости, которые я считал неисчерпаемыми. Не счастья, нет, я выразился точно: радости, ликования, и благодаря им я мог жить...

В кармане у архитектора звонит телефон.

Была громадная энергия...

Архитектор вынимает из кармана трубку.

Порыв... наверное, это и был жизненный порыв, как вы думаете?..

Архитектор (*поднося трубку к уху*). Алло!

Беранже. А потом все угасло, распалось...

Архитектор (*в трубку*). Алло! Превосходно, превосходно, превосходно!.. Это ведь не вчера началось.

Беранже (*продолжает свой монолог*). Это началось... я и сам уже не помню, когда... очень-очень давно...

Архитектор кладет трубку в карман и снова проявляет признаки нетерпения. Он идет налево за кулисы, приносит стул, ставит его в левом углу, где располагалась воображаемая оранжерея.

Столетия, кажется, прошли с тех пор, а может быть, всего несколько лет, а может, это было и вчера...

Архитектор. Прошу меня извинить, у меня срочные дела в кабинете, позвольте мне туда вернуться. *(Выходит налево.)*

Беранже *(один)*. О... господин архитектор, я прошу прощения, я...

Возвращается архитектор, неся небольшой стол.

Он ставит его перед стулом, садится, достает из кармана телефон, устанавливает его на столе, кладет перед собой портфель, открывает его.

Архитектор. Со своей стороны, прошу извинить меня.

Беранже. О, мне так неловко.

Архитектор. Не огорчайтесь. У меня ведь два уха: одно для работы, другое я предоставляю вам. И глаз один для вас, другой — для муниципалитета.

Беранже. Вас это не утомит?

Архитектор. Не беспокойтесь. Я привык. Валяйте, продолжайте... *(Достает — или изображает, будто достает,— папки с делами и раскрывает их на столе.)* Я весь принадлежу работе и вам... Вы говорили о том, что не знаете, когда произошел распад вашего порыва.

Беранже. Наверняка не вчера. *(Продолжает прохаживаться по сцене, делая круги вокруг архитектора, погруженного в бумаги.)* Это случилось так давно, что я уже почти все забыл, и мне порой кажется, что ничего и не было. И все-таки было, ибо с тех пор я невероятно остро ощущаю внутри пустоту.

Архитектор *(глядя в бумаги)*. Рассказывайте, рассказывайте.

Беранже. Я не в силах проанализировать то свое состояние, не знаю даже, поддается ли оно передаче в словах. Я переживал его не часто. За всю жизнь пять или шесть раз, быть может, десять. Однако этого хватало, чтобы наполнить радостью, уверенностью какие-то неведомые хранилища души. Когда меня одолевала меланхолия, то воспоминание об этом сиянии, об этом ослепительном свете воскрешало во мне силу, осмысляло бессмысленное желание жить, любить... любить что?.. любить все, иступленно, страстно...

Архитектор *(по телефону)*. Алло, фонды исчерпаны.

Беранже. Увы, именно так.

Архитектор (*повесив трубку*). Это я не вам, это касается моих рабочих дел.

Беранже. Это верно и по отношению ко мне, хранилища пусты. Мой свет исчерпан, тут я могу считаться полным банкротом. Попробую описать вам... я не злоупотребляю вашим вниманием?

Архитектор. Я произвожу регистрацию, это моя работа. Продолжайте, не стесняйтесь.

Беранже. Конец весны или самые первые дни лета, предполуденный час... все происходило совсем просто и вместе с тем неожиданно. Небо было такое же чистое, как то, которое вам удалось возвести над вашим сияющим кварталом. Да, и все это длилось один непомерно долгий миг, наполненный тишиной, необычайной тишиной...

Архитектор (*по-прежнему глядя в бумаги*). Отлично. Превосходно.

Беранже. В последний раз мне было, наверное, лет семнадцать-восемнадцать, я попал в маленький городок... как он называется? Господи, как?.. Где-то на юге, мне кажется... В общем, это неважно, место не имеет значения, я шел по узкой улочке, старинной и одновременно новой, с низкими домами, совершенно белыми, полускрытыми в глубине дворов или маленьких садиков с деревянными изгородями, крашенными... в светло-желтый цвет — в светло-желтый ли? Я был совершенно один на всей улице. Я шел мимо изгородей, домов, была хорошая погода, не слишком жарко, солнце стояло очень высоко в синеве. Я шел быстро... куда я спешил? Уже не помню. Я ощутил вдруг всей глубиной своего существа ни с чем не сравнимое счастье жить. Я забыл обо всем, ни о чем не думал, кроме этих домов, этого высокого неба, солнца, которое, казалось, можно достать рукой, так близко оно было ко мне в этом мире, созданном словно специально по моей мерке.

Архитектор (*смотрит на часы*). Ее до сих пор нет, это все-таки поразительно! Опять опоздала!

Беранже (*продолжая*). Внезапно радость сделалась еще больше, смела все границы! О, меня охватило несказанное блаженство, свет сделался еще ослепительнее, не утратив при этом своей мягкости, он как-то сгустился, будто стал самим воздухом, его можно было вдыхать или пить, точно прозрач-

ную воду... Как описать вам это несравненное сияние?.. На небе словно светило сразу четыре солнца...

Архитектор (*по телефону*). Алло! Вы не видели сегодня мою секретаршу? Ее тут дожидается масса работы. (*Сердито бросает трубку.*)

Беранже. Дома, вдоль которых я шел, казались нематериальными пятнами, готовыми растаять в сверкании царящего надо всем света.

Архитектор. Я у нее вычту из жалованья.

Беранже (*архитектору*). Вы представляете себе, что я имею в виду?

Архитектор (*рассеянно*). Примерно. Я начинаю понимать вашу мысль.

Беранже. На улице ни души, ни звука, не видно было даже кошек, только я один.

Звонит телефон.

Но одиночество не тяготило меня, то было не одиночество.

Архитектор (*по телефону*). Ну что, пришла?

Беранже. И тут мой покой, мой собственный свет тоже хлынули в мир, я затопил вселенную некоей невесомой энергией. Не осталось ни единого пустого уголка, легкость и ощущение полноты соединились в удивительной гармонии.

Архитектор (*по телефону*). Наконец-то! Передайте ей трубку.

Беранже. Торжественная песнь рождалась в глубине моего существа: я чувствовал, что живу, что я был всегда и никогда не умру.

Архитектор (*по телефону, сдерживая раздражение*). Счастлив вас слышать, мадемуазель. Однако вы не слишком рано. Что?

Беранже. Мир был возвращен мне в своей первозданной чистоте, он ошеломлял меня новизной, и в этой новизне я узнавал что-то давно для себя знакомое.

Архитектор (*по телефону*). Что это значит, мадемуазель?

Беранже. Вот оно, говорил я себе, вот оно... Не могу объяснить вам, что значит «оно», но уверяю вас, господин архитектор, я прекрасно понимал в тот момент, что это означает.

Архитектор (*по телефону*). Я не понимаю вас, мадемуазель. У вас нет никаких оснований быть нами недовольной.

По-моему, скорее наоборот.

Беранже. Я будто стоял у врат вселенной, в центре вселенной... Вы, верно, увидите в этом противоречие!

Архитектор (*по телефону*). Минутку, пожалуйста. (*Обращаясь к Беранже.*) Я слушаю, слушаю вас, телефон мне не мешает, не беспокойтесь. (*По телефону.*) Я слушаю.

Беранже. Я шел, я бежал, я кричал: я существую, я есть, и все вокруг — есть, мир существует!.. О, я мог тогда взлететь, таким я стал легким, легче голубого неба, вливавшегося в меня вместе с воздухом... Ничтожного усилия, малейшего прыжка было бы достаточно, чтобы поднять меня вверх... И я взлетел бы... я уверен.

Архитектор (*в трубку, стукнув кулаком по столу*). Ну это уж слишком. Чем мы вам не угодили?

Беранже. Я не сделал этого усилия лишь потому, что мне просто в голову не пришло, я был слишком счастлив.

Архитектор (*по телефону*). Вы хотите уйти из Управления? Подумайте хорошенько, прежде чем подавать заявление. Вы бросаете без серьезных причин блестящую карьеру! Мы даем вам обеспеченное будущее и жизнь... жизнь! Вы забываете об опасности!

Беранже. И внезапно, вернее, мало-помалу... нет, скорее разом, не знаю, знаю только, что все снова стало серым, тусклым, бесцветным. Не в буквальном смысле, нет, небо оставалось чистым, но это не была прежняя чистота, прежнее солнце, прежнее утро, прежняя весна. Произошла как бы подмена. Обыкновенный день, обыкновенный свет.

Архитектор (*по телефону*). Не можете больше мириться с ситуацией? Ребячество! Я не принимаю вашей отставки. Во всяком случае, приходите закончить перепечатку писем, заодно и объяснитесь. Жду вас. (*Вешает трубку.*)

Беранже. Во мне образовалась какая-то гудящая пустота, глубокая тоска охватила меня, как в минуту трагического, непереносимого расставания. Из дворов высыпали кумушки, затараторили, оглушая меня визгливыми голосами. Залаяли собаки. Я стоял среди всего этого как потерянный...

Архитектор. Полная идиотка! (*Встает.*) В конце концов дело ее. Сто человек захотят занять ее место... (*снова садится*) и жить без страха.

Беранже. С тех пор — вечный ноябрь, вечные сумерки,

утренние сумерки, полночные сумерки, полдневные сумерки. Кончились зори! И это называется цивилизацией!

Архитектор. Подождем.

Беранже. Только воспоминание о тех минутах давало мне силы выжить в сером городе.

Архитектор (*обращаясь к Беранже*). Ну, и вы все-таки выбрались из вашей... меланхолии?

Беранже. Не совсем. Но я дал себе слово не забывать случившееся. В дни тоски, депрессии или беспокойства, сказал я себе, я буду всегда вспоминать тот ослепительный миг, и он поможет мне перенести все, станет оправданием моего существования, постоянной поддержкой. Долгие годы я был уверен...

Архитектор. Уверен — в чем?

Беранже. Уверен в том, что тогда был уверен... Но воспоминание оказалось недостаточно сильным, оно не устояло перед временем.

Архитектор. Мне сдается, однако...

Беранже. Вы ошибаетесь. Мне удалось сохранить лишь воспоминание о воспоминании, как будто все это произошло не со мной, просто рассказал кто-то, и я берег поблекший образ, который уже не мог оживить. Вода в источнике иссякла, и я умирал от жажды... Но вы-то должны понимать меня как никто, ведь этот свет есть и в вас. (*Указывает на все вокруг.*) Вот он, мой свет, мой и ваш, вы его материализовали. Эти сияющие улицы выплеснулись из глубин вашего существа... Вы вернули мне мой свет, уже забытый... почти забытый. Я бесконечно вам благодарен. Спасибо вам от моего имени и от имени всех жителей.

Архитектор. Да, да, конечно.

Беранже. И ведь у вас это не бесплотная греза, не игра разгоряченного воображения. Это настоящие дома из камней, кирпича, цемента. (*Ощупывает воображаемые стены.*) Они конкретны, осязаемы, прочны. Вы выбрали правильный путь, ваши методы опираются на разум.

Архитектор (*выходит из-за стола и изображает, будто тоже что-то ощупывает*). Это кирпич, да причем превосходный. И цемент лучшего качества.

Беранже (*ощупывая невидимые фасады*). Нет, нет, на сей раз это не просто мечта.

Архитектор (*опускает руки, вздыхает*). Наверное, лучше бы это была мечта. Мне-то все равно. Я лицо должностное. Но для многих других такая реальность может обернуться кошмаром...

Беранже (*очень удивленный, тоже опускает руки*). Почему? Что вы хотите сказать?

Архитектор возвращается к столу с бумагами.

Беранже. Во всяком случае, я счастлив, что наяву смог коснуться рукой моего ожившего воспоминания. Сейчас я молод, как сто лет назад. Я могу снова влюбиться... (*Повернувшись к правой кулисе.*) Мадемуазель, о мадемуазель, согласны ли вы выйти за меня замуж?

Едва он успевает договорить, как справа входит молодая блондинка Дани, секретарша архитектора.

Архитектор (*входящей Дани*). А, вот и вы, нам надо с вами поговорить.

Дани (*обращаясь к Беранже*). Дайте мне хотя бы время подумать!

Архитектор (*обращаясь к Беранже*). Моя секретарша, мадемуазель Дани. (*Дани.*) Господин Беранже.

Дани (*слегка нервничая, Беранже*). Очень приятно.

Архитектор (*Дани*). Мы, в нашем Управлении, не любим опозданий, мадемуазель. Капризов тоже.

Беранже (*обращаясь к Дани, которая ставит на стол пишущую машинку и приносит из левой кулисы стул*). Мадемуазель Дани, какое красивое имя! Ну, вы уже подумали? И вы скажете «да», ведь правда?

Дани (*архитектору*). Я решила уйти, мсье, мне необходим отдых. Я устала.

Архитектор (*елейным голосом*). Если дело только в этом, надо было сразу сказать. Все можно устроить. Хотите увольнительную на три дня?

Беранже (*Дани*). Вы скажете «да», не так ли? О, как вы прекрасны...

Дани (*архитектору*). Мне нужен отдых куда более длительный.

Архитектор (*Дани*). Я поговорю в Генеральной дирекции, могу добиться отпуска на неделю с сохранением половины жалованья.

Дани (*архитектору*). Мне нужен бессрочный отпуск.

Беранже (Дани). Я люблю блондинок, светящиеся лица, лучистые глаза, длинные ноги!

Архитектор. Бессрочный? Так, так!

Дани (архитектору). Я хочу сменить работу. Вся эта ситуация для меня непереносима.

Архитектор. Ах вот оно что!

Дани (архитектору). Да, мсье.

Беранже (Дани, пылко). Вы сказали «да»! О, мадемуазель Дани!..

Архитектор (Беранже). Это не вам, это она мне сказала «да».

Дани (архитектору). Я раньше надеялась, что все уладится. Но ничего не уладилось. И рассчитывать на это, видимо, невозможно.

Архитектор. Подумайте, повторяю вам еще раз, подумайте хорошенько. Если вы не будете состоять в числе наших служащих, Управление лишит вас своей защиты. Вам это известно? Понимаете ли вы, какая опасность вам угрожает?

Дани. Да, мсье, мне это известно лучше чем кому бы то ни было.

Архитектор. Вы сознаете, чем рискуете?

Дани (архитектору). Да, мсье.

Беранже (Дани). Скажите мне тоже «да»! Вы так мило говорите «да».

Архитектор. В таком случае я снимаю с себя ответственность. Я вас предупредил.

Дани (архитектору). Я не глухая, я все поняла, незачем повторять мне одно и то же триста тысяч раз!

Беранже (архитектору). Какая кроткая! Просто чудо! *(Обращаясь к Дани.)* Мадемуазель, мадемуазель, мы будем жить с вами в этом квартале, вон на той вилле. Мы наконец-то будем счастливы.

Архитектор (Дани). Может быть, вы еще передумаете? Это бессмысленный, сумасбродный поступок!

Дани (архитектору). Нет, мсье.

Беранже (Дани). Вы сказали мне «нет»?

Архитектор (Беранже). Это она мне сказала «нет».

Беранже. Ах, спасибо, вы меня успокоили!

Дани (архитектору). Я ненавижу Управление, мне отвра-

тителен ваш прекрасный квартал, я больше не могу, я больше не могу!

Архитектор (Дани). Это не мой квартал.

Беранже (Дани, которая его не слушает). Ответьте мне, прекрасная девушка, великолепная Дани, несравненная Дани... Позвольте мне называть вас Дани.

Архитектор (Дани). Я не могу помешать вам уйти из Управления, уходите, но будьте осторожны. Это просто дружеский совет, отеческий совет.

Беранже (архитектору). А вас наградили за ваш вклад в градостроительство? Вас просто обязаны были наградить.

Дани (архитектору). Если хотите, я могу закончить перепечатку корреспонденции, прежде чем уйти.

Беранже (архитектору). Если бы я был мэром, я непременно наградил бы вас.

Архитектор (Беранже). Спасибо. (Дани). Благодарю, не стоит, справлюсь без вас.

Беранже (нюхая воображаемые цветы). Как чудно пахнут! Это лилии?

Архитектор. Нет, фиалки.

Дани (архитектору). Я хотела сделать любезность.

Беранже (архитектору). Вы позволите преподнести их Дани?

Архитектор. Пожалуйста.

Беранже (Дани). Вы не представляете себе, дорогая, дорогая Дани, моя дорогая невеста, как мне вас не хватало!

Дани. Что ж, раз так... (С некоторым раздражением снимает со стола машинку, порывисто собирает свои вещи.)

Беранже (Дани). Мы будем жить с вами в великолепной квартире, всегда залитой солнцем.

Дани (архитектору). Вы должны понять, я не могу больше разделять с вами ответственность. Это выше моих сил.

Архитектор. Управление свободно от ответственности.

Дани (архитектору). Неужели ваша совесть...

Архитектор (Дани). Не вам меня поучать. Это мое дело. Но еще раз повторяю, будьте осторожны!

Дани (архитектору). Я тоже не обязана следовать вашим наставлениям. Это тоже мое дело.

Архитектор (Дани). Хорошо, хорошо.

Дани (архитектору). До свидания, господин архитектор.

Архитектор (Дани). Прощайте.

Дани (Беранже). До свидания, мсье.

Беранже (бежит за Дани, которая идет направо к выходу).

Дани, мадемуазель, не уходите, не дав мне ответа. Возьмите хотя бы фиалки! (Дани выходит. Беранже, уронив руки, останавливается у выхода.) О... (Архитектору.) Вот вы знаток человеческого сердца, скажите, когда женщина не говорит ни «да», ни «нет», это ведь означает «да», не правда ли? (В сторону правой кулисы.) Вы будете моей вдохновительницей, моей музой. Я стану работать. (Далекое эхо невнятно повторяет последние слова Беранже. Он делает несколько шагов к архитектору и указывает в пустоту.) Я не отступлюсь. Я поселюсь здесь, вместе с Дани. И покупаю вон тот беленький домик под деревьями. Он, правда, кажется, не достроен, но это ничего... Денег у меня немного, я рассчитываю на льготы при оплате.

Архитектор. Если вы твердо решили. Может, еще одумаетесь.

Беранже. Я твердо решил. А почему, собственно, я должен одуматься? Я хочу стать, с вашего позволения, гражданином сияющего города. Я переселяюсь завтра же, даже не смотря на то, что дом не вполне закончен.

Архитектор (смотрит на часы). Без двадцати пяти час.

В двух шагах от Беранже, между ним и архитектором, со стуком падает камень.

Беранже. Ой! (Слегка отшатывается.) Камень.

Архитектор (без удивления). Да. Камень.

Беранже (поднимает камень и вертит в руке). Это камень!

Архитектор. Вы никогда не видели камней?

Беранже. Видел... конечно... Что это значит? В нас бросают камни?

Архитектор. Камень, один камень, а не камни!

Беранже. Я понимаю, в нас бросили камень.

Архитектор. Не беспокойтесь. Вы не будете побиты камнями. Камень ведь не попал в вас, верно? Не попал?

Беранже. Но мог!

Архитектор. Да нет же, нет, что вы! Он не мог в вас попасть. Вас просто хотели подразнить.

Беранже. Да, ну ладно!.. Если только подразнить, примем это за шутку! (Бросает камень на землю.) Я не-

обидчив. А уж здесь, среди этой красоты, ничто не может испортить мне настроения. Дани напишет мне, правда? *(Озирается вокруг с легким беспокойством.)* Здесь так тихо, и это предусмотрено проектом. Немного чересчур тихо, а, вы не находите? Почему никого не видно на улицах? Мы гуляем совсем одни!.. Ах да, ведь сейчас время второго завтрака. Все люди едят. Но почему же тогда не слышно застольного смеха, звона бокалов? Ни звука, ни шороха, никто не поет. И все окна закрыты! *(Удивленно смотрит по сторонам.)* Я прежде не заметил. Так бывает в сновидениях, а наяву нет.

Архитектор. Однако это бросается в глаза сразу!

Слышится звон разбитого стекла.

Беранже. Что еще случилось?

Архитектор *(достает из кармана трубку, Беранже).* Легко догадаться. Вы сами не знаете? Окно разбилось. Наверное, камень попал.

Звон раздается опять. Беранже отшатывается, на сей раз резче.

Архитектор *(по телефону).* Два разбитых окна.

Беранже. Что это значит? Еще одна шутка? Это уже две! *(Пролетает камень и сбивает с Беранже шляпу. Он быстро поднимает ее, надевает на голову. Почти кричит.)* Три шутки!

Архитектор *(убирает трубку в карман, хмурится).* Послушайте, мсье. Мы здесь не дельцы. Мы должностные лица, администраторы. Посему должен сообщить вам официально, от лица администрации, что дом, который показался вам недостроенным, действительно не достроен. Полиция приостановила здесь все работы. Я об этом знал. И только что получил подтверждение по телефону.

Беранже. Как? Почему?

Архитектор. Мера эта, впрочем, излишняя, так как, кроме вас, никто давно не хочет покупать здесь участки. Вы, вероятно, не в курсе дела...

Беранже. Какого дела?

Архитектор. Жители этого квартала мечтают даже покинуть его...

Беранже. Покинуть сияющий квартал? Жители хотят покинуть...

Архитектор. Да. Но им больше негде жить. Иначе они бы все давно смылись. Возможно, некоторые из них считают делом чести остаться. Предпочитают сидеть взаперти в своих роскошных квартирах. Они выходят на улицу только при крайней необходимости, группами по десять — пятнадцать человек. И даже в этом случае опасность остается...

Беранже. О какой опасности вы говорите? Это тоже шутка, да?.. Почему же у вас такое серьезное лицо? Вы омрачаете весь пейзаж! Вы хотите напугать меня!..

Архитектор (*торжественно*). Должностные лица никогда не шутят.

Беранже (*с горечью*). Так что же все это значит? Вы ранили меня в самое сердце! Это вы бросили в меня камень... Фигурально, конечно, фигурально! Увы, я уже чувствовал себя здесь как дома! А теперь это сияние для меня угасло, осталась лишь пустая декорация... Все стало чужим!

Архитектор. Мне очень жаль. Но будет вам, не отступайте!

Беранже. У меня самые ужасные предчувствия.

Архитектор. Мне очень жаль, мне очень жаль.

Эти и последующие реплики должны произноситься с известной долей иронии, особенно наиболее патетические из них, чтобы уравновесить выпренность выражений.

Беранже. Во мне вновь воцаряется мрак.

Архитектор (*сухо*). Мне очень жаль, мне очень жаль, мне очень жаль.

Беранже. Объяснитесь, умоляю вас. Я-то надеялся приятно провести день!.. Еще несколько минут назад я был счастлив!

Архитектор (*указывает в сторону бассейна*). Видите там бассейн?

Вновь проступают очертания бассейна, на сей раз отчетливо.

Беранже. Это тот самый, мимо которого мы недавно проходили!

Архитектор. Я хотел показать его вам... Вы предпочли боярышник... (*Снова указывает на бассейн.*) В этом бассейне каждый день находят двух-трех утопленников.

Беранже. Утопленников?

Архитектор. Посмотрите сами, если не верите. Подойдите, подойдите ближе.

Беранже направляется с архитектором к бассейну, находящемуся в глубине или, наоборот, у самого края сцены, прямо перед публикой. Предметы, о которых идет речь, появляются по мере того, как их называют.

Беранже. Подойдем вместе!

Архитектор. Смотрите! Что вы видите?

Беранже. О боже!

Архитектор. Ну, не падайте же в обморок, ведь вы мужчина!

Беранже (с усилием). Я вижу... Может ли это быть... Да, я вижу на воде труп мальчика в обруче, который он только что гонял... малыш лет пяти-шести... В судорожно сжатом кулачке он держит палочку от этого обруча... Рядом раздувшийся труп офицера инженерных войск в полной парадной форме...

Архитектор. Сегодня их даже целых три. (Указывает пальцем.) Взгляните туда.

Беранже. Там одни водоросли.

Архитектор. Посмотрите получше.

Беранже. Господи!.. Да... Вижу! Рыжие волосы! Они зацепились за мраморный бордюр. Какой ужас! Это, должно быть, женщина.

Архитектор (пожимает плечами). Так и есть. Женщина. А вот — мужчина. И ребенок. Ничего больше мы о них не знаем, как и вы.

Беранже. Это, наверное, мать малыша! Бедняги! Почему вы не рассказали мне раньше?

Архитектор. Да вы мне не давали рта раскрыть, все восхищались красотами пейзажа!

Беранже. Бедняги! (Гневно.) Кто это сделал?

Архитектор. Убийца, бандит. Он у нас один. Неуловимый!

Беранже. Но наша жизнь в опасности! Пошли скорее отсюда! (Убегает. Пробежав по сцене несколько метров, возвращается к архитектору, который не двигается с места.) Скорее прочь отсюда! (Бросается бежать, но лишь кружит вокруг архитектора, который достает сигарету, закуривает. Раздается выстрел.) Он стрелял!

Архитектор. Не пугайтесь! Со мной вам ничего не грозит.

Беранже. Но ведь кто-то стрелял! Нет... нет... Как же можно чувствовать себя спокойно? (*Мечется, дрожит от страха.*)

Архитектор. Он просто играет... Да... Сейчас он просто играет, поддразнивает вас! Я главный архитектор города, муниципальный служащий, он не нападает на работников Управления. Пока я не вышел на пенсию, можно не волноваться, а потом...

Беранже. Давайте уйдем! Подальше от этого места! Скорее прочь из вашего прекрасного квартала...

Архитектор. Смотрите-ка! Значит, все-таки передумали!

Беранже. Не обижайтесь!

Архитектор. Мне-то что! С меня не требуют, чтобы я вербовал насильно счастливых новоселов и принуждал их добровольно здесь поселиться. Никто не обязан жить в опасности, если ему это не нравится!.. Когда квартал окончательно опустеет, его снесут.

Беранже (*продолжая торопливо кружить вокруг архитектора*). Опустеет?

Архитектор. Решатся же люди в конце концов выехать отсюда... или их всех убьют. О, конечно, потребуется известное время...

Беранже. Прочь, прочь скорее! (*Описывает круги все быстрее и быстрее, низко опустив голову.*) Богатые тоже не всегда счастливы, даже в роскошных кварталах... даже в сияющих... Нет сияющих кварталов!.. Здесь еще хуже, чем везде, хуже, чем у нас, жалких муравьев!.. Ах, господин архитектор, я в таком отчаянии! Я сокрушен, истерзан!.. Вся моя усталость вновь обрушилась на меня... Существование бессмысленно! Зачем все, зачем все, если кончается этим? Остановите, остановите это, господин комиссар!

Архитектор. Легко сказать.

Беранже. Ведь вы, как я понимаю, еще и комиссар здешней полиции?

Архитектор. Вы правильно понимаете, я совмещаю эти две должности. Как всякий генеральный архитектор.

Беранже. Но вы хоть надеетесь арестовать его до выхода на пенсию?

Архитектор (*холодно, с досадой*). Вы прекрасно по-

нимаєте, что мы делаем все возможное!.. Осторожно, туда не надо, вы заблудитесь, вы все время кружите на месте!

Беранже (*указывая пальцем перед собой*). Ай! Это все тот же бассейн?

Архитектор. Ему вполне хватает одного.

Беранже. И те же самые утопленники?

Архитектор. Три человека в день — хорошая средняя цифра, не будем преувеличивать!

Беранже. Выведите меня отсюда!.. Скорее прочь!..

Архитектор (*берет его под руку, ведет*). Сюда!

Беранже. День так хорошо начинался! Теперь у меня всегда будут стоять перед глазами эти утопленники, их образ не изгладится из моей памяти!

Архитектор. Какой вы впечатлительный!

Беранже. Ничего не поделаешь, лучше знать все, лучше знать все!

Освещение меняется. Серый свет, негромкий шум улицы, стук трамваев.

Архитектор. Ну вот. Сияющий квартал остался позади, мы уже за забором. (*Отпускает руку Беранже.*) Это окружающей бульвар. Видите, вон ваш трамвай. Там остановка.

Беранже. Где?

Архитектор. Где стоят люди. Это конечная. Трамвай делает здесь круг и идет назад, он отвезет вас прямо домой, на противоположный конец города!

В перспективе можно различить несколько улиц под дождливым небом, неясные силуэты, красные огни. Декоратор должен позаботиться о том, чтобы реальность возвращалась исподволь, постепенно. Перемена происходит с помощью освещения и минимального количества элементов оформления; вывески, световые рекламы (слева вывеска быстро) проступают медленно, по очереди, всего их должно быть не больше трех-четырех.

Беранже. Я околел.

Архитектор. Вы дрожите!

Беранже. Это от волнения.

Архитектор. И от холода. (*Подставляет ладонь под дождь.*) Дождь идет.

Беранже поскользнулся, чуть не упал.

Осторожно, скользко, асфальт мокрый. (*Поддерживает за локоть.*)

Беранже. Спасибо.

Архитектор. Наденьте пальто. Насморк схватите.

Беранже. Спасибо. *(Надевает пальто, наматывает на шею шарф. Ежится.)* Брр! Прощайте, господин комиссар!

Архитектор. Не идти же вам сейчас домой! Никто вас не ждет. Куда торопиться, давайте выпьем по стаканчику. Вам сразу станет лучше. Ну же, расслабьтесь, я как раз в это время пью аперитив. Тут есть быстро, у остановки, рядом с кладбищем, там заодно и венки продают.

Беранже. К вам, кажется, вернулось хорошее настроение. Ко мне — нет.

Архитектор. Я его и не терял.

Беранже. Несмотря на...

Архитектор *(перебывает его; слева появляется вывеска быстро)*. Нужно смотреть жизни в лицо! *(Берется за ручку невидимой двери под вывеской.)* Давайте зайдем!

Беранже. У меня нет ни малейшего желания...

Архитектор. Проходите, проходите.

Беранже. После вас, господин комиссар.

Архитектор. Проходите, прошу вас. *(Подталкивает его.)*

Раздается стук захлопнувшейся двери. Архитектор и Беранже входят в быстро. Оно может располагаться там, где недавно находилась воображаемая оранжерея, а затем и кабинет архитектора. Сидеть они будут за низким столиком, прямо перед застекленной витриной, тоже воображаемой. В случае, если стол и стулья уже убраны, хозяин быстро принесет складной стол при своем первом выходе. Складные стулья могут лежать на полу, и Беранже с архитектором поднимут их сами.

Садитесь, садитесь. *(Садятся.)* Ну и мина у вас! Не принимайте все это так близко к сердцу! Если думать обо всех несчастьях человечества, жить невозможно. Но жить-то надо! Всегда есть где-то убитые дети, голодные старики, безутешные вдовы, сироты, умирающие, судебные ошибки, дома, которые обрушиваются и погребают под собой жильцов, горные обвалы... резня, и наводнения, и раздавленные собаки... Благодаря этому у журналистов есть заработок. Все имеет положительную сторону. О ней и надо думать.

Беранже. Да, господин комиссар, да... но, увидев это совсем близко, своими собственными глазами... я не могу

оставаться равнодушным. Вы-то, наверное, привыкли, с вашей двойной профессией.

Архитектор (*с размаху хлопая Беранже по плечу*). Вы чересчур впечатлительны, как я уже говорил. Нужно привыкать. Ну, ну, больше бодрости, больше жизни! (*Снова хлопает его по плечу, так что Беранже едва не падает со стула.*) Вид у вас вполне здоровый, что бы вы там ни говорили, несмотря на вашу кислую физиономию! Вы здоровы и телом, и духом!

Беранже. Я и не утверждаю обратное. Болезнь, от которой я страдаю, не органическая, она теоретическая, духовная.

Архитектор. Понимаю, понимаю.

Беранже. Зачем вы иронизируете!

Архитектор. Никогда бы себе этого не позволил! Среди моих пациентов не раз попадались такие случаи.

Беранже. Вы еще и врач!

Архитектор. Только на досуге. Я занимаюсь немного общей медициной, когда-то временно замещал психоаналитика, был ассистентом хирурга, а в юности изучал социологию. Ну, ну, не вешайте носа, сейчас мы попробуем вас утешить. (*Хлопает в ладоши.*) Хозяин!

Беранже. Я не такой разносторонний человек, как вы.

Из-за левой кулисы доносится голос бродяги.

Бродяга (*поет*).

Хватит пла-вать мне по све-ту,

Взял я в же-ны Марине-тту.

Голос хозяина (*грубый и громкий*). Сию минуту, господин комиссар. (*Меняя тон, бродяге.*) Пошел вон отсюда, катись напиваться в другое место.

Бродяга (*за сценой, еле ворочая языком*). А зачем, я и так уже пьян!

На сцену вваливается бродяга, толстый, смуглый человек с волосатыми руками, совершенно пьяный. Хозяин выталкивает его из левой кулисы.

Бродяга. Напился-то я у вас, в вашем заведении! Я за все заплатил. Могли мне и не подавать!

Хозяин. Пошел вон, говорю тебе! (*Архитектору.*) Мое почтение, господин комиссар!

Архитектор (*Беранже*). Вот видите, что творится... Мы

уже не в сияющем квартале, нравы здесь поглубе.

Хозяин подталкивает бродягу к выходу.

Бродяга. А я что, я ничего!

Беранже (*архитектору.*) Вижу.

Хозяин (*бродяге*). Иди, иди. Видишь, господин комиссар пришел!

Бродяга. А что я плохого делаю? (*Шатается.*)

Хозяин толкает его. Бродяга падает, потом молча поднимается.

Архитектор (*хозяину*). Два бокала божоле.

Хозяин. Будет исполнено. Для вас у меня есть настоящее. (*Поднимающемуся с пола бродяге.*) Проваливай, да не забудь дверь за собой закрыть. И чтоб больше я тебя не видел! (*Выходит налево.*)

Архитектор (*Беранже.*) Вы все тоскуете?

Беранже (*растерянно разводит руками*). Что ж вы хотите!

Появляется хозяин быстро с двумя бокалами вина. Бродяга закрывает невидимую дверь и выходит из бistro.

Хозяин. Пожалуйста, ваше божоле, господин комиссар!

Бродяга (*шатаясь, уходит со сцены направо, напевая*).

Хватит пла-вать мне по све-ту,

Взял я в же-ны Марине-тту.

Хозяин (*архитектору.*) Не желаете ли перекусить?

Архитектор. Принесите два бутерброда.

Хозяин. У меня есть чудное заячье рагу из чистой свинины!

Беранже собирается заплатить.

Архитектор (*удерживает его за руку*). Оставьте, оставьте, я угощаю! (*Хозяину.*) Я угощаю!

Хозяин. Хорошо, господин комиссар!

Выходит налево. Архитектор отхлебывает вино. Беранже к своему бокалу не прикасается.

Беранже (*после небольшой паузы*). Если бы у вас хоть были его приметы!

Архитектор. А у нас есть! Во всяком случае, нам известна личина, под которой он орудует. Мы развесили его портреты на каждом столбе. Все сделали, что в наших силах.

Беранже. Как же вы заполучили приметы?

Архитектор. Из показаний утопленников. Некоторые из его жертв, ненадолго возвращенные нами к жизни, смогли даже дать кое-какие дополнительные уточнения. Мы знаем

и то, как он действует. Это, кстати, знают в квартале все.

Беранже. Так почему же они так неосторожны? Ведь можно просто избегать его.

Архитектор. Не так-то это просто. Я же говорил вам, ежедневно двое или трое попадают в ловушку.

Беранже. Никак не могу понять!

Архитектор снова отхлебывает вино. Хозяин приносит бутерброды и уходит.

Я поражен... По-моему, вся эта история забавляет вас, господин комиссар.

Архитектор. Почему бы нет! Согласитесь, это все-таки довольно интересно! Вон, взгляните... Взгляните в окно. *(Делает жест рукой, как будто отодвигает несуществующую занавеску — или настоящую, если ее удалось незаметно повесить. Указывает налево.)* Видите... Вон там, на трамвайной остановке, он и продельывает свой номер. Когда пассажиры выходят из трамвая и идут домой — личным автомобилям въезд в квартал запрещен,— он идет им навстречу, переодевшись нищим. Он хнычет, как все нищие, клянчит подавание, старается разжалобить людей. Это его обычный трюк. Только что вышел из больницы, ищет работу, работы нет, ночевать негде. Но берет он не этим, это только разведка. Он вынюхивает, выискивает добрую душу, заводит разговор, привязывается, не отстает ни на шаг. Предлагает купить у него какие-то безделушки, достает их из кошелька: искусственные цветы, ножницы, старые ночные колпаки, карты... открытки... американские сигареты... непристойные картинки, неважно что. Как правило, все отказываются, у доброй души нет времени, добрая душа спешит. Он продолжает уговаривать, они доходят вместе до знакомого вам бассейна. И тут идет в ход главный козырь: он предлагает показать фотографию полковника. Устоять не может никто. А поскольку уже не очень светло, добрая душа наклоняется, чтобы получше разглядеть. Это ее и губит. Воспользовавшись тем, что человек поглощен разглядыванием портрета, он толкает его, тот падает и тонет. Дело сделано, остается лишь подыскать следующую жертву.

Беранже. Поразительно! Люди знают и все равно клюют.

Архитектор. Это же ловушка, что вы хотите! Он ни разу не попался на месте преступления.

Беранже. Непостижимо, непостижимо!

Архитектор. И тем не менее правда! (*Надкусывает бутерброд.*) Вы не пьете? И не едите?

Шум трамвая, приближающегося к остановке. Беранже непроизвольно поднимает голову, отдергивает занавеску и смотрит в окно.

Трамвай подошел.

Беранже. Из него выходит множество людей!

Архитектор. Ну да, это обитатели квартала, они возвращаются домой.

Беранже. Я не вижу никакого нищего.

Архитектор. Вы его и не увидите. Он не покажется. Он ведь знает, что мы здесь.

Беранже (*поворачивается спиной к окну, садится, обращается к архитектору, который тоже сидит к окну спиной*). Может быть, имело бы смысл поставить там инспектора в штатском, чтобы велось постоянное наблюдение?

Архитектор. Вы думаете, будто знаете мое ремесло лучше меня. Это технически невозможно. Наши инспектора перегружены, у них есть другие обязанности. К тому же они тоже наверняка захотят взглянуть на фотографию полковника. У нас так уже пять человек утонуло. Ах, если б только добыть доказательства, уж мы бы сумели его поймать!

Раздаются крик и глухой звук падающего в воду тела.

Беранже (*вскакивая*). Вы слышали?

Архитектор (*сидя, откусывает бутерброд*). Опять его проделки. А вы говорите, ему легко помешать! Чуть отвернешься, и готово! Одна секунда, больше ему не требуется.

Беранже. Это ужасно, ужасно!

Слышатся приглушенные восклицания, громкие голоса за кулисами, чьи-то шаги, визг тормозов подъехавшей полицейской машины.

Беранже (*ломая руки*). Сделайте что-нибудь, сделайте что-нибудь... Вмешайтесь, действуйте!

Архитектор (*не двигаясь с места, спокойно пьет вино, в руке у него бутерброд*). Поздно. Он опять застал нас врасплох...

Беранже. А может, он просто бросил в воду большой камень... чтобы нас подразнить!

Архитектор. Не думаю. А крик?

Слева входит хозяин.

Сейчас мы все узнаем. Вот наш осведомитель!

Хозяин. Это девушка, блондинка...

Беранже. Дани? Мадемуазель Дани? Это невозможно!

Архитектор. Вполне возможно. Почему бы нет? Это моя секретарша, вернее, моя бывшая секретарша. Я ведь ее отговаривал, советовал не уходить от меня. У нас она была в безопасности.

Беранже. Господи! Господи! Господи!

Архитектор. Она работала в Управлении, а на работников Управления он не нападает! Так нет же, ей, видите ли, свобода понадобилась! Будет знать. Получила теперь свою свободу. Я предвидел...

Беранже. Боже мой, боже мой! Бедная... Она так и не успела сказать мне «да»!..

Архитектор (*продолжает*). Я даже не сомневался, что так случится! Или уж надо соображать: ушла из Управления, так уноси ноги из квартала, пока цела.

Беранже. Мадемуазель Дани!! Мадемуазель Дани!! Мадемуазель Дани!! (*Стенания.*)

Архитектор (*продолжает*). Что за страсть у людей вечно поступать как им заблагорассудится! И главное, главное — почему-то жертву всегда тянет на место преступления! Так они и попадаются!

Беранже (*почти рыдая*). О-о! Господин комиссар, господин комиссар, это мадемуазель Дани, мадемуазель Дани! (*В изнеможении падает на стул.*)

Архитектор (*хозяину*). Пусть для порядка составят протокол. (*Достает из кармана телефонную трубку.*) Алло! Алло!.. Еще одна... молодая женщина... Дани... та, которая работала у нас... на месте преступления не пойман... Предположения... те же самые... да!.. Минутку! (*Кладет трубку на стол, глядя на Беранже.*)

Беранже (*резко вставая*). Мы не можем, не имеем права так это оставлять! Так больше продолжаться не может! Так больше продолжаться не может!

Архитектор. Успокойтесь. Все мы смертны. Не осложняйте ход расследования!

Беранже (*выбегает из бистро, громко хлопнув невидимой дверью*). Надо положить этому конец! Что-то предпринять!

Предпринять, предпринять, предпринять! (Убегает направо.)

Хозяин. До свидания, мсье! (Архитектору.) Мог бы сказать до свидания.

Архитектор (не вставая со стула, провожает Беранже взглядом, как и хозяин, который стоит рядом, скрестив руки или упершись кулаками в бока. Как только Беранже исчезает, архитектор залпом допивает вино и обращается к хозяину, указывая на нетронутый бокал Беранже). Выпейте! И бутерброд съешьте!

Хозяин садится на место Беранже.

Архитектор (по телефону). Алло! Улик нет! Прекращаем дело! (Кладет трубку в карман.)

Хозяин (выпивая). Ваше здоровье! (Закусывает бутербродом.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Беранже. Темное помещение с низким потолком на первом этаже многоквартирного дома. Небольшое пространство перед окном, тоже низким, но широким, освещено чуть лучше. У окна стоит сундук. Справа за сундуком темный угол. В нем помещается кресло в стиле эпохи регентства, довольно ветхое, где при поднятии занавеса молча сидит Эдуард. В начале действия его, как и кресла, не видно из-за царящей в комнате темноты. Посредине, перед окном, там, где посветлее, стоит большой стол с тетрадами, бумагами, книгой, чернильницей и ручкой в форме гусяного пера.

Слева, в метре от стола, потертое красное кресло без подлокотника. Левая стена почти совсем тонет в темноте. В полумраке можно различить очертания старой мебели: выдавший виды секретер, комод, над ним на стене обтрепанный ковер. Имеется еще стул или второе красное кресло. У окна, справа, маленький столик, табурет, этажерка с несколькими книгами. На верхней полке старый граммофон.

На первом плане, слева, дверь на лестничную клетку. Под потолком старинная люстра, на полу выцветший ковер. Справа висит зеркало в вычурной раме, которое поблескивает так тускло, что не сразу понятно, что это за предмет. Под зеркалом старый камин. Шторы раздвинуты, за окном виднеется улица, нижние окна дома напротив, часть витрины бакалейной лавки.

Декорация второго действия, уродливая и тяжеловесная, должна резко контрастировать со световой декорацией или полным ее отсутствием в первом действии.

При поднятии занавеса тусклый желтоватый свет проникает сквозь окно в центр сцены, где стоит стол. Стены дома напротив грязно-серого цвета. На улице пасмурно, идет снег с мелким дождем.

Эдуард, сидящий в самом темном углу комнаты, вначале не виден. Он станет виден позднее, когда появится Беранже. Это худой, очень бледный человек с траурной повязкой на правой руке. На нем черная фетровая шляпа, черное пальто, черные ботинки, белая рубашка с накрахмаленным воротничком, черный галстук. Его явно знобит. Время от времени — но только после прихода Беранже — он будет кашлять или покашливать, сплевывая в большой белый платок с черной каймой, который он всякий раз аккуратно убирает в карман.

За несколько секунд до поднятия занавеса с лестничной клетки начинает звучать голос консьержки.

Консьержка (*напеваает за сценой*).

Если на дворе мороз, то совсем не жарко,
Если жарко на дворе, значит, там мороз!

Ну и ну, с этой угольной пылью и снегом, сколько ни мети, целый день одна грязь! *(Стук швабры о дверь. Потом снова пение консьержки.)*

Если на дворе мороз, то совсем не жарко,
Если жарко на дворе, значит, там мороз!
Если на дворе мороз, значит ли, что жарко?
Если жарко на дворе, то мороз ли там?
Если на дворе мороз, что, однако, там?

Одновременно с пением консьержки слышится стук молотка со второго этажа, звуки включенного радио, то приближающийся, то удаляющийся рев грузовиков и мотоциклов. Позже будет слышен шум со школьного двора, где играют дети во время перемен: он должен быть слегка искажен и звучать пародийно, так чтобы крики школьников напоминали собачий визг. Это должно быть смешно и неприятно. На лестнице раздаются шаги, лает собака.

Голос жильца. Добрый день, мадам!

Голос консьержки. Здравствуйте, господин Жир. Вы сегодня поздно!

Голос жильца. Мне дали работу домой. Я спал. Все в порядке. Иду на почту отправить письма.

Голос консьержки. Ну и работка у вас! Вечно копаетесь в бумажках! Вам, наверное, приходится все время думать, когда вы пишете свои письма.

Голос жильца. Думать мне приходится, когда я их отправляю.

Голос консьержки. Еще бы! Нужно ведь знать, кому посылаешь!.. Нельзя же посылать кому ни попадя! И одним и тем же все время нельзя!

Голос жильца. Ничего не поделаешь, надо зарабатывать свой хлеб в поте лица своего, как сказал пророк.

Голос консьержки. Нынче образование в головы ударило, оттого и жить хуже. Даже подметать тяжелей, чем раньше.

Голос жильца. Однако зарабатывать все равно надо, чтобы платить налоги.

Голос консьержки. Самая лучшая работа — это быть министром. Они не платят налоги, а получают.

Голос жильца. Они тоже, горемыки, должны зарабатывать на жизнь, как и все.

Голос консьержки. Что и говорить, богатые, наверное,

такие же нищие, как и мы, если они вообще еще есть в наши времена.

Голос жильца. Увы, такова жизнь!

Голос консьержки. Увы, да, мсье!

Голос жильца. Увы, да, мадам!

Голос консьержки. Увы, да, мсье. Надрываемся, надрываемся как лошади, чтобы потом отправиться куда все, в яму. Мой муж уже там, он умер сорок лет назад, а будто вчера.

У входной двери лает собака.

Молчать, Трезор. *(Видимо, бьет собаку шваброй, так как слышится жалобное повизгивание. Где-то хлопает дверь.)* На место! *(Жильцу.)* До свидания, господин Жир. Осторожно, на улице скользко, тротуары совершенно мокрые. Ох эта собачья погода!

Голос жильца. Вот-вот! Мы с вами говорили о жизни. Нужно относиться к ней философски, мадам, что поделаешь!

Голос консьержки. Не напоминайте мне про философию, я тут на днях собралась последовать учению стоиков, погрузиться в созерцание. Читаю, читаю, а нового ничего не нахожу, даже у Марка Аврелия. В итоге, все одно. Он был не мудрее нас с вами. Каждый должен сам найти для себя выход. Если бы он был, конечно, но ведь нет же его.

Голос жильца. Увы...

Голос консьержки. И чувства тоже ни к чему, куда с ними деваться? В нашу систему ценностей их не втиснешь. На что они мне, когда я подметаю?

Голос жильца. Я-то не читал философов.

Голос консьержки. Еще бы! И правильно! Вот что значит быть образованным человеком! Вся эта философия — сплошная химия. Чтоб только суть замутишь, да и то еще поди ее замути.

Голос жильца. Не надо так говорить.

Голос консьержки. Философы годятся только для консьержек.

Голос жильца. Не надо так говорить, мадам, они годятся для всех.

Голос консьержки. Я знаю, что говорю. Сами-то вы читаете только хорошие книжки. А у меня на хорошие денег нет, вот и приходится покупать философов по дешевке. Вы-то хоть можете в библиотеку пойти, если у вас деньги

кончатся. Можете выбрать... Но я вас спрашиваю, вы всё знаете: на что она, эта философия, нужна?

Голос жильца. Философия нужна для того, чтобы постичь философию жизни!

Голос консьержки. С философией жизни я уже давно смирилась!

Голос жильца. Смирение — великая добродетель, мадам!
Швабра стучается о дверь комнаты Беранже.

Голос консьержки. О-хо-хо, ну и грязища! Настоящий хлев!

Голос жильца. Чего-чего, а грязи хватает. Ну я пошел, мне пора. До свидания, мадам, мужайтесь!

Голос консьержки. Спасибо, господин Жир!

Громко хлопает входная дверь.

Ну что за олух, вот сломает опять дверь, кто за него платить будет!

Голос жильца (*вежливо*). Вы что-то сказали?

Голос консьержки (*еще вежливее, почти елебно*). Ничего, ничего, господин Жир, это я так, сама с собой разговариваю, речь свою развиваю! Чтобы время скоротать! (*Стучает шваброй о дверь комнаты Беранже.*)

Голос жильца. Мне показалось, что вы окликнули меня. Извините.

Голос консьержки. Увы, мсье, людям свойственно ошибаться. Бывает! Не беда!

Снова громко хлопает входная дверь.

Выкатился наконец! Ему хоть кол на голове теши, не понимает! Будто глухой! А все одно притворство, он прекрасно слышит! (*Напевает.*) Если холод на дворе, то совсем не жарко...

Приглушенное повизгивание собаки.

Молчать, Трезор! Что за никчемная шавка! Ну погоди, ты у меня сейчас получишь!

Слышно, как открывается дверь привратничкой. Собака визжит. Дверь привратничкой захлопывается. В парадном раздаются шаги. Слышится мужской голос с легким иностранным акцентом.

Голос в парадном. Здравствуйте. Здесь живет мадемуазель Коломбина?

Голос консьержки. Не знаю таких. В этом доме иностранцы не проживают, одни французы.

Наверху включается на полную громкость радио.

Голос в парадном. Однако мне сказали, что она живет здесь, на пятом этаже.

Голос консьержки (*громко, чтобы перекричать радио*). Не знаю я такую, говорю же вам!

Голос в парадном. Что-что, мадам?

Справа, на улице, резко тормозит с грохотом подъехавший грузовик.

Голос консьержки (*очень громко*). Повторяю вам: я такую не знаю.

Голос в парадном. Но ведь это дом номер тринадцать по улице Дюжины?

Голос консьержки (*так же.*). Что-что?

Голос в парадном (*громче*). Это дом номер тринадцать...

Голос консьержки. Не кричите так. Я хорошо слышу. Разумеется, это дом номер тринадцать по улице Дюжины. Вы что, читать не умеете, это же написано на табличке!

Голос в парадном. В таком случае мадемуазель Коломбина живет именно здесь!

Голос водителя грузовика (*на улице*). Правила надо знать!

Голос консьержки. Знаю не хуже вашего!

Голос другого водителя (*на улице*). Почему это ты мне «тыкаешь»? Не научился «вы» говорить?

Голос консьержки. Ах, мадемуазель Коломбина... Ее сожитель — господин Кобель?

Голос водителя грузовика (*на улице*). Сволочь! Выродок!

Голос в парадном. Вот именно! Ковель!

Голос консьержки. Кобель, Ковель — какая разница!

Голос другого водителя (*на улице*). Повежливее! Ублюдок!

Голос консьержки. А, значит, это та, рыженькая! Если вы про нее, то она живет здесь, я же вам говорила! Надо было как следует объяснить! Поезжайте на лифте.

Голос водителя грузовика (*на улице*). Сволочь! Хам!

Голос другого водителя (*на улице*). Сволочь! Хам!

Одновременно — шум поднимающегося лифта, отъезжающих от парадного машин, потом треск мотоцикла; на секунду в окно становится видно, как он проносится по улице.

Голос консьержки (*громко*). Не забудьте закрыть дверь лифта! (*Себе под нос.*) Никогда ведь не закрывают, особенно иностранцы! (*Поет.*)

Мы, бесспорно, вперед не идем,
когда мы на месте то-оп-чем-ся.
Но взаправду ль идем мы вперед,
когда пере-меща-а-емся?

Консьержка уходит в привратническую, хлопает дверь. Оттуда доносятся лай и приглушенный голос консьержки.

Голос консьержки. Да, мой хороший, да, мой масюсенький, мой Трезорчик сладкий! У кого это нету сахарку? Сейчас, сейчас, вот наш сахарок!

Лай.

Заткни глотку!

Собака визжит. Слева, на улице, появляются двое прохожих, которых мы видим в окно. Можно сделать и так, что их будет только слышно. Но лучше все-таки, чтобы они были видны. Это два старика, совершенно дряхлых, которые с трудом волочат ноги, опираясь на палку.

Первый старик. Ну и погода!

Второй старик. Ну и погода!

Первый старик. Что вы сказали?

Второй старик. Ну и погода! Что вы сказали?

Первый старик. Я сказал: ну и погода!

Второй старик. Обопритесь о мою руку, чтобы не поскользнуться.

Первый старик. Обопритесь о мою руку, чтобы не поскользнуться.

Второй старик. Я знавал весьма, весьма блистательных людей.

Справа на другой стороне улицы появляется бродяга.

Бродяга (поет). Хватит пла-вать мне по све-ту...
(Поглядывает вверх, на окна, в надежде на то, что ему бросят монетку.)

Первый старик. Что же они делали, эти блистательные люди?

Второй старик. Они блистали.

Бродяга. Взял я в жё-ны Марине-тту.

Первый старик. Где же блистали эти блистательные люди?

Бродяга продолжает оглядывать окна.

Второй старик. Они блистали в обществе, они блистали в салонах!.. Они блистали везде!

Первый старик. Когда же вы их знавали, этих блистательных людей?

Бродяга (*глядя вверх*). Хватит пла-вать мне по све-ту...
(*Не сводя глаз с верхних этажей, уходит налево.*)

Второй старик. Когда-то, когда-то...

Первый старик. А сейчас вы их еще встречаете иногда?

Бакалейщик (*выходит из лавки напротив и с разъяренным видом глядит на окно второго этажа*). Эй, мадам!

Второй старик. Ах, милейший, людей, которые умели блистать, больше нет... (*Уходит направо, но голос его еще слышен*)... Они перевелись. Из всех блистательных людей... осталось теперь только двое...

Бакалейщик. Эй, мадам! За кого вы меня принимаете?

Голос второго старика. ...только двое. Один на пенсии, а другой скончался!

Первый старик исчезает вслед за вторым.

Бакалейщик (*глядя вверх*). Нет, все-таки... за кого вы меня принимаете?

Голос бродяги. Капитан, узнав про э-то...

Бакалейщик. За кого вы меня принимаете? Я коммерсант, мадам, я не торгую чужими тайнами. (*С сердитым видом возвращается в магазин.*)

Голос бродяги (*за сценой, удаляясь*).

Мне сказал: прощай, орел!

Что ж, венчай-ся с Марине-ттой,

Коли сча-стье с ней на-шел!

Голос первого старика (*удаляясь*). Даже если бы они теперь и были, их бы никто не заметил. Блистательные люди разучились блистать.

Справа доносится шум школьного двора. Его слышно уже некоторое время, но теперь он становится вдвое громче.

Звонит звонок.

Голос учителя. В класс! В класс! Всем в класс!

Голос с улицы. У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках.

Голос учителя. Тишина!

Топот, крики, хлопанье парт и т. д.

Тишина! Тишина!

Голос с улицы. У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках!

Дети умолкают.

Голос учителя. Урок истории. Представители народа при-

шли к воротам дворца Марии Антуанетты. Они кричали...

Голос с улицы. У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках.

Голос учителя. Они кричали: «У нас больше нет пирожных, Ваше Величество, дайте их нам!» — «Больше нету!» — ответила королева.

Голос с улицы. У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках.

Голос учителя. «Больше нету! Придется вам есть хлеб». Тогда народ разгневался. Королеве отрубили голову. Оставшись без головы, Мария Антуанетта так рассердилась, что с ней случился удар. И она не выжила, несмотря на все старания врачей, потому что медицина в те времена была очень отсталой.

Голос с улицы. У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках.

Грубый голос (с улицы). Мы летели на высоте семь тысяч метров, и вдруг я увидел, что у нашего самолета отваливается крыло.

Тоненький голос. Черт побери!

Грубый голос. Я сказал себе: ничего, у нас еще одно осталось. Все пассажиры сбились на одну сторону, чтобы уравновесить самолет, и мы полетели на одном крыле.

Тоненький голос. Вам было страшно?

Грубый голос. Не перебивайте... вдруг самолет потерял и второе крыло, и все свои моторы, и винты... а мы на высоте семь тысяч метров!

Тоненький голос. Ой!

Грубый голос. Я сказал себе: на этот раз крышка... *(Удаляясь.)* Мы пропали... И знаете, как мы выпутались? Держу пари, что не угадаете...

Второй голос с улицы. Наши пятьдесят восемь мальчиков на побегушках тратят слишком много времени на писсуар. В среднем пять раз в день каждый из них прерывает доставку товаров заказчикам ради собственной надобности. Это время не вычитается у них из зарплаты. Они этим пользуются. Необходимо призвать их к порядку: пусть ходят в писсуар один раз в месяц по очереди, на четыре с половиной часа. Это сэкономит время на хождения взад и вперед, которые так дорого нам обходятся. Научились же

верблюды накапливать воду.

Первый голос снизу. Сажусь я в поезд. Вхожу в купе, занимаю свое место, билет у меня куплен заранее. Поезд трогается. В эту самую минуту появляется господин, у которого билет на то же самое место, что и у меня. Из любезности я уступаю ему место и выхожу в коридор. Он едва говорит спасибо. Два часа я стою в коридоре. Через два часа поезд останавливается на какой-то станции, и этот человек выходит. Я усаживаюсь на свое место, потому что изначально это ведь было мое место. Поезд трогается. Через час он останавливается на другой станции. И тут снова появляется тот господин и требует освободить его место. Разве юридически он мог на него претендовать? Это было мое место точно так же, как и его, но он заявил, что у него есть право пришедшего вторым. Мы судились. Судья сказал, что у него есть дополнительные преимущества, так как он епископ и критик и исключительно из скромности скрывал свои заслуги.

Второй голос снизу. Кто же был этот господин?

Первый голос снизу. Критик, епископ. С Морванских пастбищ. Луговой епископ.

Второй голос снизу. Как же ему удалось догнать поезд?

Первый голос снизу. Он знал более короткий путь.

Голос с улицы (чуть приблизившись). У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках.

Слева на улице появляются два старика.

Первый старик. Ну, меня, конечно, пригласили на свадебный обед... Но я остался недоволен, потому что я не люблю петуха в вине.

Второй старик. И вам не дали петуха в вине?

Первый старик. Дали. Но не сказали, что это петух в вине, я стал есть, и мне было невкусно.

Второй старик. Но это действительно был петух в вине?

Первый старик. Самый настоящий петух в вине. А я этого не знал, и праздник оказался испорчен.

Второй старик. Как бы я хотел быть на вашем месте! Обожаю испорченные праздники.

Старики исчезают.

Голос с улицы. У нас пятьдесят восемь мальчиков на побегушках.

Голос справа. Надо серьезно поставить проблему нашего финансирования.

Голос сверху. Рассматривала ли этот вопрос чрезвычайная делегация представителей?

Голос слева. Надо серьезно поставить проблему их финансирования.

Голос сверху. Надо серьезно поставить проблему финансирования наших мальчиков на побегушках.

Другой голос слева. Нет, вопрос был рассмотрен чрезвычайным представительством делегатов.

Голос справа. Что ж вы хотите, производство есть производство! Вопрос необходимо пересмотреть, пересмотреть с самого начала.

Голос слева. Наши предводители, руководители, сопроводители и путеводители составят организационную базу, это будет комитет объединения.

Голос сверху. Предводители и путеводители войдут в инициативные комитеты обществ инициаторов, которые объединят социальные группы...

Голос справа. Базовый принцип организации не то же самое, что организационный режим суперструктуры.

Голос слева. А как же наши пятьдесят восемь мальчиков на побегушках?

Голос сверху. После работы надо организовать разрядку.

Голос снизу. Строжайшую разрядку.

Голос слева. Разрядку надо неуклонно усиливать.

Сцену на несколько секунд заволакивает густой туман.
Все уличные шумы приглушаются, слышны лишь невнятные обрывки слов. Хлопает дверь парадного.

Голос консьержки. Ох уж этот туман, когда он смешивается с заводским дымом, совершенно ничего не слышно!

Раздается громкий вой заводской сирены.

К счастью, еще сирены есть!

Туман рассеивается. На противоположной стороне улицы виден бродяга.

Бродяга (поет).

А помощник капита-на

Говорит мне: «В добрый путь!

Что ж, женись на Марине-тте,

Что ж, женись на Марине-тте...

Все шумы опять приглушаются, так чтобы можно было слышать следующий диалог.

**Был моряк ты без изъя-на,
Так хоро-шим мужем будь!»**

(Бродяга поглядывает на окна в надежде на подаяние. Он снимает свою старую, продавленную шляпу, посылает в пустоту приветствие, отступает назад, к окну Беранже, и оказывается посредине улицы. Хлопает входная дверь.)

Голос консьержки. Не хлопайте так дверьми.

Женский голос *(в парадном)*. Вы сами часто хлопаете. Я не нарочно.

Голос консьержки. Я — другое дело, я хлопаю по рассеянности.

Бродяга *(посреди улицы, глядя на окна)*. Привет, господа и дамы! Благодарствую, господа и дамы! *(Ворчит, недовольный тем, что ему ничего не бросают.)* Не больно-то они щедры, о-хо-хо.

Голос консьержки *(поет)*.

Если жарко на дворе,
Значит, там мороз!

Пока консьержка повторяет припев, бродяга переходит улицу. Мимо него на полной скорости проносится мотоцикл, слегка задев его сзади; слышится брань мотоциклиста: «Чертов...»

Бродяга *(поет)*. Так хоро-шим мужем будь!
(Подходит вплотную к окну, продолжая напевать.)

Только бе-регись, однако,
Только бе-регись, однако!..

(Заглядывает в комнату Беранже, прильнув лицом к окну, так что нос расплющивается о стекло.)

Консьержка *(появляется на тротуаре и подметает, продолжая напевать. Натывается на бродягу)*. Ты что тут делаешь?

Бродяга. Пою!

Консьержка. Окна ты пачкаешь, вот что! Тут живет мой жилец! И окно это мою я!

Бродяга *(насмешливо)*. О, прошу прощения, мадам. Я не знал. Не сердитесь!

Консьержка. Проваливай отсюда! Лучше по-хорошему!

Бродяга *(подтрунивает над ней; он слегка пьян)*. Сколь-

ко раз в жизни я это слышал? Наверное, тысячу. Вы неоригинальны, мадам.

Консьержка (*грозя ему метлой*). Сам-то каков! Хочешь, расскажу?

Бродяга. Не стоит, мадам, я ухожу, мадам, извините! (*Уходит, напевая.*)

Хватит пла-вать мне по све-ту,

Взял я в же-ны Марине-тту.

Консьержка (*резко оглядывается, услышав лай своего пса*). Заткнись!.. Почтальон! (*Почтальону.*) Кому это?

Голос почтальона. Телеграмма для господина Беранже!

Консьержка. Первый этаж. Дверь направо.

Почтальон. Спасибо.

Консьержка (*грозя метлой вслед бродяге*). Скотина! (*Пожимает плечами.*) Он такой же моряк, как и я. (*Подметаает тротуар. Слышно, как почтальон стучится в дверь Беранже.*) Опять чей-то пес нагадил. Мой бы только попробовал!

Почтальон (*за сценой*). Не открывают.

Консьержка (*почтальону*). Постучите погромче. Он дома.

Почтальон. Да говорю же вам, не открывают!

Консьержка. Ну и люди, даже в дверь постучать как следует не умеют! (*Исчезает в парадном.*)

Голос консьержки. Не может быть, чтобы его не было дома. Я все-таки знаю его привычки. Это же мой жилец. К тому же я у него убираю. Мою у него окна.

Голос почтальона. Попробуйте сами!

Слышится громкий настойчивый стук в дверь Беранже.

Голос консьержки (*одновременно со стуком в дверь*).
Господин Беранже, господин Беранже!

Тишина. Снова стук.

Господин Беранже, господин Беранже!

Голос почтальона. Что я вам говорил!

Голос консьержки. Это уж слишком! Не может быть такого, чтобы он ушел. Наверное, спит, хотя это не в его привычках! Постучите погромче. А я пойду посмотрю.

Почтальон стучит. За окном появляется консьержка. Она прильнула к окну. Лицо ее, и без того, разумеется, безобразное, делается еще уродливее от того, что нос приплюснут к стеклу.

Консьержка. Господин Беранже! Отзовитесь, господин Беранже!

Почтальон продолжает стучать в дверь.

Голос почтальона. Господин Беранже, вам телеграмма, господин Беранже!

Консьержка. Господин Беранже, тут для вас телеграмма... Ну и дела! *(Пауза.)* Куда он мог запропасться? Никогда его дома нет! *(Снова стучит в окно, а почтальон в дверь.)* Есть же люди, которым нечего делать, гуляюк себе, а мы за них надрывайся!.. Его, видите ли, нет! *(Отходит от окна и подметает у парадного; в углу окна виднеются ее лопоть и конец метлы, которой она орудует.)*

Голос почтальона. Раз его нет, значит, нет. А вы говорили, что он целыми днями дома!

Консьержка. Никогда я этого не говорила! Давайте мне телеграмму, я ему вручу! *(Исчезает из окна.)* Я же мою у него окна!

Голос почтальона. Я не имею права вам ее отдать. Не могу.

Консьержка. Тем хуже для вас, носитесь теперь с ней.

Голос почтальона. Я все-таки вам ее оставлю. Вот, пожалуйста.

Голос консьержки. Придется еще теперь высматривать, когда он явится! О-хо-хо!

Пауза. Стихает вой последней сирены и вслед за ним все остальные шумы. Разве что, может быть, консьержка обрывает еще раз Трезора и раздастся собачий визг. Несколько секунд полной тишины. Затем справа, на улице, напротив окна, появляется возвращающийся домой Беранже. Он в пальто, шляпа его зажата в правой руке, которой он резко размахивает при ходьбе. Он идет, опустив голову, минует окно, и его шаги звучат в парадном. Слышно, как в замочной скважине поворачивается ключ.

Голос консьержки *(очень вежливо)*. А, вот и вы, господин Беранже. Как прогулялись? Вы правильно делаете, что выходите подышать воздухом! Он вам так необходим!

Голос Беранже. Добрый день, мадам!

Голос консьержки. Раз вы гуляли, значит, выходили из дому. Я не слышала, как вы вышли. Почему не предупредили? У меня не было ключа, чтобы прибрать у вас. Как я могла знать? Я бы с удовольствием. Вам телеграмма!

Пауза. Беранже перестал греметь ключом: видимо, читает телеграмму.

Наверное, это не срочно? Я на всякий случай прочла. Это от старьевщика. Просит вас срочно зайти. Не беспокойтесь.

Снова скрежет ключа в замочной скважине. Дверь комнаты Беранже приоткрывается. Слышно, как консержка злобно цедит что-то нечленораздельное, хлопает дверь привратницей, визжит пес. В полумраке комнаты появляется Беранже. Он медленно выходит на середину сцены. Полная тишина. Беранже нажимает кнопку выключателя, и загорается свет. В углу сидит Эдуард, в шляпе, в пальто, с портфелем у ног; он покашливает. Неожиданно услышав покашливание и почти одновременно увидев Эдуарда.

Беранже резко отшатывается.

Беранже (*вздрагнув*). Ах! Что вы здесь делаете?

Эдуард, покашливая, встает, поднимает портфель, держит его в руке.

Эдуард (*тонким, почти детским голосом, слегка визгливым*). А у вас тут не жарко! (*Эдуард сплевывает в платок. Для этого ему приходится поставить портфель на пол и вынуть из кармана правую руку, которая немного скрючена и заметно короче левой; затем он тщательно складывает платок, убирает его в карман, снова берет портфель в руку.*)

Беранже. Вы напугали меня... Я не ожидал вас здесь увидеть. Что вы тут делаете?

Эдуард. Жду вас. (*Убирает больную руку в карман.*)
Здравствуйте, Беранже.

Беранже. Как вы сюда попали?

Эдуард. Через дверь, как же иначе? Я отпер дверь.

Беранже. Как отперли? Ведь ключи были у меня!..

Эдуард (*достает из кармана ключи и показывает Беранже*). У меня тоже. (*Убирает ключи в карман.*)

Беранже. Где вы их взяли? (*Кладет шляпу на стол.*)

Эдуард. Но... вы сами дали мне одну связку, чтобы я мог прийти, когда захочу, и подождать вас, если вас не будет.

Беранже (*припоминая*). Я дал вам ключи?.. Когда?.. Не припоминаю... совсем не припоминаю...

Эдуард. И однако, это вы мне их дали. Иначе как бы они могли у меня оказаться?

Беранже. Очень странно, дорогой Эдуард. Но раз вы говорите...

Эдуард. Уверю вас... Извините, Беранже, я вам их не-

медленно верну, если вам неприятно, что у меня есть ваши ключи.

Беранже. Собственно говоря... нет, нет... оставьте их у себя, оставьте, раз уж так получилось. Простите, Эдуард, у меня скверная память. Я не помню, чтобы я вам их давал.

Эдуард. Но вы давали... припомните, кажется, это было в прошлом году. В то воскресенье, когда...

Беранже (*перебывает его*). Консьержка мне не сказала, что вы меня ждете.

Эдуард. Наверное, она меня не заметила, я прошу прощения, я не знал, что должен спрашивать у нее позволения прийти к вам. Разве вы сами не говорили мне, что это не обязательно? Но если я явился некстати...

Беранже. Я не имел этого в виду. Я вам всегда рад.

Эдуард. Мне не хотелось бы вам докучать.

Беранже. Вы мне несколько не докучаете.

Эдуард. Благодарю вас.

Беранже. Мне просто досадно, что у меня плохо с памятью... (*В сторону.*) Однако консьержка, судя по всему, не выходила утром из дому!.. (*Эдуарду*). Что с вами? Вы дрожите.

Эдуард. Да, я неважно себя чувствую, мне холодно.

Беранже (*берет Эдуарда за здоровую руку; тот засовывает другую поглубже в карман*). Вас опять лихорадит. Вы кашляете, дрожите. И бледны как мел. Глаза блестят.

Эдуард. Легкие... это никак не проходит... сколько я с ними маюсь...

Беранже. А наш дом плохо отапливается... (*С мрачным видом усаживается в кресло у стола, не снимая пальто. Эдуард продолжает стоять.*) Садитесь же, Эдуард.

Эдуард. Спасибо. Спасибо большое. (*Присаживается на сундук у окна, осторожно ставит портфель рядом; все время должно быть заметно, что он не спускает с него глаз. Пауза. Беранже вздыхает. Эдуард замечает его угрюмый вид.*) Вы такой грустный сегодня, у вас подавленный, озабоченный вид...

Беранже (*сам с собой*). Ах, если бы только озабоченный...

Эдуард. Может быть, вы тоже больны?.. Что произошло? С вами что-то случилось?

Беранже. Нет, нет... Абсолютно ничего! Я вообще такой. Я от природы грустный! Бррр... мне тоже холодно! *(Растирает руки.)*

Эдуард. Но я же вижу, что что-то случилось. Вы ужасно взвинчены, раздражаетесь из-за пустяков! Если это не секрет, то расскажите мне, в чем дело, вам станет легче.

Беранже *(встает и нервно шагает по комнате)*. Где уж там легче!

Эдуард. Что же все-таки случилось?

Беранже. О, ничего, ничего и всё... всё, всё...

Эдуард. Мне бы хотелось чашку чая, если можно...

Беранже *(переходя внезапно на патетический тон трагических сообщений)*. Дорогой Эдуард, я сокрушен, безутешен, я в отчаянии!

Эдуард *(тем же тоном, что и прежде)*. Сокрушен — чем, в отчаянии — отчего?

Беранже. Моя невеста стала жертвой убийства.

Эдуард. Что-что?

Беранже. Моя невеста стала жертвой убийства, слышите?

Эдуард. Ваша невеста? Вы помолвлены? Вы никогда не говорили мне, что собираетесь жениться. Примите мои поздравления... И соболезнования. Кто ваша невеста?

Беранже. По правде сказать... она была мне не совсем невеста... Это была просто девушка, девушка, которая могла бы ею стать.

Эдуард. Ах вот как!

Беранже. Девушка столь же прекрасная, сколь и нежная, мягкая, чистая, как ангел. Это ужасно. Слишком ужасно.

Эдуард. Вы давно ее знали?

Беранже. Быть может, всю жизнь. И уж точно с сегодняшнего утра.

Эдуард. Не так давно.

Беранже. У меня ее отняли... отняли!.. Я... *(Драматический жест рукой.)*

Эдуард. Как это, должно быть, тяжело... Будьте так любезны, не найдется ли у вас чая?

Беранже. Извините, я забыл... Из-за этой трагедии... которая разбила мне жизнь! Да, да, конечно, найдется!

Эдуард. Понимаю вас.

Беранже. Вы не в состоянии меня понять.

Эдуард. О, в состоянии!

Беранже. Я забыл, я не могу угостить вас чаем. Он заплесневел.

Эдуард. Тогда рюмку рома, если можно... Я совершенно продрог.

Беранже, продолжая говорить, берет бутылку рома, наливает Эдуарду, протягивает ему рюмку.

Беранже. Я вечно буду тосковать по ней. Жизнь моя кончена. Эта рана не затянется никогда!

Эдуард. Вы совершенно истерзаны, мой бедный друг! *(Берет рюмку.)* Спасибо. *(По-прежнему равнодушно.)* Мой бедный друг!

Беранже. И если бы только одно это, только убийство моей несчастной невесты! Знаете ли вы, какие творятся чудовищные вещи в мире, в нашем городе... ужасные! невообразимые... совсем близко отсюда... сравнительно близко... Выражаясь фигурально, прямо здесь, вот здесь! *(Бьет себя в грудь.)*

Эдуард выпивает ром, давится и закатывается в кашле.

Вам нехорошо!

Эдуард. Ничего, ничего. Просто ром крепкий. *(Продолжает кашлять.)* Наверное, попало не в то горло.

Беранже *(одной рукой хлопает Эдуарда по спине, чтобы остановить кашель, другой забирает у него рюмку).* Мне казалось, что я вновь все обрел, все обрел. *(Эдуарду.)* Поднимите голову. Посмотрите вверх. Сейчас пройдет... *(Продолжает.)* Все, что я потерял, все, чего не терял, все, что мне принадлежало и что не принадлежало мне никогда...

Эдуард *(Беранже, который продолжает похлопывать его по спине).* Спасибо... Все в порядке... вы мне делаете больно... хватит, прошу вас.

Беранже *(ставит рюмку на стол; Эдуард сплевывает в платок).* Мне казалось, что навсегда вернулась весна... что я держу в руках неуловимое, грезу, разгадку, жизнь... все, что мы успели потерять.

Эдуард *(покашливая).* Ну да. Разумеется.

Беранже. Все наши неосознанные стремления, все, чего мы смутно желаем в самой глубине своего существа, не отдавая себе отчета... Ах, мне почудилось, что я всем вла-

дею... Это была какая-то неведомая земля волшебной красоты...

Эдуард. Вечно у вас какие-то несбыточные мечты в голове. Вы ставите себе недостижимые цели.

Беранже. Но я там был! И эта девушка...

Эдуард. Факт тот, что вас там больше нет и ее нет! Вы запутались в ненужных проблемах. Да. В вас постоянно живет какое-то недовольство, нежелание смириться.

Беранже. Потому что я задыхаюсь... Я дышу чуждым мне воздухом.

Эдуард (*покашливая*). Вы должны быть счастливы уже потому, что здоровы, что вы не инвалид и не калека.

Беранже (*не обращая внимания на слова Эдуарда*). Нет. Нет. Я видел это своими глазами, мне почудилось, что я попал куда-то... как бы в иной мир. Да, только красота может заставить цвести цветы вечной весны... бессмертные цветы... увы, это был всего лишь обманчивый свет!.. И опять, опять все рухнуло в пропасть... в один миг, в один миг! Неизбежно повторяется одно и то же крушение... (*Все это говорится с декламаторским пафосом, искренне, но на грани пародии.*)

Эдуард. Вы думаете только о себе.

Беранже (*слегка раздражаясь*). Неправда. Неправда. Я думаю не только о себе. И не из-за себя... вернее, не из-за себя одного я сейчас страдаю и отказываюсь покориться! Наступает час, когда человек не может больше мириться с теми ужасами, которые творятся рядом...

Эдуард. Но так устроен мир! Вот я, к примеру, болен... но я же смирился...

Беранже (*перебивает его*). Это тяжело, страшно тяжело, особенно когда перед глазами вдруг что-то забрезжило... и показалось, что можно надеяться... Ах, теперь уже надеяться больше нельзя... я устал... она мертва... они мертвы, их всех убьют... невозможно помешать...

Эдуард. Но отчего же она умерла, эта ваша невеста, которая, возможно, никогда не существовала? И кого еще должны убить помимо тех, кого убивают обычно? О чем вы, в сущности, говорите? Или, может быть, речь идет о ваших мечтах? Это их убивают? Пока я слышу одни общие слова.

Беранже. Это не общие слова...

Эдуард. Прошу прощения. Я вас совершенно не понимаю. Я не...

Беранже. Вы, как всегда, сидите в своей дыре и ничего не знаете. Вы никогда ничего не знаете. Где вы живете?

Эдуард. Вот и просветите меня, говорите конкретно.

Беранже. Это абсолютно невероятно. В нашем городе, если вы не в курсе, есть прекрасный квартал...

Эдуард. Ну-ну...

Беранже. Да, прекрасный квартал. Я нашел его, я сейчас как раз оттуда. Его еще называют Сияющий город.

Эдуард. И что дальше?

Беранже. Вопреки своему названию, это вовсе не образцовый уголок радости. Злодей, ненасытный убийца превратил его в ад.

Эдуард (*кашляя*). Простите, что я кашляю, я не нарочно!

Беранже. Вы меня слышите?

Эдуард. Прекрасно слышу: убийца превратил его в ад.

Беранже. Он терроризирует людей, убивает всех без разбора. Жители покидают квартал. Его скоро не будет.

Эдуард. А, как же, как же, я все понял! Это, вероятно, тот нищий, который показывает фотографию полковника, и пока человек смотрит, толкает его в воду! Ловушка для ротозеев. Я-то думал, вы о чем-то другом. Если дело только в этом...

Беранже (*изумленно*). Вы знали? Вам все это было известно?

Эдуард. Давным-давно, помилуйте! Я думал, вы рассказываете что-то новое, про какой-то другой прекрасный квартал.

Беранже. Почему же вы никогда мне ни слова не говорили?

Эдуард. Я считал, что тут и говорить не о чем. Весь город знает эту историю, я даже удивляюсь, что вы до сих пор ничего не слышали, это новость с большой бородой. Кто ее не знает?.. Мне казалось, что незачем вам о ней и сообщать.

Беранже. Как? Неужели все знают?

Эдуард. Говорю вам, все! Я же, например, знаю. Все это давно известно, пережевано и переварено. Даже школьники в курсе...

Беранже. Даже школьники?.. Вы уверены?

Эдуард. Совершенно. *(Покашливает.)*

Беранже. Как же школьники могли узнать?..

Эдуард. Слышали, что говорят родители... или старшеклассники... или учитель, когда учит их читать и писать... Не дадите ли вы мне еще рому?.. Или, пожалуй, нет, мне от него плохо. Лучше воздержаться. *(Возвращается к теме.)* Это плачевно, конечно.

Беранже. Весьма плачевно. Чрезвычайно плачевно...

Эдуард. Что поделаешь!

Беранже. Позвольте мне в свою очередь тоже выразить вам свое удивление тем, что вас это не трогает... Я всегда полагал, что вы человек отзывчивый, гуманный.

Эдуард. Возможно, я такой и есть.

Беранже. Но это же ужасно! Ужасно!

Эдуард. Я согласен. Я с вами не спорю.

Беранже. Ваше равнодушие меня возмущает! Говорю вам это прямо в глаза.

Эдуард. Что вы хотите... я...

Беранже *(громче)*. Ваше равнодушие меня возмущает!

Эдуард. Поймите... для вас это новость совсем свежая...

Беранже. Это не довод. Вы удручаете меня, Эдуард, честное слово, удручаете...

У Эдуарда начинается внезапный приступ кашля. Он сплевывает в платок.

Беранже *(бросается к Эдуарду, который на грани обморока)*. Вам дурно!

Эдуард. Воды!

Беранже. Сейчас, сейчас. Я принесу. *(Поддерживает его.)* Ложитесь сюда... на диван.

Эдуард *(между двумя приступами)*. Мой портфель... *(Беранже наклоняется, чтобы поднять портфель. Несмотря на крайнюю слабость, Эдуард рывком высвобождается из рук Беранже и выхватывает у него портфель.)* Не надо... я сам... *(Завладев портфелем, Эдуард, еле держась на ногах, кое-как добирается с помощью Беранже до дивана. Не выпуская портфеля из рук, он ложится и кладет портфель рядом.)*

Беранже. Вы весь в поту...

Эдуард. Но меня бьет озноб... ах, мой кашель, это просто ужасно...

Беранже. Смотрите не простудитесь. Давайте я укурю вас одеялом.

Эдуард (*дрожа*). Не беспокойтесь. Пустяки... сейчас пройдет...

Беранже. Устраивайтесь поудобнее. Отдыхайте.

Эдуард. Стакан воды!

Беранже. Сию минуту... Сейчас принесу.

Беранже быстро выходит; слышно, как течет из крана вода. В это время Эдуард приподнимается на локте, перестает кашлять, с тревогой ощупывает рукой замок огромного черного портфеля, потом, успокоенный, снова укладывается и продолжает кашлять, но уже не так сильно. У зрителя не должно складываться впечатление, что Эдуард притворяется: он действительно болен. Есть у него и другие причины для беспокойства, например, портфель. Он вытирает со лба пот.

Беранже (*возвращается, неся стакан воды*). Вам лучше?

Эдуард. Спасибо... (*Отпивает глоток. Беранже убирает стакан.*) Извините, это все несуразно. Теперь мне хорошо.

Беранже. Это я должен перед вами извиниться. Мне следовало сообразить... Когда человек сам болен, так серьезно болен, как вы, ему трудно принимать близко к сердцу что-то еще... Я был несправедлив к вам. В конечном счете, не исключено, что эти жуткие преступления в сияющем городе и есть причина вашей болезни. Вы испытали потрясение, быть может, неосознанно. Да, несомненно, именно это и подтачивает ваше здоровье. Нельзя судить сгоряча, я был не прав. Нам не дано проникнуть в чужую душу...

Эдуард (*вставая*). Я замерзаю в вашем доме...

Беранже. Не вставайте. Я сейчас принесу одеяло.

Эдуард. Не пойти ли нам лучше прогуляться, подышать воздухом? Я слишком долго ждал вас в этом холоде. На улице наверняка теплее.

Беранже. Я так устал, так подавлен. Я бы предпочел лечь спать... Ну ладно, раз вам так хочется, давайте выйдем ненадолго!

Эдуард. Вы очень отзывчивы! (*Надевает фетровую шляпу с траурной повязкой, застегивает и отряхивает темную пальто; Беранже тоже надевает шляпу. Эдуард берет свой тяжелый, набитый до отказа портфель. Беранже поворачивается к нему спиной и идет к двери первым. Эдуард сле-*

дует за ним. Когда он проходит мимо стола и хочет пронести над ним портфель, портфель открывается и часть содержимого высыпается на стол; сверху падают большие фотографии.) Мой портфель!

Беранже (оглядываясь). Что слу... Ах!..

Оба одновременно бросаются к портфелю.

Эдуард. Оставьте, оставьте!

Беранже. Да нет же, подождите, дайте я вам помогу... (Замечает фотографии.) Но... но... что это у вас такое?

Берет одну из фотографий. Эдуард пытается, не очень, однако, нервничая, отнять ее, прикрывает руками другие фотографии, которые продолжают сыпаться из портфеля, силится засунуть их обратно.

Беранже (не выпуская фотографию из рук, смотрит на нее, вопреки сопротивлению Эдуарда). Что это такое?

Эдуард. Фотография, надо полагать... фотографии.

Беранже (продолжая разглядывать фотографию). Это какой-то военный, усатый, с нашивками... полковник, при всех наградах, с крестом Почетного легиона... (Берет другие фотографии.) Еще! И везде один и тот же человек!

Эдуард (тоже смотрит). Да... в самом деле... это полковник. (Он делает попытку прикрыть фотографии рукой, но они продолжают сыпаться из портфеля в огромном количестве.)

Беранже (решительно). Дайте мне посмотреть! (Роется в портфеле, достает еще фотографии, рассматривает одну из них.) У него приятное лицо. В чем-то даже трогательное. (Достает еще фотографии. Эдуард вытирает со лба пот.) Что все это значит? Но это же та самая фотография, та самая пресловутая фотография полковника! Она была у вас в портфеле... и вы никогда мне об этом не рассказывали!

Эдуард. Я же не заглядываю в портфель каждые пять минут!

Беранже. Но ведь портфель ваш, и вы никогда с ним не расстаесь!

Эдуард. Из этого еще не следует...

Беранже. Ладно... Надо ковать железо, пока горячо. Раз уж мы за это взялись, поищем еще... (Беранже запускает руку в гигантский портфель. Эдуард тоже роется там своей больной рукой, неестественно белой, со скрюченными паль-

цами, которая сейчас видна очень отчетливо.) Еще фотографии полковника... еще... еще. (Эдуарду, который тоже вытаскивает что-то из портфеля с ошеломленным видом.) Что это?

Эдуард. Искусственные цветы, как вы сами видите.

Беранже. Да их тут целый ворох!.. А это?.. Смотрите-ка, порнографические открытки... (Рассматривает их. Эдуард подходит и заглядывает через плечо Беранже.) Какая мерзость!

Эдуард. Прошу прощения! (Отступает на шаг.)

Беранже (отшвыривает порнографические открытки, продолжает осмотр). Конфеты... копилки... (Вместе с Эдуардом вываливает из портфеля груды каких-то мелочей.) детские часы!.. Но для чего вам все это?

Эдуард (запинаясь). Я... я не знаю... я же говорю вам...

Беранже. Что вы с этим делаете?

Эдуард. Что с этим можно делать?

Беранже (продолжает вынимать из портфеля, устроенного по принципу «волшебного» мешка фокусников, самые неожиданные предметы, которые в невероятном количестве рассыпаются по столу, падают на пол). ...булавки... еще булавки... перьевые ручки... и еще... еще... Что это такое?

Важно, чтобы эта сцена продолжалась достаточно долго; какие-то предметы начинают летать по воздуху, другие Беранже сам расшвыривает по полу.

Эдуард. Это?.. не знаю... ничего я не знаю... я не в курсе.

Беранже (показывая ему коробку). Что это такое?

Эдуард (берет ее в руки). Мне кажется, это коробка, как по-вашему?

Беранже. В самом деле. Картонная коробка. Что там внутри?

Эдуард. Я не знаю, не знаю, не могу вам сказать.

Беранже. Так откройте же, откройте ее!

Эдуард (почти равнодушно). Пожалуйста... (Открывает коробку.) Там ничего нет! Ах нет, там другая коробка... (Достает коробку поменьше.)

Беранже. А в этой что?

Эдуард. Посмотрите сами.

Беранже (открывает вторую коробку и достает третью). Еще одна коробка. (Заглядывает в нее.) В ней еще одна.

(Вынимает следующую коробку.) А в ней еще... *(Открывает.)* А там еще коробка... и так до бесконечности! Надо посмотреть дальше...

Эдуард. О, смотрите, если хотите... Но тогда мы уже не успеем пойти погулять...

Беранже *(вынимая одну за другой все новые и новые коробки).* Коробка в коробке... коробка в коробке... коробка в коробке... коробка в коробке!..

Эдуард. Одни коробки...

Беранже *(вынимая из портфеля пригоршню сигарет).* Сигареты!

Эдуард. Это-то мои!.. *(Собирает сигареты, потом, спохватившись.)* Возьмите сигарету, если хотите...

Беранже. Спасибо, не курю.

Эдуард кладет пригоршню сигарет в карман, остальные катятся по столу, сыплются на пол.

Беранже *(пристально глядя на Эдуарда).* Это вещи злодея! Они были у вас в портфеле!

Эдуард. Я ничего об этом не знал, я не знал! *(Протягивает руку, чтобы забрать портфель.)*

Беранже. Нет, нет! Вытряхивайте все! Ну, давайте!

Эдуард. Меня это утомляет. Вытряхивайте сами, если хотите, но я не вижу в этом никакой необходимости. *(Протягивает Беранже раскрытый портфель.)*

Беранже *(доставая еще одну коробку).* Опять всего лишь коробка.

Эдуард. Вы же видите.

Беранже *(заглядывая в пустой портфель).* Больше там ничего нет!

Эдуард. Могу я все положить назад? *(Собирает вещи и в беспорядке запикивает их в портфель.)*

Беранже. Весь набор злодея! Это же весь набор злодея! Невероятно!..

Эдуард *(продолжая собирать вещи).* Э... да... пожалуй, с этим не поспоришь... Что есть, то есть.

Беранже. Как все это оказалось в вашем портфеле?

Эдуард. Право... Я... Что я могу вам ответить?.. Есть вещи, которые не всегда поддаются объяснению... Можно я все соберу?

Беранже. Наверное, да... Зачем это вам? *(Помогает Эдуарду)*

ду засовывать в портфель предметы, которые перед тем оттуда вынул; внезапно, когда он хочет положить в портфель последнюю, не открытую им коробку, она открывается сама: на стол высыпаются какие-то документы и несколько десятков визитных карточек — все это происходит в стиле циркового фокуса.) Смотрите, визитные карточки!

Эдуард. Да. Визитные карточки. В самом деле, это поразительно... ну и ну!

Беранже (*рассматривает визитные карточки*). Это, должно быть, его фамилия.

Эдуард. Чья фамилия?

Беранже. Преступника, чья же еще? Фамилия преступника!

Эдуард. Вы полагаете?

Беранже. По-моему, это очевидно.

Эдуард. Правда? Почему?

Беранже. Вы же сами прекрасно понимаете. На всех карточках одна и та же фамилия. Вот, читайте! (*Протягивает несколько штук Эдуарду.*)

Эдуард (*читает карточки*). В самом деле... одна и та же фамилия... вы правы!

Беранже. Ах... но... это становится все более и более странно, дорогой Эдуард, да... (*Смотрит на него.*) Все более и более странно!

Эдуард. Неужели вы думаете, что...

Беранже (*доставая из коробки бумаги*). Вот и его адрес...

Эдуард покашливает с видом легкого беспокойства.

И удостоверение личности... Его фотография!.. Это точно он... Его фотография приколотая к фотографии полковника! (*Все больше и больше возбуждаясь.*) Список с... именами всех жертв... их адреса!.. Он у нас в руках, Эдуард, он у нас в руках!

Эдуард (*протягивает Беранже неведомо откуда взявшуюся шкатулку: он вынимает ее, как фокусник, из кармана или из рукавов; это может быть плоская коробка, которая принимает кубическую форму, когда он ее достает*). Есть еще вот что...

Беранже (*возбужденно*). Скорей покажите! (*Открывает шкатулку, достает другие бумаги, раскладывает их на столе.*) Тетрадь... (*Листает.*) «Тринадцатое января: сегодня я убью...

четырнадцатое января: вчера вечером я столкнул в бассейн старуху, у которой были очки в золотой оправе...» Это его дневник! (*Лихорадочно листает дальше. Эдуарду явно не по себе.*) «Двадцать третье января: для убийства ничего не подвернулось. Двадцать пятое января: опять нечем пожить!»...

Эдуард (*робко*). А мы не совершаем нескромность?

Беранже (*продолжает*). ...«Двадцать шестое января: вчера вечером, когда я уже ни на что больше не надеялся и совсем заскучал, мне удалось уговорить двух человек посмотреть у бассейна фотографию полковника... ..февраля: завтра рассчитаю уговорить наконец молодую блондинку, которую я уже обрабатываю несколько дней, взглянуть на фотографию...» Ах, да это же о Дани, о моей бедной невесте...

Эдуард. Что ж, весьма вероятно.

Беранже (*продолжает перелистывать страницы*). Но взгляните же, Эдуард, взгляните, это поразительно...

Эдуард (*читает через плечо Беранже*). «Криминалистика». Что это значит?

Беранже. Теория преступления... Перед нами его кредо, вся его система... И вот еще, видите? Читайте...

Эдуард (*читает через плечо Беранже*). Подробные признания.

Беранже. Он у нас в руках, этот презренный негодяй!

Эдуард (*читает*). «Планы на будущее. План действий».

Беранже. Дани, дорогая моя, ты будешь отомщена! (*Эдуарду.*) У вас же тут все доказательства. Все, что нужно для его ареста. Вы отдаете себе в этом отчет?

Эдуард (*запинаясь*). Я не знал... не знал...

Беранже. Вы могли спасти столько человеческих жизней!

Эдуард (*все так же запинаясь*). Да... Теперь я вижу. Я смущен. Я не знал. Я никогда не знаю, что у меня в портфеле, я вообще не заглядываю туда.

Беранже. Какое преступное упущение!

Эдуард. Вы правы, я виноват, я не нахожу себе места.

Беранже. И однако, все эти вещи не сами забрались к вам в портфель. Вы их нашли, кто-то вам их дал.

Эдуард (*кашляет, вытирает лоб, пошатывается*). ... Мне стыдно... я не знаю, как объяснить... мне самому непонятно... Я...

Беранже. Не краснейте. Мне жаль вас, друг мой. Сознаете ли вы, что на вас отчасти лежит ответственность за убийство Дани?.. И стольких других!

Эдуард. Простите меня... я не знал.

Беранже. Давайте подумаем, что же нам делать. Сожалеть теперь, увы, бессмысленно. Угрызения совести не помогут.

Эдуард. Вы правы, правы, правы. *(Делает усилие, припоминая)*. Ах да, теперь я припоминая. Это смешно, то есть совсем не смешно. Преступник прислал мне свой дневник, свои записи и картотеку давным-давно и просил опубликовать их в каком-нибудь литературном журнале. Это было задолго до совершения преступлений.

Беранже. Однако он записывает то, что им уже сделано. Как моряк в судовом журнале.

Эдуард. Нет-нет. Тогда это было просто предвидение... обыкновенная игра воображения. У меня это вылетело из головы. Думаю, тогда он и сам не имел намерения совершать убийства. Его довело до этого воображение. Несомненно, он лишь позднее решил осуществить свои замыслы на деле. Я-то видел в них лишь безобидные грезы...

Беранже *(воздевая руки к небу)*. Как вы наивны!

Эдуард *(продолжая)*. ...своего рода научную фантастику убийства, особый жанр поэзии, литературы...

Беранже. Литература может привести к чему угодно. Разве вы не знаете?

Эдуард. Но нельзя же запретить писателям писать или поэтам грезить!

Беранже. А следовало бы!

Эдуард. Я очень сожалею, что не задумался над этим вовремя, не сопоставил бумаги с реальными событиями...

Не прерывая разговора, Эдуард и Беранже снова начинают собирать и по мере возможности укладывать в портфель предметы, разбросанные по полу, по столу, по креслам.

Беранже *(запихивая вещи в портфель)*. Очевидно, однако, что намерение здесь первично, а исполнение вторично, это ясно как день...

Эдуард *(доставая из кармана большой конверт)*. Есть еще вот что!

Беранже. Что это? *(Распечатывает и открывает конверт.)*

Да это же карта, план... А крестики на плане что означают?

Эдуард. По-моему... ну да... это места, где должен находиться убийца...

Беранже (*рассматривая разложенную на столе карту*). А это? Девять часов пятнадцать минут, тринадцать часов двадцать семь минут, пятнадцать часов сорок пять минут, восемнадцать часов три минуты...

Эдуард. Это, видимо, график передвижений. Все расписано заранее. Пункт за пунктом, час за часом, минута за минутой.

Беранже. ...Двадцать три часа девять минут две секунды...

Эдуард. Секунда за секундой. (*Со смесью восхищения и равнодушия*.) Он времени не теряет.

Беранже. Не будем и мы терять время. Все очень просто. Надо сообщить в полицию. Им останется только задержать его. Но надо торопиться, канцелярия префектуры к вечеру закрывается. Ночью там никого нет. Не сегодня завтра он может изменить свои планы. Пойдемте скорее к архитектору, к комиссару...

Эдуард. Вы становитесь человеком действия. Я...

Беранже (*продолжает, не слушая его*). Покажем ему улики!

Эдуард (*вяло*). Я не против.

Беранже (*возбужденно*). Тогда пошли. Нельзя терять ни секунды! Скорее, давайте соберем все, что осталось... (*Заглатывают как попало вещи в огромный портфель, рассовывают по карманам, за подкладку шляп*.) Ни один документ не должен быть забыт... скорее!

Эдуард (*еще более вяло*). Конечно, конечно.

Беранже (*закрывает портфель, оставив на полу, на столе несколько визитных карточек или каких-то других мелочей*). Скорей, не спите на ходу, скорей, скорей... Нам нужны все улики до одной... Так, теперь запирайте понадежней... на ключ...

Эдуард начинает суетиться, пытается запереть портфель маленьким ключиком, у него не получается, он делает передышку, чтобы откашляться.

На два оборота!.. Сейчас не время кашлять!

Эдуард изо всех сил сдерживается, пытаясь попасть ключиком в замок.

Ох, до чего же вы неловки, еле двигаете пальцами. Больше

жизни, ну, больше жизни!.. Шевелитесь же! Ох, дайте мне сюда... *(Берет у Эдуарда портфель и ключ.)*

Эдуард. Простите, меня и правда руки не очень слушаются...

Беранже. Даже не умеете запереть свой собственный портфель. Отдайте же мне ключ наконец! *(Вырывает из рук у Эдуарда ключ, который тот успел у него забрать.)*

Эдуард. Берите, вот он.

Беранже *(запирает портфель)*. Без ключа разве можно запереть? Готово. Держите ваш ключ, пусть он будет у вас...

Эдуард. Спасибо.

Беранже. Положите его в карман. А то потеряете.

Эдуард повинуется.

Так. Пошли... *(Эдуард берет портфель. Беранже идет к двери, за ним неохотно плетется Эдуард. Беранже оглядывается)*. Погасите, пожалуйста, свет.

Эдуард оглядывается, идет тушить свет. Оставляет портфель возле стула, где его и забудет. Это должно быть проделано очень заметно.

Пошли... Пошли... Шевелитесь... Шевелитесь...

Беранже с Эдуардом выходят. Слышно, как открывается и захлопывается дверь комнаты. Раздаются их шаги в парадном. Зритель видит, как они идут по улице, и все городские шумы вновь делаются слышны. В спешке они толкают стоящую перед окном консьержку. Беранже тянет Эдуарда за руку. Уходят.

Консьержка *(едва удерживаясь на ногах)*. Это же надо додуматься... *(Конец фразы разобрать невозможно.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Большой проспект за чертой города. На заднем плане перспективу перекрывает возвышение длиной в несколько метров, улица здесь располагается как бы на двух уровнях, причем верхний тротуар обнесен глухим барьером, за которым ничего не видно. Снизу к нему с двух сторон ведут ступени, тоже отгороженные от зрителя высокими перилами. Это должно напоминать каменные лесенки на старинных улицах Парижа, таких, как улица Жана де Бовэ. Позже на заднем плане появится заходящее солнце, огромное, красное, но тусклое. Свет исходит не от него.

Итак, в глубине имеется возвышение, образующее вместе с барьером нечто вроде стены высотой метра полтора или два, в зависимости от высоты самой сцены. Эта стена потом исчезнет, и за ней откроется перспектива длинной улицы с высокими корпусами вдали — это здания префектуры. Сцена может быть и с наклоном. В этом случае лестницы не нужны.

Справа, на первом плане, небольшая скамейка. Перед поднятием занавеса слышатся возгласы: «Да здравствуют гуси мамаша Глот! Да здравствуют гуси мамаша Глот!»

Открывается занавес. На возвышении, за барьером, видна по пояс мамаша Глот, немолодая толстуха, похожая на консьержку из второго действия. Она держит речь перед скрытой от зрителя толпой, над барьером колыхнутся лишь два или три флага с белым гусем на зеленом фоне.

Мамаша Глот (*потрясая зеленым знаменем с изображением гуся*). Люди! Я, мамаша Глот, занимаюсь разведением общественных гусей и имею за плечами немалый политический опыт. Вручите мне вожжи государственной телеги, мои гуси выпрягнутся в нее и повезут воз вперед. Голосуйте за меня! Окажите мне доверие. Мои гуси и я готовы принять на себя бремя власти!

Слышатся крики толпы: «Да здравствует мамаша Глот! Да здравствуют гуси мамаша Глот!» Колыхнутся знамена. Справа появляется Беранже, а следом за ним Эдуард. Эдуард запыхался. Беранже тянет его за рукав. Так они пересекают сцену справа налево, затем слева направо. Во время их реплик мамаша Глот не слышно. Видно лишь, как она жестикулирует и широко разевает рот, при этом возгласы невидимой толпы образуют приглушенный звуковой фон. Речь мамаша Глот и крики народа снова становятся отчетливо слышны, как только Эдуард и Беранже умолкают.

Беранже. Ну, ну, живет, да живет же! Еще одно небольшое усилие! Нам нужно туда, в самый конец проспекта. (*Указывает вдаль*). Вон она, префектура, надо только успеть

вовремя, пока не закрылась канцелярия. Через полчаса будет поздно. Архитектор, то есть комиссар уйдет домой. Я уже объяснял вам, почему нельзя ждать до утра. Не сегодня завтра убийца возьмет и смоемся... или будут новые жертвы! Он не может не чувствовать, что я иду по его следу.

Эдуард (*борясь с одышкой, вежливо*). Секундочку, пожалуйста, я не могу так быстро...

Мамаша Глот. Соотечественники и соотечественницы...

Беранже. Идемте, идемте...

Эдуард. Дайте мне передохнуть... Я больше не могу.

Беранже. У нас нет времени.

Мамаша Глот. Соотечественники и соотечественницы...

Эдуард. Я больше не могу. (*Садится на скамейку.*)

Беранже. Ладно. Что ж поделаешь! Но только секунду, не больше. (*Останавливается возле скамейки.*) А это что еще за сборище?

Эдуард. Предвыборный митинг.

Мамаша Глот. Голосуйте за нас! Голосуйте за нас!

Беранже. Похоже, это наша консьержка.

Эдуард. Вам померещилось. Это известный политический деятель, гусятница мамаша Глот. Очень крупная фигура.

Беранже. Это имя мне что-то говорит. Но слушать ее нам некогда.

Эдуард (*Беранже*). Присядьте на минутку, вы ведь тоже чувствуете себя усталым.

Мамаша Глот. Народ, ты введен в заблуждение. Ты будешь выведен из заблуждения.

Беранже (*Эдуарду*). Мне некогда чувствовать себя усталым.

Толпа. Долой заблуждение! Да здравствуют гуси мамаша Глот!

Эдуард (*Беранже*). Извините меня. Одну секунду. Вы же сами сказали, секунду можно.

Мамаша Глот. Я выпестовала для вас целое стадо борцов за правду. Они выведут вас из заблуждения. Но чтобы вывести из заблуждения, надо сначала в него ввести. Нам необходимо новое заблуждение.

Беранже. У нас нет времени, у нас нет времени!

Голоса из толпы. Да здравствует заблуждение борцов за правду!

Беранже. Мы не можем терять ни минуты! (*Садится, однако, на скамейку, глядя на часы.*) Время идет.

Голоса из толпы. Да здравствует новое заблуждение!

Беранже (*Эдуарду*). Пошли.

Эдуард (*Беранже*). Не волнуйтесь. Сейчас столько же времени, сколько было, когда мы сюда пришли, вы же сами видите.

Мамаша Глот. Обещаю вам все изменить. Чтобы все изменить, ничего не следует менять. Меняем названия, не меняем суть. Психологический анализ, социологический анализ вскрыли несостоятельность старых заблуждений. Наше новое заблуждение будет неуязвимо. Возможны лишь отдельные недоразумения, которые будут немедленно разъясняться. Мы поднимем ложь на невиданный уровень совершенства.

Беранже (*Эдуарду*). Пойдемте.

Эдуард. Хорошо.

Беранже (*замечает, что у Эдуарда, который с трудом поднимается со скамейки, нет в руках портфеля*). Где портфель?

Эдуард. Портфель? Какой портфель? Ах да, портфель. Наверное, на скамейке. (*Смотрит на скамейку.*) Нет. На скамейке его нет.

Беранже. Непостижимо! Он же всегда при вас!

Эдуард. Может быть, он под скамейкой.

Мамаша Глот. Мы спасем человечество от отчуждения!

Беранже (*Эдуарду*). Ну ищите же, ищите!

Ищут вместе под скамейкой, вокруг скамейки, по всей сцене.

Мамаша Глот (*толпе*). Спасти человечество от отчуждения можно лишь посредством отчуждения каждого человека в отдельности... Отчуждение каждого есть залог победы над отчуждением всех... И вы будете получать бесплатный суп!

Толпа. У нас будет бесплатный суп и гуси мамыши Глот!

Беранже (*Эдуарду*). Давайте же искать, скорее, скорее! Где вы могли его оставить?

Мамаша Глот (*продолжает свою речь, пока Беранже и Эдуард ищут портфель — Беранже лихорадочно, Эдуард лениво*). Мы никого не будем подвергать гонениям, но мы бу-

дем карать и вершить справедливость. Мы не будем завоевывать чужие страны, мы будем вводить туда армию, чтобы их освободить. Мы не будем эксплуатировать людей, мы превратим их в активных созидателей. Принудительный труд будет называться добровольным трудом. Война будет называться миром, и все пойдет по-другому благодаря мне и моим гусям.

Беранже (*продолжая поиски*). Невероятно! Невероятно! Куда он мог подеваться? Надеюсь, у вас его не украли. Это была бы катастрофа, катастрофа!

Толпа. Да здравствуют гуси мамыши Глот! Да здравствует бесплатный суп!

Мамаша Глот. Вновь восстановленная тирания будет называться «дисциплина и свобода». Несчастье всех людей есть счастье человечества!

Беранже (*Эдуарду*). Вы просто не понимаете, какое это бедствие, мы ничего не сможем добиться без улик, без документов. Нам никто не поверит.

Эдуард (*беспечно*). Не беспокойтесь, найдется. Давайте поищем спокойно. Спокойствие — это все. (*Снова принимают искать.*)

Мамаша Глот (*толпе*). Наши методы будут более чем научными. Они будут паранаучными! Наша логика будет логикой гнева. И вы получите бесплатный суп...

Толпа. Да здравствует мамаша Глот! Да здравствуют гуси! Да здравствуют гуси!

Голос из толпы. Мамаша Глот спасет нас от отчуждения!

Мамаша Глот. В эпоху паранауки объективность становится субъективной.

Беранже (*Эдуарду, заламывая руки*). Это дело рук преступника!

Эдуард (*Беранже*). Интересные вещи говорит мамаша Глот!

Толпа. Да здравствует мамаша Глот!

Беранже (*Эдуарду*). Говорю же вам, что это дело рук преступника!

Эдуард (*Беранже*). Вы полагаете?

Слева появляется мертвецки пьяный человек во фраке и в цилиндре, с портфелем в руке.

Пьяный. Я... (*икает*) я за... (*икает*)... за восстановление

в правах героя.

Беранже (*замечая его*). Вот он, портфель! У него. (*Направляется к вновь пришедшему.*)

Эдуард. Да здравствует мамаша Глот!

Беранже (*пьяному*). Где вы нашли этот портфель? Отдайте.

Пьяный. Вы против героя?

Мамаша Глот (*толпе*). А что до интеллигентов...

Беранже (*пытаясь вырвать у пьяного портфель*). Вор! Верните наш портфель!

Мамаша Глот. ...мы заставим их ходить гуськом, в затылок! Да здравствуют гуси!

Пьяный (*икая и крепко держа портфель*). Я не вор. Это мой портфель.

Голоса из толпы. Да здравствуют гуси!

Беранже (*пьяному*). Откуда он у вас? Где вы его купили?

Беранже трясет пьяного, тот икает.

Пьяный (*Эдуарду*). Вы действительно узнаете свой портфель?

Эдуард. Пожалуй... мне кажется, да.

Беранже (*пьяному*). Ну вот, лучше отдайте!

Пьяный. Я за героя.

Беранже (*Эдуарду*). Помогите же мне! (*Яростно нападает на пьяного*).

Эдуард. Да, да. (*Подходит к пьяному, но в потасовку не вмешивается. Смотрит на мамашу Глот.*)

Мамаша Глот. Разоблачая заблуждения, давным-давно разоблаченные, интеллигенты оставляют нас в покое.

Толпа. Да здравствует мамаша Глот!

Пьяный. Да говорю же вам, что это мой!

Мамаша Глот. Их скудоумие будет называться умом. Они будут смелы, то есть трусливы; прозорливы, то есть слепы.

Эдуард (*вместе с толпой*). Да здравствует мамаша Глот!

Беранже (*Эдуарду*). Сейчас не время ротозейничать! К черту мамашу Глот!

Эдуард (*пьяному, равнодушно*). Отдайте ему портфель или скажите, где вы его купили.

Пьяный (*икая*). Нам нужен герой!

Беранже (*пьяному, вырвав наконец у него портфель*). Что у вас там?

Пьяный. Не знаю, документы, наверное.

Беранже (*открывая портфель*). Вот забулдыга!

Эдуард (*пьяному*). Что вы понимаете под словом «герой»?

Мамаша Глот. Мы будем двигаться назад и окажемся в авангарде истории!

Пьяный (*пока Беранже роется в портфеле, а Эдуард рассеянно заглядывает ему через плечо*). Герой? Это тот, кто осмеливается думать наперекор истории и восстает против своего времени. (*Громко.*) Долой мамашу Глот!

Беранже (*пьяному*). Вы совершенно пьяны!

Пьяный. Герой побеждает свое время и создает новое.

Беранже (*извлекая из портфеля бутылки с вином*). Бутылки с вином!

Пьяный. Початые! Это не преступление!

Мамаша Глот. ...ибо история всегда права!

Беранже толкает пьяного.

Пьяный (*теряя равновесие и шлепаясь задом на землю*).
...Да ...когда здоровый смысл болен...

Беранже. А как же ваш здоровый смысл позволяет вам напиваться до такого состояния? (*Эдуарду.*) Но если это не ваш портфель, то где же ваш?

Пьяный. Я же говорил, что это мой! Долой мамашу Глот!

Эдуард (*по-прежнему безразлично, не двигаясь с места*).
Откуда мне знать? Я его ищу, вы же видите.

Толпа. Да здравствует мамаша Глот! Да здравствуют гуси мамашы Глот! Она даст нам перемены без перемен, перемены без перемен. (*Скандирует*).

Беранже (*Эдуарду*). С вашей стороны это непростительно!

Пьяный (*встает, шатаясь*). Долой мамашу Глот!

Эдуард (*Беранже, плаксиво*). Зачем вы меня обижаете!
Я больной.

Беранже (*Эдуарду*). Извините, я не хотел! Поймите мое состояние.

Справа входит робкий на вид старик с седой бородкой, невысокий, бедно одетый. В одной руке у него трость-зонт в другой — огромный черный портфель, такой же, как был у Эдуарда во втором действии.

Пьяный (*указывая на старика*). Да вот же ваш портфель!
Наверняка это он и есть.

Беранже бросается к старику.

Мамаша Глот. Если идеология не увязывается с жизнью, мы докажем, что она увязывается, и это будет неопровержимо. Добрая интеллигенция нас поддержит. Против старых заблуждений она выдвинет антизаблуждения. Мы заменим старые предрассудки...

Беранже (старик). Простите, мсье.

Мамаша Глот. ...лозунгами!.. И новыми предрассудками!

Старик (приподнимая шляпу). Простите, мсье, вы не скажете, где здесь Дунай?

Пьяный (старик). Вы за героя или против?

Беранже (старик). Ваш портфель чрезвычайно похож на портфель моего друга Эдуарда. (Указывает на Эдуарда.)

Эдуард (старик). Рад с вами познакомиться.

Толпа. Да здравствует мамаша Глот!

Старик (Эдуарду). Вы не скажете, как выйти в район Дуная?

Беранже. Сейчас речь не о районах!

Старик. Речь не о районах, а о самом Дунае.

Пьяный. Но ведь мы в Париже!

Старик. Я знаю. Я сам парижанин.

Беранже. Речь о вашем портфеле!

Пьяный (старик). Он хочет посмотреть, что у вас в портфеле.

Старик. Это никого не касается. Я сам не знаю, что у меня в портфеле. Я уважаю свои секреты.

Беранже. Хотите вы этого или нет, но вы нам покажете...

Беранже, пьяный и даже Эдуард пытаются вырвать портфель из рук старика, который сопротивляется и протестует.

Старик (отбиваясь). Я не позволю!

Мамаша Глот. У нас не будет спекулянтов. Я сама и мои гуси...

Все трое атакуют старика, стараясь отобрать портфель. Первым выхватывает портфель пьяный. Старик вновь завладевает им, тогда его вырывает Эдуард, однако старику удается снова отнять его. Можно усложнить эту сцену, использовав портфель пьяного, который кто-то принимает за портфель старика. Разочарование при виде бутылки и т. д.

Беранже (Эдуарду). Разиня!

Он хватается за портфель старика, тот отнимает его, наконец пьяный завладевает им окончательно.

Пьяный (*протягивая портфель Эдуарду*). Вот он.

Старик вырывает портфель и пытается убежать, его ловят и т. д. Тем временем мамаша Глот продолжает говорить.

Мамаша Глот. ...я сама и мои гуси будем заниматься распределением общественных благ. Мы будем делить по справедливости. Львиную долю я буду оставлять себе и моим гусям...

Толпа. Да здравствуют гуси!

Мамаша Глот. ...ибо необходимо поддерживать их силы, чтобы они еще успешнее тащили государственный воз.

Толпа. Львиную долю гусям! Львиную долю гусям!

Пьяный (*кричит в сторону мамаше Глот*). А свобода критики?

Мамаша Глот. Вперед, гуськом!

Толпа. Гуськом, гуськом!

Слышен ритмичный топот марширующих. Толпа продолжает кричать: «Гуськом, гуськом!» Тем временем старику удается удрать вместе с портфелем. Он убегает налево, за ним Бранже. Эдуард, который перед этим сделал вид, будто тоже бежит за стариком, возвращается назад и, покашливая, ложится на лавку. Пьяный направляется к нему.

Пьяный (*Эдуарду*). Совсем ты, брат, скис! Выпей-ка глоток! (*Пытается напоить Эдуарда вином из початой бутылки.*)

Эдуард (*отбиваясь*). Спасибо, не надо!

Пьяный. Надо, надо, это очень полезно. Сразу ставит на ноги.

Эдуард. Я не хочу на ноги.

Пьяный льет вино в рот Эдуарду, тот продолжает отбиваться. Вино проливается на землю, бутылка падает и разбивается. Не оставляя попыток напоить Эдуарда, пьяный одновременно обращается к мамаше Глот.

Пьяный (*заплетающимся языком*). Наука и искусство куда больше способствовали изменению человеческого сознания, чем политика. Подлинная революция совершается в лабораториях ученых, в мастерских художников. Эйнштейн, Оппенгеймер, Бретон, Кандинский, Пикассо, Павлов — вот истинные реформаторы жизни. Они расширяют круг наших знаний, обновляют наше видение мира, делают нас лучше. Скоро средства производства достигнут такого уровня, что голодных не будет. Экономическая проблема

разрешится сама собой. Социальные революции — это бессмысленные взрывы озлобления. (*Достает из портфеля другую бутылку и пьет.*) Пенициллин и борьба с алкоголизмом значат для истории намного больше, чем смена правительств.

Мамаша Глот (*пьяному*). Сволочь! Пьяны! Враг народа! Враг прогресса! (*Толпе.*) Отдаю на ваш суд пьяницу, врага прогресса!

Толпа. Долой врага прогресса! Убьем врага прогресса! **Эдуард** (*с трудом поднимаясь*). Все мы умрем. Вот единственный серьезный вид отчуждения.

Беранже (*возвращается, держа в руке портфель старика*). В портфеле ничего нет!

Старик (*догоняя Беранже*). Верните мне мой портфель!

Пьяный. Я герой! Я герой! (*Шатаясь, устремляется в глубину сцены и поднимается по ступенькам к мамаше Глот.*) Я мыслю иначе, чем все. Сейчас я им это скажу!

Беранже (*старика*). Это не наш портфель, возвращаю его вам, примите мои извинения.

Эдуард. Не ходите туда! Думать наперекор своей эпохе — героизм. Но говорить это вслух — безумие.

Беранже (*Эдуарду*). Это не ваш портфель. Но в таком случае где же ваш?

Между тем пьяный уже успел подняться по ступенькам и очутился рядом с мамашей Глот.

Мамаша Глот (*достает огромный портфель, которого до сих пор не было видно, и поднимает его вверх*). Я за свободу дискуссий! (*Бьет портфелем пьяного по голове.*) Ко мне, мои гуси! Отдаю вам его на съедение!

Мамаша Глот и пьяный, сцепившись, падают и исчезают за барьером. Поднимается невообразимый гвалт. В продолжение следующего диалога из-за барьера будут появляться по очереди то голова мамыши Глот, то голова пьяного, то обе вместе. Толпа кричит: «Да здравствует мамаша Глот! Долой пьяницу!» Наконец в последний раз появится устрашающе безобразная голова мамыши Глот. Прежде чем окончательно исчезнуть, она объявит: «Мои гуси с ним покончили». Вся сцена разыгрывается в стиле балаганных кукольных представлений.

Эдуард. Кто мудр, молчит. (*Старика.*) Не так ли, мсье?

Беранже (*заламывая руки*). Но где же он! Он нам совершенно необходим!

Старик. Где находятся набережные Дуная? Теперь-то вы

можете мне сказать!

Старик оправляет на себе одежду, закрывает пустой портфель, поднимает зонтик.

Мамаша Глот бьет пьяного портфелем, портфель открывается. Из него высыпаются какие-то четырехугольные карточки.

Беранже. Да вон же он, Эдуард, вон ваш портфель! Он у мамыши Глот. (*Замечает рассыпавшиеся квадратики бумаги.*) А вот и документы!

Эдуард. Вы полагаете?

Старик (*Эдуарду*). Да он же просто маньяк, он отнимает у всех портфели. Что он ищет?

Беранже наклоняется, подбирает карточки и с огорченным видом возвращается на авансцену, к Эдуарду и старику.

Эдуард. Он хочет найти мой портфель!

Беранже (*показывая карточки*). Это не документы. Это настольная игра «Гусиный шаг»!

Эдуард (*Беранже*). Очень увлекательная игра. (*Старику*.) Вы не согласны?

Старик. Я давно в нее не играл.

Беранже (*Эдуарду*). Как вы можете сейчас об этом думать! Вы должны думать о портфеле... О портфеле с документами. (*Старику*.) Там улики против опасного преступника!

Старик. Ах вот оно что, надо было сразу сказать!

В этот момент мамаша Глот, высунувшись из-за барьера в последний раз, произносит вышеозначенную реплику. Вслед за тем слышится тарыхтение грузовика, заглушающее крики толпы и голоса трех персонажей на авансцене. Они продолжают разговаривать, бурно жестикулируя, но ни слова не слышно. Появляется громадного роста полицейский, скрытый по пояс барьером. В руке у него белый жезл, которым он бьет по головам невидимых людей из толпы. В другой руке он держит свисток и свистит.

Первый полицейский. Проходите, проходите, дамы и господа, не задерживайтесь!

Толпа кричит: «Полиция, полиция! Да здравствует полиция!» Полицейский продолжает разгонять людей, молотя их по головам. Шум толпы постепенно стихает. Слева выезжает огромный военный грузовик и перегораживает половину верхней площадки.

Эдуард (*равнодушно*). Смотрите-ка, военный грузовик!

Беранже (*Эдуарду*). Не отвлекайтесь.

Другой военный грузовик, выехав с противоположной стороны, почти полностью занимает вторую половину верхней

площадки, оставив свободным лишь совсем крохотное пространство. Полицейский стоит между двумя грузовиками, там, где прежде стояла мамаша Глот. Ростом он заметно выше грузовиков.

Старик (Беранже). Надо было сразу сказать, что вы потеряли портфель с уликами. Я знаю, где он.

Полицейский (свистит). Не задерживайтесь, не задерживайтесь!

Старик (Беранже). Ваш друг скорее всего забыл его у вас дома, когда вы в спешке собирались уходить!

Беранже (старик). Откуда вы знаете?

Эдуард. Правильно, мне следовало бы самому догадаться. Вы нас тогда видели?

Старик. Вовсе нет. Я пришел к этому логическим путем.

Беранже (Эдуарду). Растяпа!

Эдуард. Простите меня... Мы так торопились!

Из военного грузовика вылезает молодой солдат с букетом красных гвоздик и усаживается на крышу кабины, свесив ноги. Он обмахивается букетом, как веером.

Беранже (Эдуарду). Возвращайтесь за ним, возвращайтесь за ним немедленно. Вы меня поражаете! А я пойду предупрежу комиссара, чтобы он нас подождал. Поторопитесь и постарайтесь как можно скорее меня нагнать. Префектура в самом конце проспекта. В таком деле, как наше, мне не хотелось бы оказаться на дороге в одиночестве. Это неприятно. Вы понимаете.

Эдуард. Понимаю, разумеется, понимаю. (Старик.) Благодарю вас, мсье.

Старик (Беранже). Не могли бы вы теперь мне сказать, где находится набережная Дуная?

Беранже (Эдуарду, который не сдвинулся с места). Да не стойте же, идите быстро. И скорее возвращайтесь!

Эдуард. Договорились.

Беранже. Я не знаю, извините, мсье.

Эдуард (очень медленно уходит направо, флегматично повторяя одно и то же). Договорились, я иду быстро. Я иду быстро. Одна нога здесь, другая там.

Беранже (старик). Надо спросить у полицейского!

Выходя, Эдуард едва не сталкивается со вторым полицейским, который появляется, свистя в свисток и меха-

нически подавая сигналы с помощью белого жезла. Он тоже должен выглядеть гигантом. Для этого можно использовать ходули.

Эдуард (*обходя полицейского, который на него не смотрит*). О! Извините, господин полицейский! (*Исчезает.*)

Беранже (*старик*). Вот как раз и полицейский! Можете у него справиться.

Старик. Он очень занят. Могу ли я осмелиться?

Беранже. Конечно. Он такой славный. (*Отходя в глубину сцены, кричит последний раз вслед Эдуарду.*) Поторопитесь!

Старик очень робко подходит ко второму полицейскому.

Старик (*застенчиво*). Господин полицейский! Господин полицейский!

Беранже (*идет в глубину сцены и ставит ногу на первую ступеньку*). Итак, вперед!

Первый полицейский (*на секунду вынув изо рта свисток и жезлом показывая Беранже, чтобы тот отошел*). Не стойте здесь, не стойте.

Беранже. Ужас! Какая пробка! Никогда, никогда я не дойду! (*Обращается попеременно то к одному, то к другому полицейскому.*) Какое счастье, господа полицейские, что вы здесь, что вы налаживаете движение! Вы не представляете себе, насколько эта пробка для меня сейчас некстати!

Старик (*второму полицейскому*). Извините, господин полицейский.

Обращаясь к полицейскому, старик почтительно снимает шляпу и низко кланяется. Второй полицейский не отвечает, он неистово размахивает жезлом, подавая сигналы, которые повторяет — тоже с помощью жезла — первый полицейский за барьером, изо всех сил свистя при этом в свисток.

Беранже мечется от одного полицейского к другому.

Беранже (*первому полицейскому*). Поторопитесь, мне нужно пройти. Речь идет об очень важном деле.

Первый полицейский (*продолжает свистеть и делает жезлом знак Беранже посторониться*). Не задерживайтесь!

Старик (*второму полицейскому*). Господин полицейский... (*Обращаясь к Беранже.*) Не отвечает. Он очень занят.

Беранже. Ох уж эти грузовики, встали, как нарочно! (*Смотрит на часы.*) К счастью, время не движется. (*Старик.*) Спросите, спросите его, он вас не съест.

Старик (*второму полицейскому, который продолжает свистеть*). Господин полицейский, будьте добры!

Второй полицейский (*первому*). Пусть грузовики подадут назад! (*Слышен рев моторов, но грузовики по-прежнему стоят на месте.*) Пусть едут вперед! (*Тот же результат.*)

Солдат (*обращаясь к Беранже*). Если бы я знал город, я бы ему объяснил. Но я не здешний.

Беранже (*старику*). Господин полицейский непременно ответит вам. Это честь для него. Спросите погромче.

Солдат продолжает обмахиваться гвоздиками.

Старик (*второму полицейскому*). Извините, господин полицейский, выслушайте меня, господин полицейский.

Второй полицейский. А?

Старик. Я хотел бы задать вам один небольшой вопрос!

Второй полицейский (*пренебрежительно*). Минуту! (*Солдату.*) Эй ты, почему ты вылез из машины, а?

Солдат. Я... я... да потому что она остановилась!..

Беранже (*в сторону*). Странно, у полицейского тот же голос, что и у комиссара. Неужели это он? (*Подходит поближе, всматривается.*) Нет. Комиссар не такой высоченный.

Второй полицейский (*старику, пока первый полицейский регулирует движение*). А вам что тут надо?

Беранже (*в сторону*). Нет, это не он. У комиссара голос все-таки не такой грубый.

Старик (*второму полицейскому*). Извините, скажите, пожалуйста, как попасть на набережную Дуная?

Второй полицейский (*обращаясь одновременно к старику, к первому полицейскому и к невидимым шоферам грузовиков*). Налево! Направо! Прямо! Вперед! Назад!

Это вызывает общее беспорядочное движение, которое должно выглядеть смешно. Грузовики тоже начинают двигаться. Второй полицейский, по-прежнему скрытый по пояс барьером, поворачивает голову и вертит жезлом «налево», «направо», «прямо», «вперед», «назад». Те же движения совершает Беранже, не сходя с места. Солдат повторяет сигналы букетом гвоздик. Старик порывается пойти налево, потом направо, потом прямо, вперед и назад.

Беранже (*в сторону*). У всех полицейских одинаковые голоса.

Старик (*возвращаясь ко второму полицейскому*). Извините, господин полицейский, простите, я плоховато слышу.

Я не совсем хорошо понял, в какую сторону вы мне указали... Скажите, пожалуйста, где находится набережная Дуная?..

Второй полицейский (старик). Да вы что, издеваетесь надо мной! Вот ведь попадаютя...

Беранже (в сторону). Комиссар был любезнее.

Второй полицейский (старик). Ну-ка... Кыш отсюда!.. глухой вы там или ненормальный... проваливайте! (*Отталкивает старика, который едва удерживается на ногах и роняет трость.*)

Второй полицейский свистит и с остервенением вертит во все стороны жезлом.

Солдат (по-прежнему сидя на крыше грузовика или на ступеньках). Ваша трость, мсье!

Старик (поднимая трость, второму полицейскому). Не сердитесь, господин полицейский, не сердитесь! (*Он сильно напуган.*)

Второй полицейский (орудуя жезлом). Налево...

Беранже (обращается к старик, в то время как грузовики перемещаются в глубине сцены, угрожая раздавить первого полицейского). Поведение этого полицейского совершенно возмутительно!

Первый полицейский. Осторожней, кретины!

Беранже (старик). Он обязан быть вежливым с гражданами!..

Первый полицейский (невидимым водителям грузовиков). Налево!

Беранже (старик). Это наверняка записано в уставе!.. (*Солдату.*) Как вы считаете?

Второй полицейский. Направо!

Солдат (по-детски). Не знаю... (*Обмахивается букетом.*) Я больше цветами интересуюсь.

Беранже (в сторону). Когда я увижу его начальника, архитектора, я ему все расскажу.

Второй полицейский. Прямо!

Старик. Ничего, все в порядке, господин полицейский, извините... (*Уходит налево.*)

Второй полицейский. Налево, налево!

Второй полицейский командует, как автомат, все быстрее и быстрее: «Прямо! Налево! Направо! Прямо! Назад! Вперед!» Первый, словно марионетка, повторяет то же самое, поворачивая голову соответственно направо, налево и т. д.

Беранже (солдату). Я считаю, мсье, что мы слишком вежливы, слишком робки с полицейскими. Мы распустили их, мы сами виноваты!

Солдат (протягивает букет Беранже, который подошел к нему, поднявшись на одну или две ступеньки). Понюхайте, как хорошо пахнет!

Беранже. Спасибо. Я ничего никогда не нюхаю.

Солдат. Это гвоздики, да?

Беранже. Гвоздики, но сейчас это неважно. Я должен во что бы то ни стало пройти. Эта пробка — настоящая катастрофа!

Второй полицейский (Беранже). Здесь нельзя стоять, проходите! (Идет к солдату, от которого отошел Беранже.)

Беранже (отходя, второму полицейскому). Вы тоже рады бы избавиться от этих грузовиков, господин полицейский, я вижу по вашему лицу. И вы совершенно правы.

Второй полицейский (первому). Посвисти минутку один.

Первый полицейский продолжает отдавать команды.

Первый полицейский. Понял! Иди!

Беранже (второму полицейскому). Передвигаться по улицам стало просто невозможно. Особенно когда случаются вещи... вещи, которые не терпят отлагательства.

Второй полицейский (солдату, указывая на букет, которым тот обмахивается). Тебе что, заняться больше нечем? Нашел себе забаву!

Солдат (вежливо). Я ничего дурного не делаю, грузовики не из-за меня тут застряли.

Второй полицейский. Грубиян, из-за твоих глупостей глохнет мотор! (Дает солдату пощечину. Тот сносит это молча. Второй полицейский так высок, что ему не нужно подниматься по ступенькам, чтобы дотянуться до солдата.)

Беранже (стоя посредине сцены, возмущенно). О!

Второй полицейский (вырывая у солдата букет и отшвыривая его за кулисы). Идиот! Совсем совесть потерял! Полезай в грузовик к своим товарищам и сиди.

Солдат. Хорошо, господин полицейский.

Второй полицейский (солдату). Пошевеливайся, пошевеливайся, ублюдок!

Беранже (не двигаясь с места). Это уж слишком!

Солдат (забирается в грузовик; второй полицейский под-

гоняет его кулаками, первый бьет жезлом по голове). Да, да, мсье, да, да!

Исчезает в кузове. Остальные солдаты, сидящие на скамейках в обоих грузовиках, могут быть нарисованными. Могут их изображать и куклы.

Беранже. Это уж слишком!

Второй полицейский (*обращается к военным в грузовиках*). Вы мешаете уличному движению! Вы осточертели нам с вашими грузовиками!

Беранже (*в сторону*). Страна, где полиция повышает голос... и поднимает руку на армию, обречена.

Второй полицейский (*поворачиваясь к Беранже*). Вам-то какое дело? Чего суется?..

Беранже. Я ничего не сказал, господин полицейский, я ничего не сказал...

Второй полицейский. Можно и так догадаться, что за гнусные мыслишки вертятся в мозгу у таких людей, как вы!

Беранже. Откуда вы знаете, что...

Второй полицейский. Не лезьте не в свое дело. Если вам так нравится наводить порядок, наведите его в своей дурной голове...

Беранже (*сбивчиво*). Ах, вовсе нет, господин полицейский, вы ошибаетесь, извините меня, но вовсе нет, я бы никогда... Даже напротив...

Второй полицейский. И вообще, что вы тут делаете? Предъявите документы!

Беранже (*роясь в карманах*). Конечно, конечно, пожалуйста, господин полицейский... Это ваше право!

Второй полицейский (*подходит к Беранже, который по сравнению с ним кажется лилипутом*). Давайте, давайте, поживей. Некогда мне с вами время терять!

Первый полицейский (*стоя по-прежнему между двумя грузовиками*). Ты что, решил взвалить всю пробку на меня одного? (*Свистит.*)

Второй полицейский (*первому*). погоди минутку! Сейчас я разберусь с этим господином. (*Беранже.*) Живей. Ну что, никак не отыщутся документики, а?

Беранже (*находит документы*). Вот они, господин полицейский.

Второй полицейский (*рассматривает документы и возвра-*

щает их Беранже). Вот те на! Странно... документы в порядке!

Первый полицейский свистит, размахивает жезлом. Грузовики с ревом отъезжают друг от друга и тут же снова возвращаются на место.

Первый полицейский (второму). Не огорчайся. Не сегодня, так в следующий раз попадетсЯ!

Беранже (второму полицейскому, забирая документы). Спасибо большое, господин полицейский.

Второй полицейский. Не за что...

Беранже (второму полицейскому, который хочет уйти). Теперь, когда вы выяснили мою личность и знаете мое дело, я позволю себе обратиться к вам за советом и за помощью.

Второй полицейский. Не знаю я никакого вашего дела.

Беранже. Ну как же, господин полицейский, как же! Вы ведь не могли не понять, что я ищу убийцу. Что еще я могу делать в этом районе?

Второй полицейский. Например, мешать мне регулировать движение.

Беранже (не расслышав последнюю реплику). ...Его можно задержать, у меня есть все улики... Вернее, они у Эдуарда, он мне их принесет, они у него в портфеле... Так что в принципе они у меня есть... и мне необходимо сейчас попасть в префектуру, это довольно далеко отсюда. Может ли кто-нибудь меня сопроводить?

Второй полицейский (первому). Слышал? Ну и запросы!

Первый полицейский (на минуту переставая свистеть). Он из преступного мира? Осведомитель?

Второй полицейский (первому). Если бы! Ходят тут всякие! (Свистит, повернувшись к машинам.)

Беранже. Выслушайте меня, прошу вас, это очень серьезно. Вы же видели мои документы. Я порядочный человек.

Второй полицейский (Беранже). Зачем вы лезете не в свое дело?

Беранже (приосаниваясь). Простите, но я гражданин, и это мое дело, это касается всех нас, мы все ответственны за злодеяния, которые... Словом, я настоящий гражданин.

Второй полицейский (первому). Нет, ты слышишь! Ну и болтун!

Беранже. Я еще раз обращаюсь к вам, господин полицейский. *(Первому полицейскому.)* И к вам тоже!

Первый полицейский *(поглощенный происходящим на дороге).* Хорошо... хорошо!

Беранже *(второму полицейскому).* ...И к вам тоже: может ли кто-то проводить меня до префектуры? Я друг комиссара, архитектора!

Второй полицейский. У меня другие обязанности. Вы же не полный идиот, вы видите, что я регулировщик!

Беранже *(осмелев).* Я друг комиссара!..

Второй полицейский *(наклоняясь к Беранже, кричит ему в самое ухо).* Я ре-гу-ли-ров-щик!

Беранже *(отступая на шаг).* Да, да, но... тем не менее... общественные интересы!.. общественная безопасность!

Второй полицейский. Общественная безопасность? Мы охраняем ее. Когда остается время. Главное — уличное движение!

Первый полицейский. Кто он такой, этот тип?

Беранже. Простой гражданин, уверяю вас...

Первый полицейский *(между двумя свистками).* Нет ли у него фотоаппарата?

Беранже. Нет, нет, можете меня обыскать. *(Выворачивает карманы.)* Я не репортер...

Второй полицейский *(Беранже).* Счастье твое, что у тебя нет аппарата, я бы тебе всю морду разбил!

Беранже. Я не боюсь ваших угроз. Общественная безопасность важнее, чем моя персона. Он и Дани убил.

Второй полицейский. Кто такая Дани?

Беранже. Он ее убил!..

Первый полицейский *(продолжая свистеть, подавать сигналы, командовать «Налево! Направо!»).* Его краля...

Беранже. Нет, мсье, она была моей невестой. Должна была быть.

Второй полицейский *(первому).* Так и есть. Он хочет отомстить за свою кралю.

Беранже. Преступление не должно оставаться безнаказанным!

Первый полицейский. До чего же люди бывают настырны. Ну и ну!

Второй полицейский *(громче, повернувшись к Беранже).*

Это не моя работа, понимаете? Ваша история меня не интересует. Раз вы друзья с шефом, идите к нему и оставьте меня в покое.

Беранже *(пытается спорить)*. Господин полицейский... Я... я...

Второй полицейский *(под язвительный смех первого)*. Я охраняю покой граждан, так дайте покой и мне. Дорогу вы знаете... *(Указывает на дорогу, перекрытую грузовиками.)* Катитесь, путь свободен!

Беранже. Хорошо, господин полицейский, хорошо, господин полицейский!

Второй полицейский *(первому, насмешливо)*. Пропусти этого господина!

Словно по волшебству, грузовики отъезжают, и вся задняя часть декорации исчезает. Декорация должна быть подвижной.

Пропусти этого господина!

Первый полицейский исчезает вместе со стеной и грузовиками. В глубине сцены открывается очень длинная улица или проспект, в конце которого, на фоне заходящего солнца, видно здание префектуры. Маленький трамвайчик вдали пересекает сцену.

Пропусти этого господина.

Первый полицейский *(появляется и вновь исчезает вместе с раздвинувшейся декорацией, проплывая над одной из крыш только что возникшей улицы)*. Давайте топайте! *(Делает ему знак проходить и исчезает.)*

Беранже. Именно это я и делаю!..

Второй полицейский *(Беранже)*. Я вас ненавижу.

Второй полицейский внезапно исчезает. На сцене становится темно. Беранже остается один.

Беранже *(вслед второму полицейскому)*. Скорее я был бы вправе вам это сказать! Сейчас у меня нет времени на то, чтобы... Но вы еще обо мне услышите! *(Кричит исчезнувшим полицейским.)* Вы еще обо мне услышите!

Эхо подхватывает: «У-слы-ши-те»...

Беранже на сцене в полном одиночестве.

Трамвая в глубине больше не видно. Режиссер, художник, осветитель должны сделать явственно ощутимым одиночество Беранже, подчеркнуть пустоту, которая его окружает, безлюдность огромного проспекта между городом и пригородом. Можно убрать часть декораций, чтобы рас-

ширить сценическое пространство. В продолжение следующей сцены Беранже долго идет. Если нет поворотного круга, он может переступить на месте. Через некоторое время можно вновь вернуть на сцену дома, постепенно сужая расстояние между ними, чтобы в конце концов получился узкий коридор и стало ясно, что Беранже попал в ловушку. Освещение не меняется. Стоят сумерки. Рыжее солнце неподвижно висит над горизонтом: его видно и тогда, когда сцена свободна, и в конце коридора, который представляет собой длинную узкую улицу. Сумерки не сгущаются. Время остановилось. Беранже выглядит все более и более встревоженным. Сначала он идет очень быстро, потом начинает все чаще и чаще оглядываться, походка становится менее бодрой, нерешительной. Он с беспокойством осматривается по сторонам, опять оглядывается. В какой-то момент ему захочется обратиться в бегство, повернуть назад, он с трудом подавит это желание и, сделав над собой усилие, решится снова идти вперед. Если декорация неподвижна и ее нельзя менять, не опуская занавеса или не гася света, Беранже может идти по сцене слева направо, потом справа налево и т. д. Он будет продвигаться все осторожнее и осторожнее, то и дело озираясь вокруг. И все-таки под конец, когда появится последнее действующее лицо пьесы — или раздастся звук, возвещающий его присутствие, — Беранже окажется застигнутым врасплох: в этот момент он должен смотреть в другую сторону. Вместе с тем появление этого персонажа будет подготовлено состоянием самого Беранже: его нарастающее беспокойство должно дать почувствовать приближение убийцы.

Беранже (пускается в путь, оборачивается на ходу в сторону правой кулисы, где скрылись полицейские, и посылает им кулак). Я не могу делать все сразу. Сейчас я занимаюсь убийцей. Но я займусь и вами. (Секунды две идет молча и быстро.) Ваше поведение недопустимо. Конечно, доносить некрасиво, но я буду говорить об этом со старшим комиссаром, можете не сомневаться. (Идет молча.) Только бы не опоздать! (Слышится шум ветра. Пролетает сухой лист. Беранже поднимает воротник.) Еще и ветер поднялся вдобавок ко всему. И темнеет уже. Успеет ли Эдуард вовремя меня догнать? Он такой копуша! (Идет молча. Декорации меняются.) Нам необходимы перемены. И начать надо с реформы полиции... Все, на что они способны, — это учить вас быть паиньками, а когда вы действительно нуждаетесь в них... когда надо вас защитить... дудки... они плюют на вас... (Оглядывается.) Они уже дале-

210

ко вместе со своими грузовиками... Надо торопиться. *(Снова идет вперед.)* Да... когда надо вас защитить, они бросают вас на произвол судьбы. *(Вглядывается в даль.)* Надо успеть дойти до наступления темноты. Кажется, дорога небезопасна. Еще далеко... И я нисколько не приблизился... я не двигаюсь вперед. Как будто иду на месте. *(Пауза.)* Конца нет этому проспекту, трамвайным рельсам... *(Пауза.)* Здесь все-таки рядом заставы, окружной бульвар... *(Идет молча.)* Я весь дрожу. Просто ветер очень холодный. Можно подумать, будто мне страшно, но это неправда. К одиночеству я привык... *(Идет молча.)* Я всегда был один... А ведь я люблю человечество, но только издалека. Что ж из того, главное, что мне безразлична его судьба! И вот тому доказательство: я действую... *(Улыбается.)* Я действую... Я действую... Я действую... даже непривычно это произносить! Одним словом, я подвергаю себя опасности ради него... и ради Дани. Опасности? Какой опасности? Управление меня защитит. Милая Дани, полицейские оскорбили твою память. Они мне за это заплатят. *(Оглядывается назад, всматривается вперед, останавливается.)* Осталось еще полдороги. Или около того... *(Снова нерешительно пускается в путь, оглядываясь на ходу.)* Эдуард! Это вы, Эдуард?

Эхо отвечает: «ы... э... уард...»

Нет, это не Эдуард!.. Когда убийца будет наконец арестован, связан, обезврежен, то навсегда вернется весна, все города станут сияющими... Я буду вознагражден. Но я не к этому стремлюсь. Мне достаточно выполнить свой долг. Только бы не опоздать, только бы не опоздать.

Слышится завывание ветра или вой собаки. Беранже останавливается.

Может быть, вернуться... за Эдуардом? И завтра вместе отправиться в префектуру? Да, пойдем лучше завтра, с Эдуардом... *(Поворачивает назад, делает несколько шагов.)* Нет. Эдуард наверняка нагонит меня с минуты на минуту. *(Обращаясь к самому себе.)* Вспомни о Дани. Я должен отомстить за Дани. Я должен воспрепятствовать злу! Да, да, я верю, что мне это удастся. Все равно я уже слишком далеко от дома, и дорога назад совершенно темная. Здесь светлее! Идти в префектуру безопаснее. *(Опять кричит.)*

Эдуард! Эдуард!

Эхо. Э-ду-ард!.. у... ард...

Беранже. Уже невозможно разглядеть в темноте, идет он или нет. Может быть, он совсем близко. Вперед! *(С большой опаской продолжает путь.)* С виду незаметно, но я много прошел... Да, да, это совершенно ясно... Казалось бы, непохоже, но я иду вперед... Я иду вперед... Справа вспаханные поля, а тут пустынная улица... По крайней мере, я больше не рискую попасть в пробку, можно не волноваться. *(Смеется. Эхо подхватывает смех. Беранже в испуге озирается.)* Что?.. А, это эхо... *(Идет дальше.)* Никого же нет, что ты... А там кто? Там, за деревом! *(Бросается к облетевшему дереву, которое может появиться в этот момент, если декорация подвижна.)* Да нет, никого нет...

С дерева падает лист старой газеты.

Аа!.. Я уже начал бояться газеты. Какой я дурак! *(Хочет.)*

Эхо подхватывает: «акой... я... у... ак...» — и повторяет искаженные раскаты смеха.

Надо идти вперед... Нельзя сворачивать! Меня защищает Управление, и я иду вперед... я иду вперед... надо... надо... *(Останавливается.)* Нет. Нет. Смысла нет, я все равно опоздал. Я не виноват, виновато... виновато... уличное движение, меня задержала пробка... И главное, виноват Эдуард... он все забывает, он вечно все забывает... Преступник убьет кого-то, быть может, этой же ночью... *(Вздрагивает.)* Я должен во что бы то ни стало помешать этому. Я должен идти. *(Делает еще несколько шагов в направлении предполагаемой префектуры.)* В сущности, это бессмысленно, потому что все равно уже поздно. Несколькими жертвами больше или меньше — при теперешнем положении дел это уже мелочи!.. Мы пойдем завтра, мы пойдем завтра вместе с Эдуардом, это куда проще, скоро префектура закроется, может быть, уже закрылась... Зачем тогда нужно... *(Кричит в сторону правой кулисы.)* Эдуард! Эдуард!

Эхо. Э... ард... э... ард...

Беранже. Он не придет. Нечего и звать. Слишком поздно. *(Смотрит на часы.)* У меня часы стоят... Что поделаешь, ничего не случится, если мы отложим... Я пойду завтра, с Эдуардом! Комиссар арестует убийцу завтра. *(Оглядывает)*

вається.) Где мой дом? Только бы найти дорогу назад! Туда! *(Резко оборачивается и внезапно прямо перед собой видит убийцу.)* А!

Декорация, разумеется, больше не движется. Впрочем, декорации, как таковой, практически и нет. Остается только стена, скамья. Голая равнина. Слабое свечение на горизонте. Проекторы освещают действующих лиц бледным, тусклым светом, остальное пространство погружено в полумрак. Убийца ухмыляется; он очень мал ростом, небрит, тщедушен, на нем рваная шляпа, старый, выношенный габардиновый плащ; он одноглазый. Единственный глаз поблескивает стальным блеском. Лицо неподвижное, словно застывшее. Из старых дырявых башмаков торчат голые пальцы. При своем появлении, сопровождающемся негромким смешком, он должен стоять на скамье или на уступе стены. Потом он спокойно спустится и, слегка усмехаясь, подойдет к Беранже; в этот момент и станет заметно, как он мал ростом. Другой вариант: убийцы нет вообще. Слышно только, как он усмежается. Беранже говорит один в темноте.

Это он, убийца! *(Убийце.)* Значит, это вы! *(Убийца чуть слышно усмежается. Беранже в испуге озирается по сторонам.)* Вокруг только темные поля... Можете мне этого не говорить, я вижу не хуже вашего. *(Смотрит вдаль, в сторону префектуры. Убийца чуть слышно усмежается.)* До префектуры слишком далеко? Так вы сказали? Знаю. *(Убийца усмежается.)* Или это я сам сказал? *(Убийца усмежается.)* Вы насмехаетесь надо мной! Я позову полицию, вас арестуют. *(Убийца усмежается.)* Вы говорите, что это бессмысленно, что меня отсюда не услышат?

Убийца спускается со скамейки или с уступа стены и с подчеркнутым равнодушием подходит к Беранже, чуть слышно посмеиваясь; руки он держит в карманах.

Беранже *(в сторону)*. Проклятые фараоны, они нарочно подстроили, чтобы я оказался с ним один на один. Хотят изобразить дело так, будто это простое сведение счетов. *(Убийце, почти крича.)* За что? Скажите, за что?

Убийца ухмыляется, чуть заметно пожимает плечами. Он успел подойти к Беранже почти вплотную. Беранже выглядит не только выше, но и намного сильнее его, ибо убийца — почти карлик. Беранже нервно смеется.

О, да вы же такой хилый! Слишком хилый для преступника, бедняга вы мой! Я вас не боюсь! Взгляните на меня,

посмотрите, насколько я сильнее. Да я вас одним щелчком могу уложить. Вы передо мной букашка. Понятно? *(Та же усмешка убийцы.)* Я вас не бо-юсь! *(Убийца усмехается.)* Я могу раздавить вас, как червяка. Но я этого делать не стану. Я хочу понять. Вы будете отвечать на мои вопросы. Вы же в конце концов человеческое существо. Чем-то ведь вы руководствуетесь. Вы должны объяснить мне, почему вы этим занимаетесь, иначе не знаю, что я с вами... Говорите, во имя чего?.. Отвечайте!

Убийца усмехается, слегка пожимает плечами. Беранже со своим наивным пафосом выглядит довольно комично. Вся его речь должна звучать гротескно, выпендренно и нелепо, хотя и искренне. Он использует декламаторские приемы, которые лишь подчеркивают всю несовременность и безнадежную неубедительность его доводов.

Человек, который совершает то, что совершаете вы, делает это, быть может, потому, что... Слушайте... Вы погубили мое счастье и счастье стольких людей... Этот квартал, такой светлый, мог бы со временем засиять на весь мир... окружить Францию новым ореолом! Если в вас жива еще хоть какая-то привязанность к своей Родине... отблеск его мог бы лечь и на вас, и вы, как и многие, многие другие, не остались бы равнодушны, вы были бы счастливы... Стоило лишь немного подождать, дело было только в терпении. Нетерпение — вот что губит все... да-да, вы были бы счастливы, счастье распространилось бы и на вас, оно стало бы всеобъемлющим, возможно, вы этого не знали или не верили... Вы заблуждались... И вот, разрушая чужое счастье, в том числе, кстати, и мое, вы разрушили свое собственное... *(Убийца усмехается.)* Вы, разумеется, в счастье не верите. Думаете, что счастье в этом мире невозможно. Хотите разрушить мир, ибо, по-вашему, он обречен на несчастье. Ведь так? Я угадал? Отвечайте! *(Убийца усмехается.)* Вы ни на миг не задумались о том, что, быть может, ошибаетесь. Вы уверены в своей правоте. Глупая самонадеянность! Прежде чем судить так категорично, дайте, по крайней мере, людям закончить эксперимент. Они пытаются практически, технически осуществить здесь, на этой земле, идею счастья. А вдруг им это удастся, откуда вам знать? Если не удастся, тогда вы и будете судить. *(Усмешка убийцы.)* Вы что, пессимист? *(Усмешка убийцы.)* Вы ни-

гилист? *(Усмешка убийцы.)* Анархист? *(Убийца усме-
хается.)* Или вы вообще против счастья? Или, может быть,
счастье для вас означает не то, что для всех? Скажите мне,
какова ваша жизненная позиция, в чем состоит ваша фи-
лософия? Что вами движет? Каковы ваши цели? Отвечайте!
(Убийца усмехається.) Послушайте: вы причинили мне самое
страшное зло, уничтожив все, что... ладно, не будем об
этом... обо мне говорить не стоит. Но вы убили Дани!
Что она вам сделала? Это была обворожительная девушка,
не без недостатков, конечно, как все. Вероятно, она была
вспыльчива, немного взбалмошна, но сердце у нее было
доброе, и ее красота изкупала все! Убивать взбалмошных
девиц только за то, что они взбалмошны, или соседей за
то, что они шумят и не дают вам уснуть, или кого-то еще за
то, что он думает иначе, чем вы,— это было бы просто
глупо, вы со мной не согласны? Так вот, вы именно это
и делаете! Разве не так? Не так? *(Убийца усмехається.)*
Оставим Дани, она была моей невестой, вы можете ска-
зать, что я необъективен. Но тогда ответьте, что вам сде-
лал штабист, офицер инженерных войск? *(Убийца усме-
хається.)* Хорошо, хорошо... понимаю: есть люди, которые
не выносят военной формы. Им видится в ней — неважно,
справедливо или нет,— символ давления, тирании, войны,
разрушающей цивилизацию. Ладно, не будем поднимать эту
проблему, она может завести нас слишком далеко, но жен-
щина... *(Убийца усмехається.)* Вы отлично знаете, о ком
я говорю, молодая рыжеволосая женщина, она что вам
сделала? Какие причины у вас были питать к ней не-
приязнь? Отвечайте!! *(Убийца усмехається.)* Допустим, вы
ненавидите женщин: быть может, они изменяли вам, не
любили вас, ибо вы... ну, словом, вы не красавец... Это
несправедливо, действительно несправедливо, но в жизни
существует не только эротика, вам следует преодолеть в се-
бе эту обиду, стать выше ее... *(Убийца усмехається.)* Но ре-
бенок-то, ребенок что сделал вам? Дети ни в чем не винов-
ны! Разве я не прав? Вы знаете, кого я имею в виду: того
мальчика, которого вы утопили в бассейне вместе с жен-
щиной и офицером. Бедняжка... Дети — это наша надежда,
ребенок неприкосновенен, так думают все. *(Убийца усме-
хається.)* Или вы считаете, что род человеческий как та-

ковой изначально порочен? Отвечайте! Вы готовы карать его даже в лице ребенка, то есть самого чистого из его представителей... Мы могли бы с вами устроить публичный диспут на эту тему, вы выступили бы в качестве моего оппонента. Согласны? Я серьезно вам это предлагаю! *(Убийца усмехается, пожимает плечами.)* А может быть, вы убиваете по доброте душевной? Чтобы спасти людей от страданий? Вы считаете, что жизнь есть одно лишь страдание? Или стремитесь освободить людей от страха смерти? Вы думаете — многие уже думали так до вас, — что человек — это больное животное и всегда им останется, несмотря на социальный, технический или научный прогресс, и хотите, так сказать, умертвить всех из милосердия? Вы заблуждаетесь, заблуждаетесь! Отвечайте! *(Убийца усмехается.)* Во всяком случае, если вы не цените жизнь, если она, по-вашему, слишком коротка, то и страдания человека тоже коротки: будет он страдать тридцать лет или сорок, десятью годами меньше или больше — не все ли вам равно? Дайте людям страдать, если таково их желание. Пусть страдают на здоровье, пока им самим не надоест... Так или иначе, это кончится: годом раньше — годом позже, какая разница, если у них впереди вечность, где уже не будет страдания. Дайте им умереть своей смертью, и проблема решится. Все угаснет, кончится само собой. Не торопите события: это бессмысленно. *(Убийца усмехается.)* Вы ставите себя в абсурдное положение: если вы считаете себя благодетелем человечества, уничтожая его, то вы ошибаетесь, это бред!.. Вы не боитесь быть смешным? А? Ответьте мне на это! *(Смешок убийцы. Громкий нервный смех Беранже. Несколько мгновений он молча смотрит на убийцу.)* Я вижу, вас все это не интересует. Я не сумел нащупать истинную проблему, ту, что действительно терзает вашу душу. Скажите мне: вы ненавидите род человеческий? Ненавидите? *(Убийца усмехается.)* Но за что? Отвечайте! *(Убийца усмехается.)* Тогда не преследуйте людей своей ненавистью, это нелепо, вы сами от этого страдаете, ненавидеть мучительно, лучше презирайте их, да, я позволяю вам их презирать, удалитесь от них, живите в горах, станьте пастухом — вот, кстати, выход, — живите среди овец и собак. *(Убийца усмехается.)* Животных вы

тоже не любите? Вам ненавистно все живое? Даже растения?.. А камни, солнце, звезды, голубое небо? *(Убийца усмехается, пожимая плечами.)* Нет. Нет, я ерунду говорю, этого не может быть. Нельзя ненавидеть все! Вы считаете, что общество устроено дурно, исправить его нельзя, а революционеры — дураки? *(Убийца пожимает плечами.)* Да отвечайте же наконец, отвечайте! А-а! Диалог с вами невозможен! Слушайте, я ведь сейчас рассержусь, берегитесь! Нет... нет... я не должен терять хладнокровия. Я должен понять вас. Не смотрите на меня так своим стальным глазом. Я буду говорить с вами откровенно. Только что я хотел отомстить вам, за себя и за других. Я хотел отправить вас в тюрьму, на гильотину. Мсть бессмысленна. Кара не есть решение проблемы. Я был разъярен. Я смертельно вас ненавидел... Но едва я вас увидел... не сразу, не в ту же секунду, нет, через несколько мгновений, я вас... это смешно, вы не поверите, и все же я должен сказать вам... да... вы человеческое существо, мы с вами принадлежим к одному биологическому виду, мы обязаны понимать друг друга, это наш долг... через несколько мгновений я вас полюбил или почти полюбил... ибо мы с вами братья... и если я вас ненавижу, я должен ненавидеть и себя самого... *(Убийца усмехается.)* Не смейтесь! Все это существует на самом деле — солидарность, братство людей, я в этом убежден, смеяться тут не над чем... *(Убийца усмехается, пожимает плечами.)* Ах... да вы же... вы просто-напросто... выслушайте меня внимательно. Сила на нашей стороне, я сам физически сильнее вас, несчастного калеки, тщедушного хлюпика! К тому же за меня закон... полиция! *(Убийца усмехается.)* Правосудие, все силы порядка! *(Убийца усмехается.)* Я не должен, не должен выходить из себя... извините... *(Убийца усмехается. Беранже вытирает со лба пот.)* Вы владеете собой лучше, чем я... но я уже успокоился... я успокоился... не пугайтесь... Впрочем, вы и не выглядите напуганным... Я хотел сказать, не обижайтесь на меня... но вы и не обижаетесь, это не то, я потерял нить... Ах да... Вам, может быть, неизвестно... *(Очень громко.)* Христос умер на кресте ради вас, он пострадал за вас, он вас любит!!! Вы наверняка нуждаетесь в том, чтобы быть любимым, и думаете, что вас не любит никто! *(Убийца*

усмехается.) Даю вам честное слово, святые проливают слезы о вас, потоки, океаны слез. Эти слезы омывают вас с головы до пят, неужели вы от них еще не промокли? (*Усмешка убийцы.*) Хватит усмехаться! Вы мне не верите, не верите!.. Если вам мало одного Христа, я торжественно обещаю отправить на голгофы исключительно ради вас и приказать распять из любви к вам целые батальоны Спасителей!.. Они должны сыскаться, я сыщу! Хотите? (*Та же усмешка убийцы.*) Хотите, целый мир примет смерть ради вас, чтобы вы улыбнулись, чтобы только доставить вам хоть один миг счастья? Это тоже возможно! Я сам готов обнять вас, стать одним из ваших утешителей. Я исцелю ваши раны, ибо вы изранены, правда? Вы ведь страдали? Вы страдаете и сейчас? Мне жаль вас, знайте. Хотите, я омою ваши ноги? Хотите надеть после этого новые башмаки? Вам отвратительна наивная сентиментальность. Да, я вижу, к вашим чувствам взывать бесполезно. Вы опасаетесь нежностей. Бойтесь, что вас обманут. Ваш темперамент диаметрально противоположен моему. Все люди братья, но они не похожи друг на друга, как близнецы. И все-таки нечто общее у них есть. Должно быть нечто общее, какой-то общий язык... Но какой? Какой? (*Убийца усмехается.*) А, знаю, теперь знаю... Видите, я правильно делаю, что разговариваю с вами. Мы можем говорить на языке разума. Уж этот-то язык вам наверняка подойдет. Вы ведь человек науки, не так ли? Человек современной эпохи, рационалист, я угадал? Вы отрицаете любовь, сомневаетесь в милосердии — они не укладываются в ваши формулы — и считаете, что милосердие — это надувательство! Так или нет? Скажите, так? (*Убийца усмехается.*) Я не виню вас. И не презираю за это. В конце концов такую точку зрения можно отстаивать, но, между нами говоря, посудите сами: какая вам выгода от того, что вы делаете? В чем она? Для чего все это? Убивайте на здоровье людей, если вам так хочется, но мысленно... а физически оставьте их в живых. (*Убийца пожимает плечами, усмехается.*) Ах да, понимаю, для вас это смехотворное противоречие. Идеализм, думаете вы про себя! Вы философ-практик, человек действия. Превосходно. Но к чему приближает вас это ваше действие? Какова его конечная цель? Задавались ли

вы когда-нибудь вопросом о конечных целях? (*Убийца усмехается и чуть заметнее, чем прежде, пожимает плечами.*) Такое действие попросту бессмысленно и в общем-то изнурительно. Оно доставляет вам одни хлопоты. Даже если полиция закрывает глаза, что происходит в большинстве случаев, все равно — чего ради вы тратите столько усилий, нервов, продумываете сложнейшие планы, ночи напролет выслеживаете жертву... терпите презрение людей? Допустим, вам оно безразлично. Ну хорошо, вы добились того, что люди вас боятся. Это, конечно, кое-что. Пусть так, но зачем вам их страх? Это же не капитал. Вы не извлекаете из него никакой выгоды. Отвечайте! (*Усмешка убийцы.*) Или, слушайте, вы ведь бедны, хотите денег? Я могу подыскать вам работу, устроить на хорошее место... Нет. Вы не бедны? Богаты? А-а... ясно, хорошо, ни бедны, ни богаты!.. (*Убийца усмехается.*) Я вижу, работать вы не хотите: ладно, вы не будете работать. Я стану кормить вас, или, вернее, поскольку я сам беден, я обо всем позабочусь, мы устроим складчину, у меня есть друзья, я поговорю с архитектором. Вы будете жить спокойно. Мы будем ходить с вами в кафе, в бар, я познакомлю вас с доступными женщинами... Преступление не приносит дохода. Не совершайте больше преступлений, и вам будут платить. То, что я вам говорю, разумно! (*Убийца усмехается.*) Вы согласны? Отвечайте, отвечайте же! Вы говорить-то умеете?.. Слушайте, я сделаю вам одно мучительное признание. Я сам часто во всем сомневаюсь. Никому только не рассказывайте. Я сомневаюсь в нужности жизни, в смысле жизни, в своих ценностях и во всех диалектиках. Я уже ни в чем не уверен, и, быть может, ни истины, ни милосердия нет. Но в этом случае будьте последовательны: если все суета, если милосердие — суета, то и преступление тоже суета... Вы были бы глупцом, если бы, зная, что все прах, придавали какое-то значение преступлению, ибо это все равно что придавать значение самой жизни... Это значит принимать все всерьез... Вы оказываетесь в противоречии с самим собой. (*Нервный смех Беранже.*) Ну как? Все ясно, все логично. Вот я и загнал вас в угол! В этом случае вы как мыслитель ничто, наивный простака, достойный лишь жалости. Логически, любой получает право посмеяться над

вами! Хотите, чтобы над вами смеялись? Естественно, нет. Вы наверняка самолюбивы, кичитесь своим умом. Очень неприятно прослыть глупцом. Куда зазорнее, чем преступником. Даже безумие окружено неким ореолом. Но глупость? Быть дураком — кто же на это согласится? *(Убийца усмехается.)* Все будут указывать на вас пальцем. И кричать: «Ха-ха-ха!» *(Убийца усмехается. Поражение Беранже все более и более очевидно.)* «Вон идет дурак, вон идет дурак! Ха-ха-ха!» *(Усмешка убийцы.)* «Он убивает людей, старается, из кожи вон лезет, ха-ха-ха! без всякой выгоды для себя, просто так... Ха-ха!» Хотите вы, чтобы люди так говорили? Принимали бы вас за дурака, за идеалиста, за мечтателя, который во что-то «верит», «верит» в преступление, кретин. Ха-ха-ха! *(Усмешка убийцы.)* ...Верит в самоценность преступления! Ха-ха! *(Смех Беранже внезапно обрывается.)* Отвечайте! Так и станут говорить, да, да... если еще останутся люди для этого... *(Беранже заламывает руки, складывает ладони, встает на колени перед убийцей.)* Я больше не знаю, что вам сказать. Конечно, у нас есть перед вами некоторая вина. *(Усмешка убийцы.)* А может быть, и нет никакой. *(Усмешка убийцы.)* Не знаю. Может быть, виноват я, может быть, вы, может быть, ни вы, ни я. Может быть, вообще, вообще никто ни в чем не виноват. То, что вы делаете, возможно, есть зло, возможно, добро или ни то, ни другое. Я не знаю, как судить. Вполне вероятно, что жизнь человечества не имеет никакого значения, тогда и исчезновение его тоже не важно... Не исключено, что и вся вселенная не имеет смысла, и вы правы, желая ее взорвать или, по крайней мере, расшатать, отрывая человека за человеком, кусок за куском... Может быть, вам не следует этого делать. Я уже не знаю, совершенно ничего не знаю. Может быть, вы заблуждаетесь, а может быть, нет, и это мы, наоборот, заблуждаемся, стремясь существовать. Объяснитесь. Что вы об этом думаете? Я не знаю, не знаю. *(Убийца усмехается.)* Некоторые утверждают, что существование — это отклонение от нормы. *(Убийца усмехается.)* Мотивы, на которые вы ссылаетесь, быть может, лишь маскируют побуждения подлинные, которые вы бессознательно скрываете от себя самого. Кто знает! Отбросим все это. Забудем беды, которые вы успели наделать... *(Убий-*

ца усмехается.) Идет? Вы убиваете без причины? Тогда заклинаю вас, точно так же, без причины, перестаньте это делать... Для этого нет основания, я понимаю, но именно потому, что основания нет ни убивать, ни не убивать, не убивайте. Вы убиваете людей просто так — пощадите их просто так. Оставьте людей в покое, пусть живут своей глупой жизнью. Оставьте всех, даже полицейских, даже... Обещайте мне, что прекратите убивать хотя бы на месяц... я вас умоляю, на неделю, на двое суток, чтобы можно было перевести дух... Вы согласны, не правда ли?.. *(Убийца чуть слышно усмехается, медленно достает из кармана нож с длинным блестящим лезвием и поигрывает им.)* Подлец! Выродок! Слабоумный душегуб! Ты уродливее жабы! Сви-репее тигра, глупее осла... *(Убийца чуть слышно усмехается.)* Я встал на колени... да, но не для того, чтобы тебя умолять... *(Усмешка убийцы.)* а чтобы лучше прицелиться... Я пристрелю тебя, потом буду топтать ногами, я тебя раздавлю, подонок, падаль! *(Беранже достает из карманов два пистолета и направляет их на убийцу, который стоит не шелохнувшись.)* Я убью тебя, ты заплатишь за все, я буду стрелять и стрелять, потом повешу тебя, потом разрежу на тысячу кусков, зашвырну твои останки к чертям, в экскременты, из которых ты вышел, блевотина шелудивого пса сатаны, кровавый дебил... *(Убийца продолжает поигрывать ножом, усмехается, но с места не двигается и лишь слегка пожимает плечами.)* Не смотри на меня так, я не боюсь тебя, позор творения... *(Беранже долго, не стреляя, целится в убийцу, который неподвижно стоит в двух шагах от него, усмехается и медленно заносит нож.)* О... как слаба моя сила против твоей холодной решимости, против твоей беспощадной жестокости!.. Что могут пули против твоего неукротимого упорства? Но я расправлюсь с тобой, расправлюсь... *(Потом ярость его слабеет. Убийца стоит с занесенным ножом, не отступая и по-прежнему усмехаясь. Беранже смиряется, медленно опускает свои старомодные пистолеты, кладет их на землю, склоняет голову и, стоя на коленях, с опущенными руками, бормочет заплетающимся языком.)* Боже мой, ничего невозможно поделаты!.. Что поделаешь... Что поделаешь...

Убийца, негромко усмехаясь, медленно подходит к нему вплотную.

Лондон, август 1957.

Содержание

- 5 *Г. Зингер. Алгебра антиутопии*
- 15 *Лысая певица. Перевод Е. Суриц*
- 45 *Стулья. Перевод М. Кожевниковой*
- 84 *Жертвы долга. Перевод Н. Мавлевич*
- 129 *Бескорыстный убийца. Перевод И. Кузнецовой*

Ионеско Э.

И75 Лысая певица: Пьесы/Пер. с франц. Предисл. Г. Зингера. Сост. И. Дюшена.— М.: Известия, 1990.— 224 с. (Библиотека журнала «Иностранная литература»)

Классик театра абсурда Эжен Ионеско изучает постепенное или катастрофическое отчуждение людей — членов какого-либо сообщества, превращающее их в придатки Системы. Его пьесы служат чрезвычайно талантливым и остроумным пособием по социальной патологии массового сознания.

И 4703000000-005 66-90
074(02)-90

ББК 84.4(Фр)
И (Фр)

ЭЖЕН ИОНЕСКО
ЛЫСАЯ ПЕВИЦА

Художественный редактор *С. Мухин*
Технический редактор *И. Клыкова*
Корректор *Л. Шмелева*

ИБ № 1426

Сдано в набор 14.06.89. Подписано в печать 27.02.90. Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр.-отг. 9,4. Уч.-изд. л. 11,37. Тираж 50 000 экз. Зак. № 781. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Известия Советов народных депутатов СССР»
103791, Москва, Пушкинская пл., 5.

Можайский полиграфкомбинат В/О «Совэкспорткнига» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
143200, Можайск, ул. Мира, 93.

Драматург, эссеист и философ

Эжен Ионеско,

удачно совмещающий славу неистового лидера авангарда с титулами офицера Почетного легиона, академика (с 1970 г.), лауреата многочисленных премий, родился 26 ноября 1912 года в Слатине (Румыния), детство провел во Франции (1913—1924), отрочество и юность — в Румынии. С 1929 года он преподает французский язык и делает первые шаги на литературном поприще.

В 1938 году Ионеско окончательно переезжает во Францию и защищает в Сорбонне докторскую диссертацию по философии "О мотивах страха и смерти во французской поэзии после Бодлера". 11 мая 1950 года состоялась премьера его первой пьесы "Лысая певичка". За ней следовали: "Урок" (1951), "Стулья" (1952), "Жертвы долга" (1953), "Новый жилец" (1957), "Бескорыстный убийца" и "Носороги" (1959), "Король умирает" (1962), "Воздушный пешеход" (1963), "Жажда и голод" (1965) и многие другие.

Ионеско публикует статьи об искусстве, воспоминания и размышления о театре, наиболее значительные из них объединены в сборники "Заметки и опровержения" (1962), "Пунктиры исканий" (1987). С годами слава драматурга не убывает. В глазах современников он остается (по выражению французского поэта и критика С. Дубровского) "едким наблюдателем, безжалостным коллекционером людских глупостей и образцовым дураковедом".